

С. САХАРНОВ

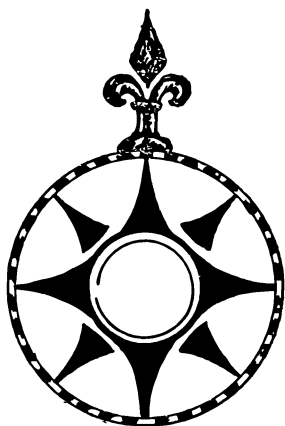
ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ

С. САХАРНОВ

**ОСТРОВ
ВОДОЛАЗОВ**

Л Е Н И З Д А Т • 1 9 7 2

П О В Е С Т Ь
Р А С С К А З Ы

С. САХАРНОВ

**ОСТРОВ
ВОДОЛАЗОВ**

Scan AAW

ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ

П о в е с т ь

Нет сомнения в том, что загадка русских поселений в устье Юкона и на Кенае — одна из самых интересных загадок в истории русских географических открытий.

М. И. Белов,
доктор исторических наук

1969 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой происходит моя встреча
с Аркадием*

В день, когда начались необыкновенные события, описанные в этой книге, я торопливо пересек сквер, обогнул бронзовую глыбу памятника, вбежал в вестибюль Публичной библиотеки.

Мое любимое место на антресолях в последнем зале. Разложив на столе подшивку «Правды», я принялся читать статью о новых газопроводах.

Стол был первым от лестницы. Заскрипели ступеньки. Они повизгивали торопливо и быстро — кто-то спешил. Я поморщился и, подняв глаза от газетных страниц, стал ждать. Над барьером показалась голова Аркадия.

После поездки на Урал мы не виделись полгода. — Как ты нашел меня? — шепотом спросил я.

Аркадий развел руками.

Наклонясь к моему уху, он горячо забормотал. Сзади начали шикать. Я закрыл подшивку и, взяв Аркадия под руку, повел вниз с галереи, через зал, наполненный шорохом страниц, шуршанием авторучек и гнетущей тишиной пробуждающейся мысли.

В коридоре у окна мы остановились.

— В чем дело?

— Здорово, Сергей!

— Здравствуй.

Аркадий с любопытством смотрел на меня:

— Ты изменился.

— За шесть месяцев?.. Ну, выкладывай. Опять едешь куда-нибудь?

— Курильские острова и Сахалин.

— Командировка?

— Да.

За долгие годы знакомства я изучил Аркадия. Сейчас он начнет излагать свое очередное увлечение.

— Вот.

Мой друг вытащил из пачки бумаг фотографию газетной полосы. Текст, напечатанный иероглифами в две колонки...

— Я не читаю по-китайски.

— Это японская газета. Вот перевод.

«Майнити симбун». Токио, 1923 год.

Хаккодате. 1 августа. Как сообщили местные власти, на острове арестован русский эмигрант Со-
болевский, задержанный при попытке похитить ка-
васаки у рыбаков. В полиции задержанный сообщил,
что находится на Хоккайдо второй месяц. По его
словам, он прибыл, чтобы разыскать свое имуще-
ство, погибшее осенью прошлого года при аварии
пароходов «Минин» и «Аян». Оставшись без средств
к существованию, эмигрант сделал попытку кражи
судна. Задержанный отправлен в префектуру Хакко-
дате и будет выслан за пределы страны.

— Ну и что же? — сказал я. — Обнищавший эми-
грант-преступник. Обычная история. О подобном
много писали в те годы. Просто о таких случаях мы
чаще узнавали из парижских или константинополь-
ских газет.

— Так-так... А тебя не интересует, что это было
за имущество?

— Нет.

— Напрасно. Приходи сегодня ко мне. Нужно, чтобы ты, как моряк, оценил одно газетное сообщение. Вернее, рассказ.

Вечер у меня был свободен, я согласился.

...Ах, Аркадий, Аркадий!

Мы выросли в Харькове в трудные военные годы. С вечера занимали у булочных очередь за хлебом. Темные ночи горели над нашими головами. Они роняли звезды на тусклые крыши домов. Мы сидели с Аркадием на краю тротуара и при свете электрического фонаря перечитывали потрепанную книгу «Путешествие вокруг Чукотки».

...Тусклым сентябрьским днем дежневские кочи прошли мыс. Коричневые, с белыми языками снега, каменные берега тянулись по правому борту.

Пал ветер, и казаки, свернув парус, достали со дна судов весла. Мерный скрип уключин возник над морем. Семь кочей, растягиваясь в цепь, как усталые воины, шли вперед.

Они шли уже третий месяц, то прижимаясь к берегу, то ненадолго отдаляясь от него, от желтых светящихся из-под воды мелей.

— Этот, што ли, тот нос, Семейка? — крикнули с весел.

Дежнев мотнул головой. Точно, он — Большой Каменный Нос. Никто еще не обходил того носу.

Оглянулся Семен. На последнем коче Герасим Анкудинов с людьми. Воровские люди. Бил челом Семейка перед походом — не пускать Герасимко Анкудинова с ним на далекую Анадырь-реку. Всего от таких людей ожидать можно. Ушла челобитная в Якутск к воеводе Василию Николаевичу Пушкину. Да разве удержишь таких — у Герасимки вор на воре, один другого бойче...

Влево посмотрел Семен. Там из-за моря — горы. Белыми зубьями торчат против чукотской земли. А какие — неведомо никому.

Нос остался позади. Белое облачко поползло вниз с каменной кручи, добежало до берега, упало в воду. Понеслась по воде черная полоса: идет буря.

Пройдет семь лет, и напишет в Анадырском острожке-крепости служилый человек Дежнев новую отписку воеводе. Вспомнит те страшные дни:

«...А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищи, знаем, потому что разбило у того носу судно служилого человека Ярасима Онкудинова с товарищи. И мы, Семейка с товарищи, тех разбойных людей имали на свои суды».

Выручил тогда Семен Дежнев нелюбимого спутника. Да все равно не судьба. Недели не прошло — бурей унесло четыре коча, на которых плыл торговый человек Федот Алексеев и анкудиновские люди, а его, семейкины, остальные кочи разбило чуть погода.

«...И того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести. И носило меня, Семейку, по морю после покрова богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анандырь-реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка с товарищи, до Анандыри-реки ровно десять недель и пали на Анандырь-реку вниз близко моря».

— Они дошли, Серега, — шептал мне в ухо Аркадий. Он помнил все написанное в книге наизусть. — Во давали... А?

Эти бессонные ночи сблизили нас. На всю жизнь я стал восторженным слушателем Аркадия.

Летом сорокового года я поехал в Ленинград. Размахивая облезлым чемоданчиком, я шел по Нев-

скому. В чемоданчике лежали пачка учебников и тетрадь в липком зеленом переплете. В тетради были стихи. Я писал стихи и собирался в военно-морское училище. Я хотел быть флотоводцем.

Война перевернула все. Я ушел с флота сразу же после ее окончания — оказался подвержен морской болезни и чересчур много думал о стихах. Зеленая тетрадь погибла в болотах под Лугой. Ее место заняли другие тетради — тонкие и толстые, в дорогих и дешевых переплетах. Я писал ожесточенно — по одному стихотворению в день. Когда демобилизовали, унес с корабля два чемодана тетрадей. Прямо из порта пошел в редакцию журнала. Я ввалился в кабинет редактора и поставил чемоданы перед столом.

— Что вам? — спросил редактор.

— Я принес стихи.

— Положите на стол и приходите через два дня.

— Они здесь.

Редактор с удивлением уставился на чемоданы.

Я открыл замки. Разноцветный поток тетрадей вылился к редакторским ногам.

— Вы сошли с ума... — прошептал редактор. — Этого не прочесть и за год.

Поэтом я не стал. Ни одно из стихотворений не было никогда напечатано. Я стал инженером. В грустной истории моего напрасного труда — мысль о необязательности первых решений.

Кто знает механизмы, которые, срабатывая, толкают нас в узкие коридоры профессий? Моей специальностью стали газовые плиты — область, прогресс в которой приостановился сразу же после изобретения первой плиты. Кроме того, я женился.

Моя жена была искусствоведом и каждый вечер уходила на совещания. Они обсуждали влияние венецианского стиля на архитекторов, застраивавших

Петербург в конце прошлого века, и спорили, была ли во время дуэли надета у Дантеса под сюртуком кольчуга.

Меня мучила неподвижность. Я не мог признать движением ежедневные поездки в метро.

Один раз мне удалось сбежать. Мы проводили газификацию большого колхоза в Заонежье. Три месяца среди бронзовых пламенеющих сосен и причудливых гранитных скал. Однажды я забрел на отдаленный мыс, широким языком устремленный в глубь озера. В небольшом распадке, сплошь уставленном вековыми елями, высветилась часовенка. Едва заметные ступени, выскобленные в граните, вели наверх. Помогая руками, я взобрался на камень. Дверь в часовенку была открыта. Истлевшие тряпки лежали в углу. Я осторожно шевельнул их носком сапога. Из лохмотьев должна была выпасть почерневшая кость. Она не выпала. Но я ощутил прикосновение к тайне.

А Аркадий?

Отвоевав, он стал было журналистом, затем — биологом. Из сонма плавающих, ползающих, летающих, подлежащих изучению, мой друг выбрал морских млекопитающих. Кроме того, каждый отпуск он проводил в самостоятельных экспедициях. Их организовывали группы безумцев, похожих на него. Поиски снежного человека, поездка на Урал, где местные жители регулярно наблюдали полеты неопознанных тел.. Снежный человек оказался мифом, летающие тела — чечевицеобразными облаками.

В поездку на Урал Аркадию удалось вовлечь и меня. С тех пор я дал зарок — никогда, ни при каких обстоятельствах не связываться с Аркадием.

И вот я снова иду к нему.

*где появляются имена монаха Германа
и сотника Кобелева*

Узкая лестница. Шестой этаж.

Дверь открыл Аркадий. Темным коридором, заставленным полуразвалившимися шкафами и остатками диванов, он провел меня к себе.

Его комнату я любил. Она была вся набита книгами. На самодельных стеллажах сверкали лакированными обложками описания путешествий. Солидно мерцали золотыми буквами потертые томики старых изданий.

Разноцветными пухлыми глыбами лежали журнальные подшивки. На полу, как маленький готовый к атаке танк, стоял включенный в розетку пылесос. На столе горами высились продолговатые ящики карточек.

Я оглянулся, ища вешалку. Аркадий перехватил мой взгляд:

— В коридоре. Разве ты забыл?

Он вынес мой плащ и извлек из-под стола два складных парусиновых стула.

— Садись.

— Итак, ты едешь в командировку?

— Да. На острове Тюленьем искусственно расширили котиковый пляж: взорвали скалы, сделали шире площадки... Надо посмотреть.

— Но это ведь ненадолго.

— Еще Курильские острова. Там открыли краеведческий музей. Ему нужна помощь, обмен коллекциями, всякое такое... Но о музее, вернее о его директоре, потом. Сейчас я хочу показать тебе вот что.

Из груды бумаг на столе Аркадий извлек тонкую старую папку:

— Надеюсь, ты статью в японской газете еще не забыл?

— Нет.

— Лет десять назад, будучи журналистом, я наткнулся на вот такой забавный рассказ. И припрятал его.

Он развязал у папки шнурки и извлек из нее несколько листов, напечатанных на машинке.

— Все это перепечатано с газеты. Читать рассказ долго — много всякой ерунды, я лучше перескажу тебе начало его...

На первом листке жирными буквами было напечатано название газеты «Дальневосточный моряк» и дата выпуска номера — 26 декабря 1922 года.

По утверждению Аркадия, в начале рассказа излагалась история эвакуации большой группы белоэмигрантов из Владивостока. Эмигранты были погружены на пароходы «Аян» и «Минин». Почему-то, вместо того чтобы уйти в Китай или Японию, пароходы направились на север вдоль Курильской гряды. Здесь «Минин» сел на камни, а «Аян» стал поблизости на якорь.

— Теперь читай сам! — сказал Аркадий.

*Отрывок из рассказа Н. Сорокина «Жертвы волн»,
напечатанного в газете «Дальневосточный моряк»
от 26.12.22*

...Когда первый пароход очутился на камнях, с него с помощью пары шлюпбалок начали спускать шлюпки.

— Грузить женщин и детей! — приказал капитан.

Матросы, образовав цепочку, стали передавать из рук в руки ослабевших от страха женщин и самых маленьких пассажиров. После того как загруженные шлюпки отошли, команда принялась за сооружение плота. Его заканчивали на плаву, сколачивая из крышек грузовых люков.

Под все увеличивающейся тяжестью людей, которые непрерывно прыгали на плот, шаткое сооружение все глубже оседало в воду. Ветер подхватил его и понес. Перегруженный плот накренился, люди бросились на один борт. Плот рассыпался и перевернулся. Волны умчали его остатки с несколькими несчастными, которые все еще продолжали держаться за доски.

На судне мастерили уже второй плот, а между тем вода, поднимаясь, подступила к палубе. То и дело раздавались глухие удары — пароход било о камни. Были сорваны и отброшены в сторону несколько шпангоутов. Наконец плот готов. Все оставшиеся на судне, во главе с капитаном, заняли на нем места. И вдруг раздались крики. Капитан поднял опущенную голову. Несколько лиц в штатском волокли по палубе к плоту тяжелый свинцовый пенал.

Вот он погружен на плот.

Плот накренился...

Неужели небо допустит гибель и этих людей?

— Я не разрешаю! — раздался твердый голос капитана. — Сбросить груз!

— Ни за что! — Лица в штатском выхватили пистолеты и, угрожая ими, стали кричать, что они офицеры и приказывают взять пенал.

На помощь капитану пришли матросы. Завязалась короткая схватка, пистолеты полетели в воду.

— И пенал туда же! — крикнул кто-то.

— Нет, нет, ни за что!

Решили, что пенал останется на судне. Матросы, с трудом подняв его, бросили обратно на палубу. Плот отчалил, волны и ветер умчали его в направлении синееющих невдалеке островов.

Между тем «Аян», стоявший до тех пор на якоре, начал приближаться к остаткам «Минина». Не заметив уходящих на шлюпках и на плотях людей, он вступил в опасные воды. Ветер усилился, и в тот момент, когда пароход замедлил ход, развернул судно, — железное тело «Аяна» тоже оказалось на камнях...

— Дальше можно опять не читать, — сказал Аркадий. — Сорокин пишет, что после короткого плаванья люди со шлюпок и плотов оказались на твердой земле. Вот: «Холодный причудливый остров Сендзюкуити-сима с плоской вулканической горой и озером на ее вершине стал для них убежищем». Прямо поэт!.. Ну, так как?

— Что тебе от меня нужно?

— Ты бывший моряк. Первое: насколько правдоподобно все описанное в рассказе?

Я задумался.

— Написано ничего, но ошибки есть. Во-первых, каждая шлюпка имеет свою пару шлюпбалок. Если

спустили две шлюпки, значит использованы были две пары. Затем, вряд ли моряк скажет о судне, которое билось о камни, что у него «были сорваны и отброшены прочь несколько шпангоутов». Ведь шпангоуты внутри корабля. От «глухих» ударов, как сообщает автор, шпангоуты будут погнуты. Во всяком случае, я чувствую за этой фразой фальшь.

— Хорошо, что я пригласил тебя. Еще?

— Неправдоподобно все поведение команд обоих судов. Если два парохода находятся в видимости друг у друга, причем одно сидит на мели, а другое стоит на якоре, команда второго будет принимать все меры к оказанию помощи бедствующим, а команда первого, спустив шлюпки, направится к судну, стоящему на якоре.

— Логично.

— Еще бы! Так надо делать, и так поступают все. Уже отклонение от такого порядка — драма и предмет судебного разбирательства.

— Значит, ты категорически считаешь, что автор — не моряк?

— Я этого не говорил. Я сказал только то, что хотел сказать: в рассказе ошибки, многое противоречит тому, что бывает обычно. А что скажешь ты?

— Скажу то, о чем ты и сам уже, наверное, догадался. В рассказе и заметке из японской газеты речь идет явно об одной и той же аварии. О судьбе парохода «Минин».

— Похоже. А место катастрофы остров Хоккайдо, точнее Сендзюкуити-сима, близ него. Можешь показать мне еще что-нибудь?

Аркадий потянулся к папке.

— Ответы Морского регистра и Дальневосточного пароходства. Этим ответам тоже десять лет. Прочитав Сорокина, я подумал: чем черт не шутит — вдруг

действительно такие суда были и описанное в газете — правда? На всякий случай запросил Регистр и пароходство. Вот их ответы.

Он достал из папки два письма.

Морской регистр
исх. № 544/228-л
12.07.54

Тов. Лещенко А. Г.

На Ваш запрос (наш вх. № 778—54 г.) сообщаем, что грузопассажирское судно «Минин» и грузопассажирское судно «Аян», принадлежавшие Добровольческому флоту и приписанные к порту Владивосток, погибли в 1922 году у Тридцать первого острова у побережья Японии.

Инспектор Регистра

Дальневосточное пароходство
отдел учета судового состава
гор. Владивосток
№ 564, 4 июля 1954 г.

Лещенко А. Г.
(исп. вх. № 997—54)

В ответ на Ваше письмо от 14 мая с. г. подтверждаем факт гибели судов «Минин» и «Аян» в ноябре 1922 года в районе Курильских островов. Одновременно сообщаем, что восстановить списки команд не представляется возможным.

За Начальника отдела...

— Это я хотел найти кого-нибудь из свидетелей катастрофы, — объяснил Аркадий.

— Тут написано — Тридцать первый остров, а не Сендзюкуити-сима.

Мой друг достал с полки японско-русский словарь.

— Сендзюкуити — тридцать один, сима — остров. Тридцать первый остров. Речь идет об одном и том

же... Да-а, так и пролежали у меня в папке эти бумаги. Десять лет! И вдруг заметка в «Майнити симбун».

— Зачем ты брал японские газеты?

— Искал упоминания о котиках. Ведь они зимуют у японских берегов. Да, и вот теперь, через десять лет после того как мое внимание привлек рассказ Сорокина, я делаю следующий шаг. В руках у меня есть фамилия — Соболевский. Я решил попытаться. До революции, как ты знаешь, публиковались различные списки должностных лиц, их перемещения и даже знаменательные события в жизни. Так вот, я запросил Государственный архив и получил список — сорок четыре фамилии! Сорок четыре чиновника, носивших фамилию Соболевский и занимавших достаточно высокие посты. Один из них — Соболевский Вениамин Павлович — оказался... Кем бы ты думал? Читай!

Он протянул мне узкую полоску бумаги со штампом архива.

«Соболевский Вениамин Павлович, 1871 года рождения, закончил историческое отделение Петербургского университета, исполняющий обязанности директора частного музея истории и естествознания, основанного на добровольные пожертвования владивостокского купечества».

— Ну что? — Аркадий сиял.

Я задумался.

— Ты только подумай: свинцовый пенал. Из-за него во время катастрофы люди готовы применить оружие! Груз, из-за которого директор музея, бежавший из Владивостока, несколько месяцев бродит по японскому острову и наконец идет на преступление. Зачем ему судно? Естественно, плыть к тому месту, где на палубе «Минина» лежит пенал... Ну как?

— Здорово. Дай посмотрю еще раз.

Я вновь перечитал фотокопии.

— Знаешь, что это за пенал? — сказал я. — На флоте когда-то в таких хранили секретные карты и документы. В случае угрозы кораблю попасть в плен пенал бросали за борт.

— Ага! Это тоже очень ценно... Так вот. Далее я решил узнать, чем занимался историк Соболевский. Стал искать его труды. Писал он мало. Я нашел только две заметки, подписанные им, и обе, как мне показалось сперва, опубликованные по случайному поводу. Первая рекомендовала широкому кругу читателей «Очерки из истории православной американской духовной миссии» издания Валаамского монастыря, напечатанные в Санкт-Петербурге в тысяча восемьсот девяносто четвертом году. Вторая — описывала целебные источники в долине реки Уссури близ села Лиственничного.

— Действительно, ничего общего.

— Тогда я решил посмотреть исторические журналы нашего времени. Я надеялся найти в них сведения о судьбе частного музея во Владивостоке. Просмотрел около пятисот номеров, и наконец в пятом номере «Исторических записок» за тысяча девятьсот двадцать девятый год мне попала статья о последних днях хозяйничания японцев во Владивостоке. В ней нашелся любопытный абзац. Я сейчас прочту тебе его.

Я слушал Аркадия. Он доставал из прошлого факты, как фокусник достает предметы из ящика.

— Сперва в статье идут общие сведения об освобождении Приморья, — продолжал Аркадий. — Могу напомнить. Оно завершилось в октябре двадцать второго года. Соглашение между представителями Народно-революционной армии, которой командовал

Уборевич, и представителями командующего оккупационными японскими войсками генерала Тачибана было подписано двадцать четвертого октября. Эвакуация интервентов должна была закончиться к шестнадцати часам двадцать пятого числа. Она сопровождалась грабежами и пожарами... А далее вот что пишут «Записки»: «В эти дни из Владивостока было вывезено в Японию и погибло много документов. Так, был сожжен частный исторический музей, где хранилось наиболее полное собрание материалов по истории Приморья и города. Известно также, что директор музея имел собственную коллекцию документов семнадцатого — восемнадцатого веков, представлявшую большую ценность. В числе их были письма Германа, копия журнала сотника Кобелева и другие. Поскольку директор Соболевский исчез в эти же дни, представляется несомненным, что он имел непосредственное отношение к пожару».

— Так, так.

— Да, мои подозрения относительно личности директора оправдались. Но тут-то и начинается самое интересное! В статье упоминаются письма какого-то Германа и журнал Кобелева. На всякий случай я решил узнать, что это такое.

Наиболее вероятно, подумалось мне, что эти документы относятся к истории Приморья или Владивостока. Но, поговорив со специалистами, убедился в ошибке. Один из собеседников легко вспомнил. «Герман — это монах, имя которого связано с колонизацией восточных окраин России», — сказал он. И тогда...

— Ты вспомнил заметку Соболевского о трудах валаамских монахов?

— Да. Я нашел эти труды. Библиотека выдала мне вместо одной книги сразу две. Это были те самые

«Очерки из истории американской православной духовной миссии», о которых писал Соболевский, и «Миссионеры в Америке в конце восемнадцатого столетия», издания тысяча девятисотого года. В обоих я тотчас обнаружил имя Германа.

— Он посетил Америку?

— Он там жил. Ведь когда-то Аляска принадлежала по праву первооткрытия России. Одновременно с первыми колонистами, которые высадились на земле Аляски в тысяча семьсот девяносто третьем — четвертом годах, туда прибыли и монахи.

Герман, или, как он подписывался, Убогий Герман, происходил из серпуховских купцов. Настоящие его имя и фамилия неизвестны. Был он, по свидетельству людей, знавших его, простым, необразованным монахом, но имел живой природный ум. Двадцать четвертого сентября тысяча семьсот девяносто четвертого года прибыл на остров Кадьяк. В первом же письме с Кадьяка он сообщает весьма примечательную вещь: «Есть на куковских картах» (незадолго до того, надо сказать, у берегов Аляски побывал английский мореплаватель Кук), «назначено к северу: по одной реке живут русские люди, а у нас о них разные слухи...»

— Не понял.

— Чего непонятного? На карте, составленной Куком, есть надпись — «Живут русские люди». А на Кадьяке о них ходят слухи. Во втором письме он уже пишет подробнее и яснее: «Здесь слухи о них (об этих русских) носят такие: что они новгородцы и во время царя Ивана Васильевича ушли в Сибирь и, по Лене спустившись, пришли на Колыму, сделали семь судов, называемых кочами, из Колымы перешли на Анадырь. Тут одно судно разбило, из коего люди вышли на берег, начали жить, сделали

церковь, в которой пол и поныне цел, и сделан ныне тут город Анадырск, прочие же суда пошли в море и пристали пять в Ижиге, в Якум, Танску, а шестой девался без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку и живут тут, где ныне слышали...» И далее в том же письме: «...услышал там от приехавших с матерого (то есть с материка) от Лебедевской компании, что те русские люди от них близко, и хоть они с ними еще не видались, но очень слышно и получили через других ножи большие с надписью точно тех русских; живут они, как слышно, на большой реке, и рыба в ней сибирских рек, которой у нас на Кадыяке нет...» Ясно?

— Опять-таки не очень.

— Герман пишет, что в глубине аляскинских лесов уже несколько столетий до первых колонистов и даже до открытия Аляски жили русские поселенцы.

Аркадий забегал по комнате.

— Ты помнишь дежневские кочи? Тут ведь сказано — семь судов. У Дежнева их было семь.

— Помню.

— Далее. Кочи Дежнева разметала буря. Люди с них пропали без вести. Их могло занести на Аляску.

— Не знаю... Не знаю... — сказал я. — Аркадий, стыдись. Ты давно уже биолог, а не журналист.

— Конечно, но ведь я все равно еду в те края. Кроме того, у меня есть приглашение. Дело в том, что год назад сюда приезжал директор Южнокурильского музея. Спокойный, уравновешенный товарищ. Я виделся с ним мельком. Так вот, прочитав заметку о Соболевском и «Минине», я написал в Южнокурильск. Вот что ответил директор.

Я взял из рук Аркадия еще одно письмо.

Южнокурильский
краеведческий музей.

б/н

Уважаемый тов. Лещенко!

С большим интересом ознакомился с фактами, изложенными в Вашем письме. История края, тем более события, связанные с революцией и установлением Советской власти на Дальнем Востоке, представляют для нас большой интерес.

Ваше предложение произвести поиск затонувших судов достаточно реально — в нем могут помочь рыбаки, кроме того, музей располагает средствами и возможностями для организации небольших по размаху водолазных и поисковых работ.

Однако указанные в письме и в копиях документов названия острова Сендзюкуити-сима и Тридцать первый отсутствуют на картах Южных Курильских островов, и до выяснения этого вопроса предпринимать что-либо считаю преждевременным.

Мною возбуждено ходатайство перед дирекцией института о Вашей командировке.

С уважением *В. С. Степняк.*

— Ну что же, — сказал я, — могу поздравить. Есть кому возиться с этой загадкой. Кунашир — где-то рядом, пусть ищут и находят. Но зачем тебе я?

— Мне нужна помощь здесь, в Ленинграде.

— Советы неудавшегося моряка? Хорошо.

Я встал и направился к двери.

которая продолжает предыдущую

Наша следующая встреча с Аркадием состоялась через неделю.

Мы шли по Дворцовой площади. Огни Адмиралтейства отражались в оранжевых лужах. Желтые электрические круги плавали у нас под ногами. Лицо Аркадия светилось.

— Во-первых, я теперь знаю, кто такой Кобелев, — весело говорил мой друг. — Во-вторых, собрал целую коллекцию книг про освобождение Приморья... Зайдем в кафе?

Прихлебывая черный густой напиток, он листал книжечку в пластмассовом переплете и сыпал именами, датами, отрывками из донесений и статей вековой давности.

— Сначала о Кобелеве. Сотник Кобелев был послан в тысяча семьсот девяносто девятом году из Гижигинской крепости на Чукотку и посетил там острова Ратманова и Крузенштерна. На острове Имаглин (Крузенштерна) он беседовал с местным старшиной Каугуню Момахунином. Старшина рассказал, что на Большой земле на реке Хеврене (Юконе) есть островок, называемый Кынговей, а в

нем «жительство имеют российские люди, разговор имеют по-русски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам...» У живущих-де там россиян «бороды большие и густые».

— Это опять слухи о поселении на Аляске?

— Да. Та же история, что и в письме Германа. Слушай дальше. На просьбу Кобелева отвезти его на собаках на американский берег старшина ответил отказом, объяснив, что в случае пропажи Кобелева с него, с Момахунина, строго взыщут российские ясашные чукчи. Но на просьбу Кобелева отвезти русским людям в Америке письмо старшина ответил согласием.

Кобелев такое письмо написал:

«Прелюбезные мои во плоти братцы, жительствоющие на большой почитаемой американской земле, если вы веры греческого исповедания, кои веруют в распятого господа нашего Иисуса Христа, и просвященные святым крещением люди имеетесь, то изъясняю вам, что, во-первых, послан из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю... Получите сие от меня письмо, то, как возможно старатца, быти каждое лето на тот остров Имаглин или с кем пересылать письма... Слыхал я, еще быв в Анадырске, от предков моих, что в давные годы вышло из устья реки Лены семь кочей и, поворота Северным морем, шли благополучно до реки Колымы и оттоль столь же северным морем вокруг Чукоцкой нос, поровнясь против самого носу, и тут делался шторм, и тем штормом те кочи разнесло, из которых четыре известны, а о трех неизвестно, и те народы где ныне находятся не знатож, на коем и подписал он казачий сотник

Кобелев».

— Постой, но ведь в «Исторических записках» говорилось не о письме сотника Кобелева, а о его журнале.

— Будет и журнал.

— И тут догадка о семи кочах!

— Это, наверное, приходило в голову каждому. Слушай дальше. После возвращения из поездки Кобелев представил журнал-донесение. Текст его был сокращен, обработан и опубликован. Получился так называемый «Экстракт». Вот из него выдержка:

«Он же, Кобелев, слышал в Канкунском Эвунминском острожке от пешего чукчи Ехипка Опухина, якобы был он на американской земле походом и для торгу разов до пяти и имел себе друга на острове Укипане.

Означенный друг приходил с того на Имаглин остров и привозил ему, Ехипке, написанное на доске; длиною та доска, как он пересказывал, три четверти, шириною в пять, толщиною в один вершок, писано на одной стороне красными, а на другой черными с вырезью словами; и при той даче говорил, послали-де к вам бородатые люди, а живут они по той же реке в том же острожке, и велели то письмо довести до русских людей, где в тогдашнее время российская команда находилась — в Анадырске. Только-де у них Железнова нет, а письмо отдайте тем русским людям, то-де пришлют к нам Железнова, только те бородатые люди сказывали: всего у них довольно, кроме одного железа. Только он, Ехипко, то письмо не взял; а де для моления (как крестятся, показал мне ясно и перекрестился) собираются в одну зделанную большую хоромину и тут молятся; еще есть-де у тех людей такое место на поле и ставят деревянные писанные дощечки, встают против оных прямо, передом мужеск пол большие, а за ними и прочие...»

— Что это «место на поле»?

— Кладбище. Кладбище и могилы с надписями...

— А «железнава»?

— Железо. У них не было железа.

— Погоди, закажи еще кофе. От твоих «Имаглин остров» и «Железнаво» у меня болит голова. Правильно я понял? Какие-то русские, живущие на американском берегу, сообщали Кобелеву, что живут они в достатке и испытывают нужду только в железе или железных изделиях?

— Правильно...

Конец вечера я провел у Аркадия. Мы искали Тридцать первый остров.

Мой друг развернул на столе карты.

— Смотри, — сказал он. — Вот Курильская гряда. Дело в том, что Шпанберг... Ты, надеюсь, помнишь, кто он такой?

— Преемник Беринга. Начальник Камчатской экспедиции.

— Вот-вот. Так этот моряк, совершая в свое время опись Курильской гряды, естественно, прежде чем положить острова на карту, давал им названия. За частью островов он оставил местные айнские названия — например, Коносир, ныне Кунашир, а части других дал порядковые номера. На карте, которую после окончания плавания представил Шпанберг, названы таким образом тридцать островов. Но, кроме них, на карте есть и совсем мелкие! Логично предположить, что часть из них, получив номер, сохранили его до сих пор.

— Давай искать.

Мы стали перебирать пожелтевшие листы. Обращаясь поминутно к словарям, мы искали Тридцать первый.

Его не было.

Что, если это старинное название? Но в «сказках», которые представляли казаки губернатору и воеводам, о таком острове не говорилось ни слова.

Тогда мы начали листать книги наших современников. Мы искали упоминание о вулканическом острове с плоской вершиной и озером посередине. Один такой остров мы нашли сразу. Он был во всех описаниях Курильских островов. Эффектную фотографию, сделанную с вертолета — вулкан Креницына на острове Онекотан, — приводили почти все.

— Видишь, у Зарайского? — сказал я. — «Остров представляет собой вершину громадного вулкана, с затопленным ключевыми водами кратером. Особенностью является возвышающаяся посередине этого озера еще одна огнедышащая гора — небольшой вулкан. Зрелище это в ясную погоду, в тех местах чрезвычайно редкую, производит незабываемое впечатление». Где у тебя карта с номерами островов? Онекотан... Нет, тут он так и называется: Онекотан, значит, это местное название, сохраненное Шпанбергом.

— Отпадает, — согласился Аркадий. — Значит, остров надо искать в другом месте. Тем более что там сказано «с озером посередине». Если бы в озере был еще один вулкан — зрелище действительно незабываемое — он был бы упомянут. Это разные острова.

— А что, если найти сотрудников газеты?

— Прошло пятьдесят лет. Газета не существует. Но есть еще один путь, — устало сказал Аркадий. — Среди путешественников, посвятивших свою жизнь изучению морей северной части Тихого океана, был натуралист Стеллер. Он являлся участником экспедиции Беринга. Люди в те времена писали очень живо. Весьма вероятно, что Стеллер, помимо животных, описывает в своих трудах и места, где эти животные были найдены... Посмотрим книги Стеллера.

*Она начинается знакомством с адмиралом
и заканчивается ветром надежды*

По ночам мне снились пароходы.

Два огромных судна шли с потушенными огнями мимо черных, погруженных во мрак берегов. Впереди возникали неясные белые огни. Они светили низко над самой водой, и невозможно было понять: огни это или белая пена на выступающих из моря камнях. Ни одного человека на палубе, ни одного силуэта в ходовой рубке или на мостике. Корабли шли навстречу белым огням, а я не мог ни криком, ни движением остановить их...

Мне еще снился Крым. Опаленный войной Херсонесский полуостров. Севастополь. Белые с красными охристыми пятнами скалы обрывались в синюю воду. Зеленые от водорослей камни угадывались в глубине. Невдалеке от берега на камнях лежал ржавый остов катера. Он лежал со времен войны. Когда мы весенним днем 1944 года подошли к полуострову, катер был тут. Он был щеголеват, и ослепительное солнце играло в его неповрежденных иллюминаторах. Наши солдаты, отдохавшие на берегу, рассказали, что катер в последние минуты боя пытался снять группу окруженных. Он неудачно подошел и сел на камни.

Немцы в зеленых шинелях и металлических касках, высоко подняв над головой карабины, по команде офицера прыгали с него в воду. Каски и карабины увлекали их на дно...

Это снилось мне по ночам, а днем Аркадий таскал меня за собой.

Для того чтобы просмотреть труды Стеллера, он затеял посещение Объединенного географического института.

Дом на набережной Невы. В анфиладе комнат с высоченными потолками умирали звуки. Дверь с табличкой «Секретарь».

Секретарем оказалась старушка.

— Вы звонили по телефону? Помню, помню, — сказала она. — У нас есть комиссия по неопознанным и неуточненным островам. Но я человек временный. Настоящий секретарь в отпуску. Я проведу вас к самому Василию Васильевичу. Он отставной адмирал.

Через бесконечные коридоры и лестницы она провела нас на скрипучую, уставленную вереницами бесконечных шкафов галерею и представила человеку в мундире.

Адмирал сидел за тонконогим столиком. Зеленая лампа освещала его лицо. В золоченом пенсне бродили изумрудные огоньки.

Золотым было не только пенсне: золото на рукавах, золото на груди, золотая авторучка в белых пальцах.

— Что вам угодно? — спросил адмирал.

Избегая всяких обращений, мы почтительно изложили суть дела. Адмирал внимательно слушал. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Комиссия по Курильским островам заседает три раза в год, — сказал он. — Сейчас я уточню —

когда... Последние субботы апреля, августа и декабря. Три последних субботы.

— Но сейчас май!

Адмирал посмотрел на нас и сделал движение руками, означавшее: комиссия есть комиссия!

— Собственно, нам достаточно было бы... Мы хотели бы ознакомиться с отчетами Стеллера, — сказал Аркадий.

— Беринг и Стеллер... Этими мореплавателями занимается Наталия Гавриловна. Она будет в следующую среду.

— Может быть — домашний телефон?

Адмирал поднял брови. Наталия Гавриловна пользовалась его безграничным уважением. Беспокоить ее до среды он считал кощунством.

— Хорошо, — сказал я. — У вас, говорят, есть комиссия по неопознанным и неуточненным островам?

В глазах адмирала промелькнула тень любопытства.

— Подкомиссия, — мягко поправил он. — Но она не оформлена де-юре. Дни ее работы еще не установлены. Следующий раз — это будет всего второй — она соберется...

Он снова полез в записную книжку и, изучив в ней листок, закончил:

— Двенадцатого сентября.

Он выдвинул ящик стола, достал из него несколько аккуратно завязанных тесемками папок, развязал одну из них и, нацелив пенсне на содержимое, прочел:

— Да, двенадцатого сентября. Председателем комиссии выбран Горбовский Николай Петрович. Я могу при встрече посоветовать ему поставить на комиссии ваше сообщение. Оно будет для товарищей небезынтересно.

— Но мы не можем так долго ждать. Мы хотели бы сейчас...

Искра интереса на лице адмирала угасла. Он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Наталия Минеевна, — сказал он, обращаясь к молоденькой девушке, которая тихо и незаметно как мышь копошилась в углу, — я на заседании редколлегии.

Он проплыл мимо нас и, вспыхнув последний раз золотом на повороте, исчез за шкафами.

Мы поплелись к выходу. Когда мы проходили мимо девушки, Аркадий машинально сказал:

— Простите, дорогая девушка, и до свидания.

Девушка вспыхнула и встала.

— Вам отчеты Стеллера? — спросила она. — Идемте, я поищу.

Она провела нас в дальний угол к огромному, как скала, шкафу красного дерева. Аркадий помог ей принести и установить лестницу. Девушка, смущаясь и придерживая юбку, забралась наверх и углубилась в книжные дебри.

Наконец она извлекла переплетенный в кожу том.

— Можно посмотреть вот это, — сказала она, спускаясь, и протянула тяжелый фолиант Аркадию. — Самих отчетов нет, они в Москве.

Аркадий принял у нее из рук книгу. На третьей странице, над рисунком утопающего в тумане берега, мы прочли «Жизнеописание натуралиста Стеллера, участвовавшего в экспедиции командора Беринга, с приложением рисунков, встреченных во время плаванья».

Мы начали читать, и тотчас же Аркадий увлеченно остановился на описании морского млекопитающего, открытого Стеллером и составившего славу натуралиста.

— Ну что ты застрял на этой чертовой корове? — возмущился я.

Аркадий бережно перебирал страницы, посвященные истории открытия.

— Разве это не великолепно: открыть в восемнадцатом веке огромное животное, величиной превосходившее слона? — сказал он. — Разве не прекрасен случай, который привел Стеллера к этим зверям накануне их полного исчезновения? Только послушай, как он пишет про них. Нет, это научный комментарий редактора. Но он тоже интересен.

«...Что касается внешнего вида этого гиганта Командорских островов, то, по образному выражению Стеллера, коровы до пупка «походили на морского тюленя, а от пупка до хвоста — на рыбу». В выражении морды этой коровы Стеллер нашел нечто общее с буйволом».

А вот извлечение из сообщения Стеллера о том, как по необходимости было положено начало истреблению этого удивительного морского животного. Слушай, слушай, как писали!

«На всем побережье острова, в особенности же там, где протекают ручьи и где сильнее всего растут всякого рода морские травы, держится стадами во все времена года в большом количестве животное, называемое нашими русскими морская корова. Так как вследствие исчезновения морского бобра в северной стороне снабжение пищей стало для нас затруднительным, то мы стали подумывать о способе, как бы нам добыть это животное, и, таким образом, извлечь из него себе пищу, так как оно было ближе к нам. В конце концов в исходе июня починили наш катер, столь сильно поврежденный о скалы осенью, туда уселись гарпунщик, рулевой и четверо гребцов, и дали первому острогу с очень длинной

веревкой, устроенной на манер китобойной; другой конец ее держали на берегу сорок остальных человек. Затем стали грести, соблюдая полную тишину, по направлению к животным, которые стадом, с полной уверенностью в своей безопасности, паслись на берегах своего луга на дне моря. Как скоро затем гарпунщик зацепил одно из этих животных, люди, находившиеся на суше, стали тянуть помаленьку к берегу, тогда как находившиеся на катере подъехали к нему и своими движениями стали еще сильнее утомлять его... когда же оно, по-видимому, обессилено, его стали колоть во все места большими ножами и штыками, так что оно потеряло почти всю кровь, бившую из его ран, как фонтан; таким образом, его вытащили при полной воде на берег и там привязали. Как скоро вода опять убыла и животное очутилось на сухом берегу, все мясо и сало его было срезано по кускам и, к великой радости, снесено в жилище, где мясо закупорили в большие бочки, а сало повесили на высокие козлы. Вскоре мы увидели у себя такое изобилие пищи, что постройка нового судна, которое должно было послужить средством нашего спасения, могла идти вперед беспрепятственно».

— Хватит! — взмолился я. — Это очень интересно, но какое это имеет отношение к нам? Надо искать Тридцать первый остров. Хотя бы упоминания о нем. Давай листать книгу.

Три часа мы сидели, согнувшись над фолиантом, и бережно перелистывали его страницы. В конце концов терпение наше было вознаграждено. В двух местах мы нашли упоминание об острове.

На странице сто сорок второй Стеллер писал:

«...июля 1739 года промышленники подошли к острову Коносир, но из-за сильного волнения не смогли

стать на якорь и, выбираясь на ветер, перешли к Тридцать первому острову, около которого, найдя затишье, стали на якорь...»

Страница двести шестьдесят четвертая:

«...Что до сообщений куров, что близ Тридцать первого острова наблюдаются в тихую погоду змеи превеликой длины, то, простояв трое суток, никаких змей они не наблюдали, но, полагаю, что за змей могли быть приняты иные морские мамы, подобно тем, что были открыты нами позднее во время плаванья к берегам Аляски...»

— Куры — это айны, — объяснил Аркадий. — По-айнски «кур» означает просто «человек».

Просидев за книгой Стеллера до темноты, мы вернулись к Аркадию.

Я сказал:

— Сегодня я остаюсь у тебя. У меня нет сил и желания добираться через весь город домой. Итак, к чему мы пришли?

Аркадий сделал несколько шагов по комнате.

Сев за стол, мы шаг за шагом восстановили результаты многодневных поисков.

Можно было считать установленным, что пароходы «Минин» и «Аян», принадлежавшие Русскому пароходному обществу и приписанные к порту Владивосток, вышли в один из дней октября 1922 года из Владивостока. На них бежали люди, связанные с белыми или японцами, а также те, кто, боясь новых порядков в России, решили эмигрировать и начать жизнь за границей.

Среди пассажиров «Минина» был директор частного Владивостокского музея истории Соболевский и с ним несколько офицеров.

Можно считать установленным, что «Минин» и «Аян» погибли спустя несколько дней где-то в районе

южной части Охотского моря или части Тихого океана, прилегающей к Курильским островам и Хоккайдо. Причина гибели неизвестна, но злого умысла в гибели пароходов, скорее всего, не было.

Третье. На пароходе «Минин» директор музея Соболевский и с ним неизвестные лица везли в запечатанном свинцовом пенале, какой использовался на флоте для секретных судовых документов, что-то, что они считали чрезвычайно ценным и что пытались спасти даже в момент смертельной для судна опасности. Пенал не принадлежал к судовому грузу и не был судовым имуществом, иначе бы капитан и матросы вели себя в отношении этих людей и пенала иначе. Можно предполагать, что в пенале содержались наиболее ценные документы из собрания музея и частной коллекции Соболевского.

Четвертое. Остров, у которого произошла катастрофа, называется по-японски Сендзюкуити, что в переводе значит Тридцать один, а по-русски просто Тридцать первый. Но такого острова в группе Курильских островов сейчас нет.

И, наконец, пятое. Пароходы «Минин» и «Аян» были выброшены на камни. Их остатки могли сохраниться до наших дней.

— Надо сделать вот что, — сказал я, — надо разослать письма. Во-первых, сотрудникам газеты «Дальневосточный моряк», тем, кто работал в ней осенью двадцать второго года. Во-вторых, родственникам Соболевского. Сам он, полагаю, на родину не вернулся. В-третьих, можно попытаться найти кого-нибудь из команды «Минина». Ведь они спаслись?

Аркадий пожал плечами:

— Я не могу явиться к Степняку, не обладая исчерпывающим ответом на любой его вопрос. Надо разослать письма всем, кто может что-нибудь знать

о «Минине» и «Аяне». Смотри, я купил сегодня конверты. Я чувствовал, что они пригодятся. Ты прав, мы знаем достаточно. Можно начинать.

Он вытряхнул из портфеля на стол кучу конвертов, сбил конверты в аккуратную пачку и уселся за пишущую машинку.

Звонящий белый лист с треском вошел под валик. Аркадий упоенно начал выстукивать текст. Он касался пальцами клавиш легко, как пианист. Он печатал не глядя.

— Пишу в музей. В архив. В справочный стол.

— Напиши в Дальневосточное пароходство.

Я взял фотографии газетных полос и еще раз внимательно прочел текст.

...Что сказать? Много точных деталей, есть подробности аварии... Статью писал или очевидец или человек, беседовавший с теми, кто был на «Минине».

Я попробовал и полное отрицание. Фальшивка? Зачем было фабриковать ее? Мистификация? С какой целью? Кстати, в те времена авария даже с человеческими жертвами вряд ли могла заинтересовать читателей больше, чем сообщения из Маньчжурии или Забайкалья, где свирепствовали остатки белых банд и решалась судьба Дальнего Востока. Странно... Очень странно...

Аркадий кончил печатать и ушел бросить письма. Я лег на кровать, снял туфли, вытянул усталые ноги. Незначительная, какой она казалась мне попервоначалу, история начала приобретать размах и четкость. Тонкая нить, которой следовал Аркадий, упорно не рвалась. Я представил себе: на грудку рукописей, которая высилась на столе у Аркадия, в один прекрасный день ляжет письмо в сером конверте с криво наклеенной маркой, — я отчетливо представлял себе это письмо. Долгожданный ответ...

Когда я проснулся, Аркадий сидел за столом, неторопливо листая том за томом. Светлые волосы торпорщились над его головой, как венец мученика.

Спать ему было негде: я занял единственное ложе.

Я приподнялся и взглянул в окно. В город уже входило утро. За стеклом последний раз вспыхнули и погасли фонари. Призрачный свет зарождающегося дня упал на оконную раму. В стеклах заблестели капли дождя. Над горбатой черепичной крышей дома на противоположной стороне улицы возник силуэт парусного корабля. Осторожно, словно пробуя глубину, парусник плыл вперед. Безмолвные казаки сидели вдоль борта. Ветер надежды наполнял холщовый парус. Коч плыл в зеленом небе, отступая и уменьшаясь в размерах.

Я потер усталые глаза — видение исчезло.

Когда я отнял от лица руки, Аркадий все еще сидел спиной ко мне и что-то неторопливо вписывал в карточки. Стол был уставлен маленькими деревянными ящичками. Тысячи карточек заполняли их. Карточки были исписаны аккуратным почерком, каждая имела свой номер.

Я позавидовал аккуратному безумству этого человека.

где мы узнаем, что такое Тридцать первый остров, и перелетаем во Владивосток

Я сидел за колченогим столом, вдвинутым в узкое пространство между двумя шкафами, и заполнял отчетную ведомость установки плит. Послышался шум. Кто-то, опрокидывая стулья и ящики, пробирался ко мне.

— Сергей, ты здесь? — послышался голос Аркадия. — Я нашел. Ты слышишь, я нашел его!

Я поднялся со стула, ухватил на лету локоть Аркадия и потащил приятеля из конторы в коридор.

— Я нашел, понимаешь, нашел! — Аркадий размахивал руками и поправлял поминутно падающие очки. — Все оказалось так просто.

— Зачем ты сюда пришел? Это ведь учреждение. Сядь на подоконник и успокойся. Что ты нашел?

— Остров. Я нашел остров. Тридцать первый. Понимаешь, в тысяча девятьсот сорок шестом году после освобождения производилось переименование Курильских островов. Я взял список названий и вот... Видишь: «Сендзюкуити-сима, в скобках — Тридцать первый — новое название Изменный, в память о событиях, происшедших в бухте Измены в тысяча восемьсот одиннадцатом году...» А вот план, я только

что начертил его сам. Вот Кунашир, мыс Весло, бухта Измены. На полпути между мысом и островом Шпанберга маленькая точка. Это и есть Изменный. Все получается удачно: мы поедем туда в июле, а в августе там как раз кончаются туманы, наступает сухая осень, тепло.

— При чем тут я? Это ты едешь!

— Мне нельзя опускаться под воду, а у тебя — удостоверение легкого водолаза.

— Станный предлог для того, чтобы тащить человека на край света... Хорошо, положим, ты съездишь на Дальний Восток и вы с этим директором музея найдете какие-нибудь обломки. А дальше?

— Дальше будут работать историки. Кто его знает, что спрятал в своих пенах Соболевский? А может быть, я напишу об этой поездке книгу.

— Не обольщайся, ты с этим кончил. Бери пример с меня. — Мой голос звучал не очень уверенно. — Свои стихи я сжег.

— Ты ничего не рассказывал жене?

— О твоей затее? Нет.

— Расскажи.

— Зачем? Сейчас она увлечена ленинградскими набережными. Она скажет, что ничего не понимает в авариях кораблей.

— Странная она у тебя...

— Страннее некуда.

— Итак?

Я вздохнул.

— Если сказать откровенно, можно и поехать с тобой. Какая разница, где проводить лето? Пусть будут Курильские острова. Дороговато — займу денег. Только уговор: пока не придут ответы на письма, моего согласия нет. Уж я-то должен ехать наверняка.

— Идет.

Ответы на запросы, посланные Аркадием, не заставили себя ждать. Первым пришло письмо из Владивостока:

Городской архив
г. Владивосток
№ 554/л

Тов. Лещенко А. Г.

На Ваш запрос (наш вх. 775—65) сообщаем, что, по данным архива, газета «Дальневосточный моряк» выходила в 1922 году всего несколько раз (не более девяти) и была закрыта распоряжением № 45 от 17 декабря 1922 года.

Фамилиями и адресами сотрудников газеты, а также лиц, имевших какое-либо отношение к ее изданию, архив не располагает.

На вторую часть Вашего запроса сообщаем, что директором частного исторического музея в городе Владивостоке до октября того же года был Соболевский В. П. Во время эвакуации белыми города музей частично сгорел, а Соболевский тогда же исчез. До передачи не уничтоженных пожаром материалов музея в фонд государства обязанности директора исполнял тов. Прилепа Г. Р.

За начальника архива...

Вторым был ответ на запрос о родственниках Соболевского:

Центральный справочный стол
Отделение розыска
№ 25—17

На № 764—66

Гражданка Соболевская Нина Михайловна, 1885 года рождения, состоявшая в браке с гражданином Соболевским Вениамином Павловичем, проживает в г. Алма-Ата по адресу: Красноармейская ул., дом 4.

На следующий день пришло еще одно письмо.

— О, опять Владивосток? — удивился Аркадий. — Ах да, ведь мы запрашивали пароходство!

В конверте было:

На Ваше письмо от 7 апреля с. г.

Прошу сообщить перечнем вопросов, какого рода обстоятельства аварии пароходов «Минин» и «Аян» Вас интересуют.

Инспектор безопасности кораблевождения

Белов.

— Ух ты! — воскликнул Аркадий. — Вот это да. А если в перечень я включу сто вопросов? Он на все ответит?

— Нет. Но сразу видно человека. Аккуратен и исполнитель. Пошлешь ему перечень?

— Поздно. Приедем во Владивосток, явлюсь к нему. Делаю на карте пометку.

Положенный на карту маршрут нашей поездки напоминал созвездие Большой Медведицы: Владивосток — остров Тюлений — Курильские острова — и снова через Сахалин во Владивосток. Черпак и ручка. У самого начала ручки Аркадий написал имя Белова.

Тут же, у надписи «Владивосток», значилось — «Институт океанологии», а около Кунашира — «Краеведческий музей».

В начале июня мы начали собираться. Нужно было купить походную одежду, заказать билеты. Аркадий отнес на почту заявление, чтобы все письма, адресованные ему, пересылали в Южно-Курильск.

Минута, когда в моих руках оказался билет до Владивостока, заставила меня наконец поверить в реальность происходящего. Мы летели.

Последний день был наполнен горячечной суетой. Комната Аркадия оказалась заваленной вещами. Мы боролись с ними. Аркадий сидел верхом на рюкзаке и, едва не плача, пытался втиснуть в рюкзак одеяло. Белье, посуда, книги, полотенце уже лежали там. У ног Аркадия, хмуро поблескивая, валялись зеле-

ные ласты и легкоодолазная маска. Я ликовал. Я уложил вещи в два чемодана и злорадствовал.

— Несчастный, как ты потащишь их? — спрашивал меня свистящим шепотом Аркадий. Цвет его лица менялся: оно то краснело, то бледнело; одеяло то погружалось в недра рюкзака, то медленно, как осьминог, выползало оттуда.

— Не знаю! — равнодушно отвечал я. — Ездят же люди.

— Шнорхель! — вопил Аркадий. — Где мой шнорхель?

Он становился на четвереньки и лез под стол. Стол с жалобным скрипом поднимался, шаткие ножки его повисали в воздухе.

— Ты уже спрятал шнорхель.

Аркадий бросался вытаскивать из рюкзака вещи и на самом дне обнаруживал анодированную трубку с загубником.

— Привяжи ее к чемодану. У тебя ведь будет и чемодан?

— Зачем он мне? Ну скажи — зачем? — голос Аркадия переходил в стон.

Все-таки к концу дня рядом с его рюкзаком появился новенький, блестящий чемодан. Его бока были безобразно раздуты. Лак не выдержал и потрескался. Хрупкие черные чешуйки, как ночные бабочки, разлетелись по комнате.

— Первый раз еду так безобразно, — горестно сказал Аркадий. — Как мешочники двадцатых годов.

По трапу самолета мы поднялись последними.

«ИЛ-18» взвыл моторами и, подрагивая на стыках бетонных плит, помчался навстречу восходящему солнцу. Он взлетел носом на восток. Он нес нас к Тихому океану.

в которой появляется маленький инспектор безопасности кораблевождения

Приморье встретило нас прохладной сырой погодой. От аэродрома до города нас вез автобус. Он катился по неширокой асфальтированной дороге, по равнине с редкими конусами терриконов, по всхолмленному побережью залива.

Сочная зелень буйствовала на склонах.

Мы с трудом получили номер в гостинице, и Аркадий тотчас же потащил меня в институт. Огромный, похожий на аквариум троллейбус, покачиваясь, вез нас по загородному шоссе. Вдали на свинцовой воде чернели на рейде корабли. Голубые дымки висели над их трубами.

В институте Аркадий поручил меня каким-то своим знакомым биологам, а сам скрылся за дверью с табличкой «Заместитель директора».

Знакомые повели меня в подвал показывать аквариумы.

В полутемном помещении с низким потолком светились огромные прозрачные ящики. Журчала вода. В деревянных лотках гроздьями лежали черные раковины мидий.

Один из сопровождающих включил спрятанную за аквариумом лампу. Из зеленого полумрака выплыло испещренное песчаной рябью дно, на нем — куча камней. Мелкие пучеглазые камбалы жались к стенке аквариума. На песчаном дне лежали бугорчатые трепанги. Они лежали неподвижно, припорошенные илом, и ничем не напоминали живые существа.

— Видите осьминога?

Никакого осьминога я не видел.

— Да вот же он!

Все стали тыкать пальцами в стекло. Пальцы указывали на камни. В глубине щели между двумя камнями едва заметно колыхалось что-то пятнистое и зыбкое.

Пришел Аркадий и сказал, что на Тюлений дана телеграмма. Можно ехать.

Вечером, получив в справочном бюро адрес Белова, мы отправились к инспектору. Его дом оказался неподалеку от гостиницы. Среди низких, потемневших от времени строений высилось врезанное в каменный бок горы новое многоэтажное здание.

Мы поднялись по лестнице и остановились перед дверью, из-за которой доносился тонкий детский плач.

Аркадий осторожно нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась. На пороге показалась высокая грузная женщина с обнаженными по локоть руками. На мокрых ладонях пузырилась мыльная пена. Женщина молча смотрела на нас. Из-за ее широких бедер выглядывали двое детей. Рыжие головы мальчишек светились в сумерках.

— Нам товарища Белова, — сказал Аркадий.

— Михаил! — крикнула женщина и ушла, волоча за собой мальчишек. На ее месте возникла маленькая мужская фигура в кителе, застегнутом на все пуговицы.

— Я Белов. Я слушаю вас, — сказал человечек.

— Мы из Ленинграда. Моя фамилия Лещенко, — ласково отозвался Аркадий. — Я недавно получил от вас письмо. А это мой товарищ Сергей Павлович Орлов.

Рев из глубины квартиры усилился.

Маленький человек обернулся.

— Мария, — сказал он, — ты видишь, ко мне пришли. Пусть она замолчит.

— Перестань плакать, — равнодушно сказала женщина.

Прижимаясь спинами к стене, в коридор снова вышли мальчишки. Их зеленые глаза горели любопытством.

— Если она не замолчит... Может быть, ты возьмешь мальчиков? Я не могу разговаривать с людьми.

— Я стираю.

— Мы не вовремя, — сказал Аркадий. — Вы уж извините. Наверное, лучше в другой раз?

— В другой раз будет то же самое, — сказал маленький инспектор. — Идемте поговорим во дворе.

— Люсе надо давать через полчаса кашу.

— Я вернусь.

Сопровождаемые Беловым, мы начали спускаться по лестнице.

— Ваша маленькая Люся плачет, как большая, — сказал я.

— Плачет Катя. Ей пятнадцать.

Я поперхнулся.

— Сколько же у вас детей?

— Четверо, — покорно произнес наш спутник. — Две девочки и мальчики-близнецы.

Мы вышли в садик, разбитый около дома.

— Итак, что вы хотели от меня узнать?

Аркадий помедлил.

— Многое, — сказал он. — Собственно говоря, все, что связано с обстоятельствами гибели парохода «Минин».

— Для чего это вам нужно?

— Скажем так: я хочу писать о нем книгу.

— А-а... Что ж, все дела, связанные с авариями, хранятся у нас в Межведомственной инспекции. Эта авария, мне помнится, изучалась в тысяча девятьсот двадцать пятом году, но расследование до конца доведено не было. Хотите знать подробности?

Вверху отворилось окно. Женский голос позвал:

— Михаил! Каша готова!

Белов потер ладонью висок и ушел. Из раскрытого окна вылетела и рассыпалась в воздухе, как фейерверк, пачка цветных карандашей.

— Бежим! — сказал Аркадий. — Этот человек слишком обременен семьей, чтобы помочь нам.

В дверях подъезда снова показался Белов. Он тащил за руку рыжего сына.

— Сейчас же собери карандаши! — сказал он. — Да, так на чем мы остановились? Вы правы — здесь неудобно, приходите завтра ко мне в инспекцию. Морская, семнадцать. Я буду в девять.

Аркадий схватил меня за рукав и потащил прочь.

— По-моему, у него не четверо детей, а все шестнадцать! Голова кругом. Смотри, это ждет и тебя!

— Моя жена слишком занята архитравами и голеленами.

Аркадий захохотал.

— А ты заметил, — сказал он, — что двор вытопан больше с той стороны, где живут Беловы?

В тот вечер наши соседи по номеру долго разговаривали и играли в домино, ударяя с размаху косточками по столу. Нам это казалось тишиной.

*содержит историю острова Изменного
и демонстрирует необыкновенные
способности Белова*

Утром мы отправились в инспекцию. В комнате, стены которой были увешаны бело-голубыми морскими картами, за канцелярскими заставленными документами столами сидели представительные люди в форме.

При виде нас Белов встал. Золотое шитье на его рукавах вспыхнуло и погасло. Белов опасливо извинился перед товарищами и сказал Аркадию:

— Здесь неудобно. Пойдемте в библиотеку.

В библиотеке мы с Аркадием сели на диван, под картиной, которая изображала открытие пароходом «Америка» одноименного залива в Приморье, и приготовились слушать.

Маленький инспектор потер ладонями виски, нагнул по-птичьи голову набок и не торопясь начал:

— Пароход «Минин» был построен в Англии по заказу России для работы на Дальнем Востоке фирмой Ланц. Фирме была заказана в девятьсот шестом году серия из трех судов: «Минин», «Аян» и «Қарс». Пароходы почти не отличались по своим данным.

— Они были однотипны?

— Да.

Аркадий хмыкнул.

— Как же тогда их отличить? После того как они пролежали бок о бок без малого полвека...

— Да, две кучи одинакового железного лома, — сказал я. — Пожалуй, сам строитель не разберется!

Из-за книжных стеллажей бесшумно вышла пожилая женщина.

— Михаил Никодимович, — обратилась вполголоса она к Белову, — не поможете ли? Товарищу с юридического факультета нужно подобрать случай столкновения кораблей в тумане при одновременном нахождении их в узкости.

— «Садгепул» и «Парция». Дело слушалось в Лондоне в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. — Белов произнес это не задумываясь.

— Спасибо. А где он может это найти?

— Реферат бюллетеней Ллойда за пятьдесят седьмой год.

Женщина исчезла. Белов помолчал.

— На чем я остановился?

— Пароходы были однотипны.

— Да. Так вот в двадцать первом году суда поступили в распоряжение оккупационных властей. Пароходы использовались японцами как войсковые транспорты и дважды ходили в Императорскую гавань, а перед самой сдачей города были вновь отданы военной комендатуре белых. Перед сдачей города оба парохода стали грузить на борт население... Как я говорил, есть акт незаконченного расследования. Его производили в двадцать пятом году и из-за недостатка данных прекратили.

— Кто производил?

— Управление безопасности кораблевождения.

— Капитан «Минина» погиб?

— Умер в Японии.

— А капитан «Аяна»?

— Вернулся и скончался в госпитале в двадцать седьмом году. Его показания были главными при расследовании.

— Та-ак... А вы сами никогда не были в районе Изменного?

— Нет.

— И не собираетесь?

— Нет причин. Правда, в этом месяце я должен работать на Шикотане. Небольшое столкновение.

Нас снова прервали: в дверях показался молодой хмурый моряк.

— Товарищ Белов, — сказал он, — совершенно срочно. Пришла телеграмма. Готовится решение о дополнительном оборудовании района Семи Камней. Маяк и два светящихся буя. Нужно сегодня же дать обоснование. Кто сидел на камнях. Ну, скажем, за последние три-четыре года.

— За три или за четыре, Алексей Алексеевич?

— За три.

Белов полуприкрыл глаза.

— Тысяча девятьсот шестидесятый год, — начал он. — Пароход «Шойна», пробоина в районе форпика, поврежден винт. Убыток тридцать одна тысяча рублей... — Хмурый моряк вытащил записную книжку и торопливо начал писать. — Сухогрузный транспорт «Кассиопея», касание грунта, в убытки вошла только стоимость постановки в сухой док. Большой рыболовецкий траулер «Трепанг», пробит борт в районе сорок восьмого шпангоута...

Белов диктовал минут пятнадцать. Он перечислил добрые два десятка судов, не забыв указать, что за повреждения они получили, во что обошелся ремонт и какие особые обстоятельства сопровождали аварию.

— Побегал. Заказан прямой провод с Москвой,— сказал моряк и, не взглянув на нас, исчез.

— А если в цифрах ошибка?— сказал Аркадий, обращаясь к маленькому инспектору.— Вы не хотите пойти проверить?

— Не понимаю вас,— простодушно ответил Белов.— Меня спросили, что за суда терпели бедствие на Семи Камнях, и я перечислил их. На чем мы с вами остановились?

— На расследовании, которое вы будете вести на Шикотане. Кстати, это не так далеко от Изменного. Белов кивнул.

— Старый, но запутанный случай. Как-нибудь расскажу. Но сейчас мне следует вернуться в кабинет. Как только дадут Москву, меня будут искать.

— Чтобы вы были под рукой?

Белов кивнул.

— Я заказал дело о расследовании аварии «Минина» и «Аяна». Его принесут из архива. Читать— дня на два... Что еще?

— Хотелось бы знать, что представляет собой Изменный.

Зазвонил телефон, и женский голос из-за стеллажа произнес:

— Белова срочно наверх.

Отыскав на полках несколько старых книг по истории открытия южных Курильских островов, мы с Аркадием принялись их читать.

В пожелтевших, пыльных изданиях, полных «ятей», «и с точками», нашлась история острова.

Плавания к нему восходили к началу восемнадцатого века, когда Евреинов и Лужин, Анциферов и Козыревский начали движение на Курильские острова со стороны Камчатки и Охотска. Двигаясь с севера на юг, с острова на остров, изыскивая поселе-

ния айнов и облагая их ясаком — податью, они шли, нанося на карты бесконечные и неудобные каменные громады с дымящимися вулканами.

Однако эти мореплаватели до Изменного не добрались. Первым кораблем, который появился в его водах, был «Св. Михаил» Шпанберга. Энергичный, упрямый, упорный в достижении цели, Мартын Шпанберг был помощником Беринга во второй Камчатской экспедиции. В районе Курильской гряды он начал работать в 1738 году.

В первый год плавания, выйдя на трех судах из Охотска, он направился к Курилам, затем корабли его разошлись. «Михаил» под командованием Шпанберга пошел на юг и обогнул Уруп. Лейтенант Вальтон на «Надежде» опустился до Хоккайдо. «Гавриил» под командой Шельтинга описывал берега Сахалина.

На второй год Шпанберг ходил до берегов Хондо. На обратном пути он был у Хоккайдо и обследовал южные Курильские острова.

Результатом его работ стала карта всех островов Курильской гряды. Пораженный обилием островов и утомленный необходимостью придумывать для каждого название, мореход часто ограничивался тем, что указывал на карте порядковый номер открытого острова. На карте, которую Шпанберг представил в Санкт-Петербурге после окончания плавания, значились тридцать островов. Однако на изданной двумя десятилетиями позже Парижской академией наук почему-то в нижней части Курильской гряды имелся и тридцать первый остров. Именно он и получил впоследствии японское название Сендзюкуити.

Название Изменный было присвоено острову на основании свидетельств о плавании в 1811 году в этом районе Головнина и происшествия, которое имело с ним место.

Совершивший под командованием Головнина плавание из Кронштадта на Камчатку корвет «Диана» вышел из Петропавловска, имея целью уточнить морскую опись островов, подтвердить государственную принадлежность Сахалина к России и попытаться установить дипломатические связи с Японией. Обнаружив в безымянной бухте на острове Кунашир селение, Головнин сошел в шлюпке на берег. Селение оказалось небольшим японским укреплением. Японцы хитростью заманили Головнина с товарищами — мичманом Муром, штурманом Хлебниковым и четырьмя матросами — в крепостицу и арестовали их. Только после длительных переговоров, во время которых между Кунаширом и Хоккайдо, где сидел японский губернатор, с черепашей скоростью двигались гонцы, а каждое сказанное или написанное слово превратно истолковывалось, отважный капитан-лейтенант и его товарищи были освобождены. В память об этом происшествии Головнин назвал бухту — бухтой Измены, а остров, лежавший неподалеку в море, островом Изменным. Это название вначале не привилось, и о нем вспомнили только в 1946 году...

— Все ясно! — сказал Аркадий, — теперь нам нужно описание самого острова. Нет ли близ него затонувших судов?

— Нужно смотреть лоцию.

Вскоре мы сидели над ней — над толстой книгой в красном коленкоровом переплете — и, затаив дыхание, перелистывали желтоватые добротные страницы.

— Кунашир. Это не то, — бормотал Аркадий. — А вот и Изменный... «Вход в бухту. У входа в бухту установлен на возвышении семнадцати метров огонь... В бухте возможна стоянка судов малого водоизмещения...» Так, так... Никаких выброшенных на камни кораблей.

Прочитав внимательно все, что относилось к острову, мы закрыли книгу.

— Подожди, — сказал Аркадий. — А что, если посмотреть рядом. Соседние острова. Открой-ка еще раз.

Мы снова углубились в чтение.

— Вот, — неожиданно и глухо сказал мой друг. Палец его уперся в страницу и задрожал. — Вот тут. Прямо написано — «в тысяча девятьсот двадцать втором году». Читай вслух.

Следя за торопливым движением его узкого желтого ногтя, я прочел:

— «Два Брата. Отдельная скала, с раздвоенной вершиной, лежит в центре каменной гряды. В двух кабельтовых от нее среди камней ранее возвышались остатки судна, затопленного во время шторма в 1922 году. Ограждена южная оконечность гряды...»

Я задумался. Может быть, это вовсе и не «Минин»? И, кроме того, где второй пароход?

«Ранее возвышались». Значит, теперь не возвышаются?..

Вернулся Белов и принес дело об аварии.

Все последующие дни мы приходили в инспекцию к девяти утра, усаживались в библиотеке, брали пухлую пожелтевшую папку с широким коленкорovým корешком и шелковыми вкрадчивыми завязками, открывали страницы с описанием аварии и углублялись в них.

Сухой язык, которым были написаны опросные листы и акты, как нельзя лучше помогал восстановить напряженную драму, которой закончилась эпопея двух пароходов.

*излагающая содержание папки с делом
об аварии пароходов*

22 октября 1922 года в 15 часов 30 минут от тридцать третьего причала Владивостокского порта отошел в плавание пароход «Минин».

Капитан парохода Мостовой имел все основания быть недовольным рейсом.

Военный комендант, который вызвал его, был краток:

— Погрузите все, что будут вам грузить. Сколько влезет. Людей брать по моим пропускам. Пойдете в Нагасаки.

Капитан смотрел на узколицего лысеющего подполковника и думал, что, если отказаться, расстрел.

— У меня неисправен радиотелеграф.

Подполковник пропустил эти слова мимо ушей.

— Взвод солдат посылаю сейчас. Команде на берег не сходить.

Когда капитан вернулся на пароход, погрузка уже началась. Первые часы солдаты кое-как сдерживали толпу у трапа, потом перестали проверять документы у тех, кто лез на судно, а затем исчезли вообще, растворились, слились с пестрой массой, бушевавшей на причале и на палубе.

В 15 часов 30 минут, видя, что положение становится угрожающим, что пароход переполнен, а на причале уже вспыхивают драки и щелкают сухие винтовочные выстрелы, капитан приказал обрубить швартовы и перешел на рейд. Там его нагнала гребная шлюпка с приказом коменданта ждать его и его семью.

Узкие миноносцы с бело-красными японскими флагами один за другим покидали рейд. На сигнальном посту подняли какой-то сигнал. Он бессильно повис, прочесть его было невозможно.

Мостовой поднял к глазам бинокль. У дальнего причала в Гнилом углу вился дымск. Отходил «Аян».

Капитан приказал выбрать якорь и переставил рукоятки машинного телеграфа на малый.

Длинный зеленый остров медленно пополз по правому борту. Белая башенка маяка мертво и безжизненно вспыхнула отраженным солнечным лучом.

Капитан вздохнул и приказал принести на мостик судовой журнал. Количество людей, грузов, пункт назначения — записи, которые никогда не вызывали у него сомнения... На этот раз они казались головоломкой или формальностью.

— Как акт о смерти, — сказал он помощнику.

*Выписка из судового журнала
парохода «Минин»*

16.45. Снялись с якоря. На борту около 600 человек эвакуированных и груз около 40 тонн. Порт назначения Нагасаки.

17.01. Прошли маяк Скрыплев. На палубе среди нижних чинов возникла по невыясненным причинам драка. Один человек убит. Тело выброшено за борт.

Капитан смотрел на палубу, сплошь покрытую черно-зеленой массой пальто и шинелей, и думал, что в случае любой, самой незначительной аварии матросы не смогут ни подойти к якорному устройству, ни пробраться в трюм, ни включить пожарную систему. От фокмачты доносились тонкие звуки гармоники. Там пили и пытались петь.

Вышли в Уссурийский залив. Первая волна ударила в борт, окатив людей длинными холодными брызгами. Гармошка умолкла. Черно-зеленая масса под мостиком шумно вздохнула, совершила несколько беспорядочных движений и, отчаявшись изменить что-либо в самой себе, затихла. Люди укрылись, легли, спрятали лица.

Пароход повернул на юг. За кормой тонко прорезала горизонт мачта «Аяна».

*Выписка из судового журнала
парохода «Аян» 22 октября*

17.20. Снялись со швартовов. На борту эвакуированное из Владивостока население и служащие армии в количестве до 500 человек. Архив Дальневосточного правительства и груз смешанного русско-китайского банка. Груз около 60 тонн. Пункт назначения Шанхай, с заходом в Нагасаки. Имеем приказание следовать совместно с «Мининым».

19.15. Догнали «Минин». Следуем в кильватер, расстояние 10 кабельтов.

Капитанов «Аяна» и «Минина» связывала дружба. С первой же встречи в Англии, где Мостовой и Нефедов принимали пароходы, между ними установились отношения, которые должны были возникнуть между людьми одного возраста и одной судьбы. От-

прыски потомственных морских семей — их отцы начинали плавать еще матросами, — они с большим трудом добились капитанских дипломов и как выходцы из низов не могли рассчитывать на хорошее судно на Черном море или на Балтике. В маленьком неблагоустроенном Владивостоке их семьи жили на одной — Подгорной — улице, помогая друг другу.

Вот почему среди всех зол, связанных с участием в эвакуации и временным, как они твердо рассчитывали, оставлением родины, капитаны могли почитать за благо только одно — предстоящее совместное плавание.

Переход до Нагасаки занял менее недели.

В Японии капитанов ждали новые неприятности. Вместо сотен шумных и растерянных людей в немногочисленные каюты пришли щеголеватые, не потерявшие еще лоска офицеры и странные, хорошо одетые мужчины, тоже отличающиеся военной выправкой. Они принесли приказ обоим пароходам следовать на Камчатку в Петропавловск, взять особо ценные грузы, — «Валюту!», как проговорился один из подвыпивших офицеров, — и следовать в Сан-Франциско в распоряжение русского консула.

Погрузку в Петропавловске надлежало произвести на рейде, не подходя к причалам, во избежание стихийного захвата пароходов ждущими эвакуации воинскими частями и обывателями.

По пути пароходам надо было пополнить запасы угля в Хаккодате.

Перейдя туда в конце октября, «Минин» и «Аян» стали готовиться к далекому и, как надеялись Мостовой и Нефедов, последнему рейсу.

В Хаккодате к пассажирам присоединилось несколько вечно пьяных казачьих офицеров со взводом

солдат, отчего жизнь на пароходах вновь приобрела характер скандальный и тревожный.

Выход из Хаккодате был назначен на первое, затем перенесен на второе ноября. Пассажиры волновались. Ходили слухи, что во Владивостоке на сторону Советов перешли команды одного или двух миноносцев и им приказано задерживать, возвращать и даже топить пароходы с эмигрантами.

Закончив погрузку угля первым, Мостовой стал ждать. Однако вмешался консул и, уступая требованиям пассажиров, приказал «Минину» идти, не дожидаясь, когда кончит бункероваться «Аян».

Капитаны встретились на причале.

— Мне еще полсуток, самое малое, — сказал Нефедов, который только что поставил пароход под бункеровку. — Иди.

— Не доходя до Немуро-кайкио лягу на курс сорок восемь градусов, — сказал Мостовой. — В случае чего догонишь?

— Постараюсь.

Нефедов ушел, а капитан «Минина», проклиная в глубине души консула и пассажиров, отправился на почту, рассчитывая послать весточку семье, оставленной во Владивостоке.

Такие обстоятельства привели к тому, что на расвете четвертого ноября «Минин» очутился один в водах западнее Хоккайдо, направляясь курсом 48° к островам Большой Курильской гряды.

Пароход шел двенадцатиузловым ходом.

На судне царило молчание. Ровная белесая поверхность океана, ее кажущаяся неподвижность никого не обманывали — по небу ползли длинные облачные перья. Приближался тайфун.

Капитан с полуночи только дважды покинул мостик. Первый раз, около трех часов, он спустился

в свою каюту, выпил чашку горячего чая и сменил влажное от тумана белье на сухое. Второй раз он прошел в рубку радиотелеграфиста, поскольку тот доложил о том, что наладил искровой передатчик. Но сообщение оказалось преждевременным: как только капитан попросил связаться с Хаккодате и запросить погоду, передатчик вышел из строя опять.

Закутанный в длинную, до пят, шубу Мостовой стоял у брезентового обвеса и смотрел, как впереди движется лиловыми полосами туман.

Настроение капитана не улучшалось. Долгий рейс на Камчатку не сулил ничего хорошего.

Около 13 часов он приказал помощнику вынести на мостик карту. Отпечатанная в Лондоне, она уверенно показывала полное отсутствие в районе плавания опасностей. Ближайшая земля — Шикотан и цепочка не названных на карте мелких островов оставались справа от курса. Приглубый высокий берег Кунашира должен был открыться часа через четыре. Обратив внимание помощника на высокую и, очевидно, приметную вершину вулкана Тятя-яма, капитан приказал взять, как только откроется вершина, ее пеленг.

В 14 часов 03 минуты капитан подошел к компасу и заметил, что рулевой, вместо заданного ему курса 48 градусов, держит 43 градуса. Мостовой сделал ему замечание, и в тот же момент послышался крик помощника:

— По носу — камни!

Первым движением капитана было — перевести ручки телеграфа на «стоп». Почти одновременно, взглянув за борт, он увидел слабый водоворот над камнем, едва скрытым водой.

В машинном отделении не сразу заметили перевод стрелки. Капитан резким движением повторил

«стоп». Телеграф звякнул и подтвердил получение команды.

Глухие удары винта затихли.

— Прямо по корме — камни! — закричал помощник. Он успел выбежать на крыло мостика и, приложив к глазам бинокль, обшаривал взглядом пространство, по которому только что прошел пароход.

Этот доклад, вероятно, имел роковые последствия. Трудно сказать, были или нет в действительности за кормой камни или помощник принял за них движение воды, потревоженной судном. Во всяком случае, Мостовой, вместо того, чтобы дать команду «полный назад», снял руки с телеграфа, и пароход на какое-то время был отдан во власть ветра и течения.

Изменение хода не могло остаться незамеченным, на палубе появился боцман с двумя матросами.

— Отдать правый якорь! — последовала команда с мостика.

«Минин» по инерции продолжал движение.

Боцман отдал стопора, и тяжелый судовой якорь, увлекая за собой цепь, с грохотом рухнул в воду.

Прошло еще около двух минут, прежде чем последовал доклад:

— Якорь забрал!

Цепь натянулась, и «Минин» под действием слабого ветра начал медленно разворачиваться.

Капитан осмотрел водную поверхность около судна. То тут, то там виднелись выступающие из-под воды камни. Тихая погода оказала пароходу плохую услугу: в ветер, при волнении, пенные буруны легко бы выдали местоположение затопленных скал...

Мостовой приказал отдать еще один якорь. Когда отгрохотала вторая цепь, судно остановилось в окружении мрачных смотрящих из-под воды камней. Проклиная карту, капитан опять прошел в радиорубку.

Искровой телеграф не работал. Надеяться на помощь не приходилось.

Пассажирам капитан ничего не объявил. Он выставлял на носу и на корме вахтенных, вооружив их ракетницами, и приказал боцману приготовить на полубаке бочку, набив ее вымоченной в мазуте паклей. На мостике были прикреплены к валам сигнальные флаги, обозначающие бедствие и необходимость помощи.

Хотя непосредственная сиюминутная опасность судну не грозила, Мостовой прекрасно понимал, что, как только ветер усилится, положение судна очень быстро может стать критическим. Поэтому он решил как можно скорее обследовать район вокруг судна, произвести промеры, обозначить буйками отдельные камни и, выбрав между ними путь, вывести судно.

Боцман начал готовить шлюпку, одну из двух, имевшихся на борту.

Однако тут произошли первые неприятности. Как только прекратился шум машины, пассажиры, решив, что пароход подошел к берегу, стали кучками появляться на палубе. Далеко не все поняли, что произошло, но постепенно по судну стали распространяться слухи, и на мостике появилось несколько офицеров.

Успокоив их, насколько это было возможно, Мостовой спустился с мостика к шлюпке и проинструктировал помощника, который должен был отправиться на рекогносцировку.

Шлюпка переменными галсами начала производить промер.

Между тем ветер стал усиливаться. Якор-цепи натянулись. Размахи судна, которое первое время лишь слегка покачивалось на пологой зыби, сделались

значительными. Шлюпка то скрывалась среди пенных гребней, то показывалась вновь. Вскоре работать на ней стало невозможно, и помощник подошел снова к борту «Минина». Шлюпку подняли.

Первым почувствовал надвигающуюся катастрофу капитан. По резкому подрагиванию цепей он понял, что якоря ползут, а взяв пеленг на отдельно лежащую скалу, увидел, что пароход смещается по ветру в направлении двух больших торчащих над водою камней.

«Аян». Оставалась одна надежда — на него. Однако Мостовой не знал, на сколько часов позже он вышел из Хаккодате и стал ли соблюдать в точности намеченный курс?

Напрасно всматривался капитан в горизонт, затянутый тучами, — «Аяна» не было видно.

Между тем ветер крепчал. Тяжелое тело судна неотвратимо дрейфовало к камням. В 16 часов 20 минут послышался слабый удар, корпус парохода вздрогнул. Никто из пассажиров, покинувших палубу и томившихся в каютах и трюмах, вероятно, не придал значения толчку, но Мостовой понял: «Это конец».

*Выписка из показаний матроса 2-й статьи
Калинчука Г. Н.*

...Получил приказание капитана осмотреть трюм. Спустился. Мешали люди, которые с вещами сидели на ящиках. Воды не обнаружил. Хотел уходить, когда ударило и сбросило меня с ног. Народ закричал. Говорили разное, например: «Завезли нас и топите!» Опять хотел уйти. Вдруг женщина крикнула: «Вода!» Между ящиками увидел воду. Ударило еще раз. Долго не давали вылезти наверх — все отталкивали

друг друга. Поднялся на палубу и доложил капитану...

Вопрос. Что предпринял капитан?

Ответ. Мостовой? Приказал запустить трюмную помпу. Стали качать. Вдруг еще удар. Тут вода хлынула потоком. Я понял — не откачать...

Пробоина, которую обнаружил Калинин, оказалась не единственной. Волны кренили пароход с борта на борт, и он то и дело касался днищем камней. Скоро вода была обнаружена в коридоре гребного вала, а затем начала поступать в машинное отделение.

К этому времени относится и первое столкновение команды с пассажирами.

Сильный ветер рассеял туман, и на северо-востоке открылся небольшой остров с плоской вершиной. Поскольку пароход уже начал погружаться и каждую минуту могла возникнуть опасность, что он опрокинется, капитан приказал вновь спустить шлюпку.

К этому моменту все пассажиры уже толпились на палубе. Вызвав помощника и боцмана, Мостовой приказал им отделить женщин и детей и собрать их неподалеку от шлюпбалок готовыми к посадке. Однако в то время как он отдавал эти указания, на корме послышался шум, вспыхнула драка: несколько солдат и офицеров пытались оттеснить матросов и спустить шлюпку.

Туда бросился боцман. Однако было поздно. Одну из шлюпбалок вывалили за борт неполностью, корма шлюпки зацепилась за борт, солдаты не удержали канат, шлюпка перевернулась и вошла в воду носом. Подоспевшая волна разбила ее о борт.

Как показал на следствии помощник капитана, Мостовой понял, что действовать надо иначе. К спуску

второй шлюпки он не приступил, пока не вооружил нескольких матросов и не заручился помощью группы солдат.

Под их охраной шлюпка была спущена. В нее погрузили четырех женщин, двух детей, больных и стариков.

Команду по распоряжению капитана возглавил помощник.

Судьба экипажа шлюпки сложилась, как свидетельствовали материалы дела, следующим образом.

Отойдя от «Минина», шлюпка направилась к видневшемуся на горизонте острову. Однако, пройдя половину пути, она была усилившимся ветром отнесена в сторону. Тогда помощник, опасаясь подходить к берегу в темноте, приказал зажечь фонарь и, попеременно гребя, удерживаться на месте. С рассветом пассажиры шлюпки обнаружили вблизи себя два рыбацких судна, которые оказались принадлежащими японским рыбакам.

Остров, на который рыбаки доставили в тот же день спасенных, был Кунашир. Здесь стараниями помощника были снаряжены для оказания помощи оставшимся на «Минине» несколько парусных кавасаки, которые вскоре и вышли к месту аварии...

Между тем на «Минине» было принято решение строить плоты.

Для их изготовления пытались было использовать палубный настил, но он оказался чрезвычайно прочно прикрепленным к корпусу — доски крошились и ломались.

Тогда, сняв с трюмов люки, боцман принялся сооружать плоты из них. К первому прикрепили по краям пустые бочки и спустили на воду. Плот закачался на волнах, и, хотя вода то и дело гуляла по

нему, прочность и способность его поднять достаточный груз не вызывали сомнений.

Плот перевели в тихое от волн место — за корму и приступили к изготовлению второго.

Увлеченные сооружением плотов, Мостовой и команда перестали обращать внимание на действия пассажиров.

Обстановка на пароходе становилась все более тяжелой.

«Минин» медленно погружался, то и дело испытывая удары корпусом о камни. Оба трюма были уже до половины залиты водой.

Все это не могло остаться для пассажиров незамеченным. Не отобрав в свое время от них оружие, Мостовой оказался в тяжелом положении. Когда стали вязать бочки ко второму плоту, на корме раздались выстрелы. Капитан с боцманом бросились туда. Но было уже поздно: группа офицеров оттеснила вахтенных матросов. Нападавшие сбросили с кормы два штурмтрапа и по ним спустились на плот. Вниз полетели чемоданы и баулы. Перегруженный плот осел в воду, люди, толпившиеся на нем, оказались по колено в воде.

Мостовой перегнулся через борт и попытался обр-азумить покидавших судно. В ответ раздались угрозы, щелкнул выстрел. Пуля ударилась в фальшборт и рикошетом ранила матроса, стоявшего рядом.

*Выписка из показаний матроса 1-й статьи
Чалого П. Н.*

...Капитан приказал принести винтовки. Он, видно, хотел, чтобы те, на плоту, вернулись. Я подошел к борту. Слышу, щелкнуло, на руке кровь. Меня повели перевязывать.

Вернулся — те на плоту уже перерезали канат, и их несет. Весла у них были, но мало — весла два. Помню — гребли. Парус боцман хотел оборудовать, мачта у них была и парусины кусок.

Хотели на плоту поднимать его, но тут одну бочку оторвало. А ветром их сносит и сносит. Когда бочку оторвало, вижу — они все кинулись на борт, что повыше. Как раз и вторая бочка из воды выскочила. Один конец плота в воду, все с него и посыпались. Вдруг волна прорвалась за камни. Высокая. Подняла плот и перевернула. Капитан в бинокль смотрел. Никого, говорит, не видно. Конец.

Ну, это видели все — действовало. Работать стало легче, и никто не мешал...

Трагическая картина гибели полутора десятков человек отрезвила оставшихся пассажиров. Большинство стало помогать команде сооружать новый плот.

Расширение пробоин в корпусе заставило капитана торопиться.

Около 17 часов плот был готов.

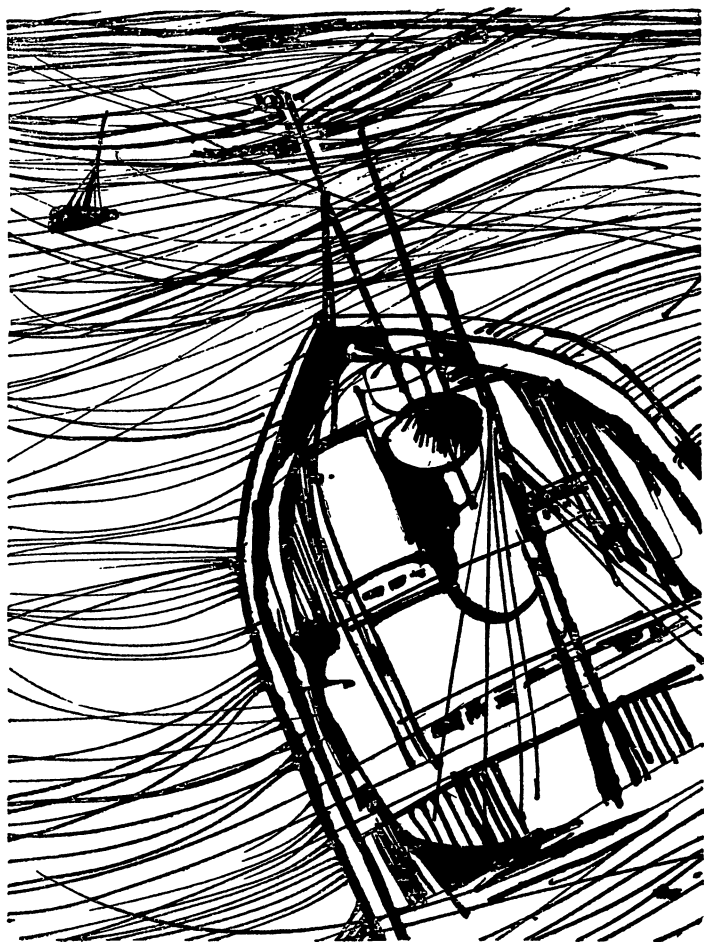
Состояние «Минина» в этот момент уже не внушало никаких надежд. Судно погрузилось в воду почти по палубу, все внутренние помещения были залиты. Крен достиг 25 градусов.

В этих условиях капитан принял решение покинуть пароход.

На «Минине» оставалось около двадцати человек, в основном команда. Среди пассажиров военных, как отмечали свидетели, уже не было.

Погрузка на плот была произведена, и в 17.30 плот покинул судно...

Он пробыл в океане около двух суток, после чего был обнаружен рыбаками с Кунашира, которых

привел в район катастрофы помощник капитана. Отдельные группы, на которые распался экипаж и пассажиры «Минина», были затем доставлены на Хоккайдо.

Бедствия аварийного дня и длительное пребывание на заливаемом плоту не прошли для Мостового бесследно. На Хоккайдо капитан заболел, долго пролежал в госпитале и там скончался.

Команда после полутора лет пребывания в Японии почти вся вернулась на родину...

Далее излагались события, связанные с судьбой «Аяна».

Судно покинуло Хаккодате в условиях, когда капитан имел только самое общее представление о движении «Минина». Помня разговор на причале, Нефедов, войдя в воды между Большой и Малой Курильскими грядками, лег на курс 48 градусов и дал самый большой ход, который могла развить машина, — тринадцать узлов.

Радисту было приказано не оставлять попытки установить связь с «Мининым».

Напрасно капитан «Аяна» всматривался в затянутый тучами горизонт — впереди не было видно ни одного дымка. По расчетам Нефедова, идя этим ходом, он мог догнать «Минина» на меридиане южной оконечности Кунашира.

Как только усилился ветер, Нефедов приказал проверить крепление палубного груза и осмотреть трюмы.

Океан мало-помалу покрывался барашками. Полосами находил туман. В 18.20 была замечена гора, которую капитан определил, как вершину Сендзюкуити. Карта не показывала никаких опасностей, и капитан продолжал движение не уменьшая ход.

В 18.23 слышался голос вахтенного матроса:

— Слева тридцать — судно!

Одного взгляда в бинокль для Нефедова было достаточно, чтобы в черной полоске, то исчезающей среди волн, то появлявшейся вновь, опознать «Минина».

Однако, как это всегда бывает в условиях бурного моря и плохой видимости, определить сразу, что пароход стоит без хода, Нефедов не смог.

Ничего не подозревая, «Аян» продолжал движение, с каждой минутой приближаясь к опасному району.

У англичан для обозначения судов, построенных по одному проекту, есть выражение «систер-шип». У капитанов, плавающих на таких судах-близнецах, естественно, вырабатывается обостренное чувство понимания, в каком состоянии находится другой корабль. И чем ближе подходил Нефедов к «Минину», тем более странным представлялось ему поведение второго корабля. Сначала ему показался неестественным курс, которым идет «Минин». Затем он обратил внимание на крен и дифферент парохода.

Почему-то первой ему пришла в голову мысль о том, что на пароходе опять вспыхнули беспорядки и что судно потеряло управление. Он уже хотел отдать приказание на руль: «Тридцать градусов влево!», как вдруг высокие всплески волн у борта «Минина» сказали ему, что судно не имеет хода и, скорее всего, сидит на мели. Обнаружив это, Нефедов рывком перевел ручки телеграфа на «Стоп!». Но было уже поздно. Содрогаясь всем корпусом, «Аян» со скрежетом выскочил на каменную гряду. Аварии, как показало потом расследование, способствовало и то, что вахтенный матрос, стоявший на носу судна, в это время отлучился сменить промокший насквозь

ватник, а внимание капитана было приковано к «Минину».

Осмотр трюмов и других внутренних помещений вначале принес утешительные известия: вода внутрь судна не поступила. Пароход с полного хода вылетел на каменную плиту и, накренившись на 15 градусов, остановился. Усилившийся туман, а затем темнота не позволили предпринять попытку установить связь с «Мининым» путем посылки на него шлюпки. На все сигналы прожектором и фонарем Ратьера «Минин» не отвечал. Постепенно Нефедову стала ясна печальная правда — рядом с ним стояло покинутое командой судно.

Следующий день не принес изменений в положении судов. Видимость улучшилась, и простым осмотром в бинокль Нефедов убедился: палуба «Минина» пуста. Попытка запустить машину привела к тому, что корпус парохода испытал сильные удары. Это была еще одна печальная новость — погнут гребной вал.

Теперь о том, чтобы сняться своими силами, нечего было и думать.

На третьи сутки погода улучшилась, циклон прошел, и только крупная зыбь напоминала о том, как бушевал океан. На четвертый день были замечены сразу три паруса. Это были японские рыбаки с Кунашира, которых привел в район аварии помощник Мостового.

Команда «Аяна» была снята...

Таково вкратце описание дела, которое мы с Аркадием штудировали на протяжении нескольких дней.

В деле не хватало нескольких страниц. Вместо них чья-то заботливая рука аккуратно вшила справки на узких полосках бумаги.

СПРАВКА

Листы 275, 276 (метеобстановка в районе аварии) изъяты, согласно запросу Гидрометеоотделения УБК.

Завканцелярией

После справки в дело были аккуратно вклеены: отношение таинственного УБК и памятная записка.

Гидрометеоотделение Управления безопасности кораблевождения

На Ваш запрос сообщаю, что листы 275, 276 дела № 34-А высланы в Москву для составления сводного отчета ГМЦ по бассейну Тихого океана за 1922—1925 гг.

Начальник ГМО УБК

В записке говорилось, что, по данным ГМО, в октябре 1922 года над районом южной части Курильской гряды проходил глубокий циклон. Можно с уверенностью предположить, что погода в районе аварии была неустойчивой, с дождем и ветрами до 7—8 баллов. Поскольку при прохождении циклона ветер меняет направление, вынести какое-либо исчерпывающее суждение об обстановке в момент посадки судов на камни не представляется возможным.

Все дело заканчивалось кратким заключением, в котором начальник инспекции констатировал, что материал расследования не дает возможности восстановить всю картину аварии, поскольку и судовые, и машинные журналы «Минина» и «Аяна» также не были сохранены и приобщены к делу.

Заключение содержало фразу о том, что неясность метеобстановки в значительной степени препятствует оценке действий капитанов и что по наведенным справкам изъятые листы были в свое время уничтожены после использования.

В течение тех нескольких дней, что мы провели в инспекции, я смог убедиться в необыкновенной памяти нашего нового знакомого.

— Михаил Никодимович, — говорили ему, — не помните, какие суда принимали участие в снятии с мели «Полоцка»?

Белов откладывал в сторону бумагу, которую начал было писать и, щурясь, отвечал:

— «Пугачев», проходом из Углегорска. Потерял двое суток. «Александр Ясневский» — из Корсикова шел в Советскую Гавань. Находился у места аварии десять часов. Морской буксир восемнадцать, из Ванина, — трое суток. Два катера из Холмска, водолазный бот «тридцатьчетверка» и рейдовый сорок три — каждый по двое суток.

Вопрошавший торопливо записывал, кивал и стремительно исчезал, не подумав проверить или поставить под сомнение хотя бы одну сообщенную ему цифру.

— Миша, дорогой, — обратился как-то при мне к Белову полный, черноусый, кавказского вида, мо-

ряк, — лекция у меня сегодня в клубе для призывников. Хочу рассказать им про локацию. Что, если я им про «Стокгольм» и «Дорио» загну, а? Популярно, наглядно. Не подбросишь фактиков?

Белов одобрительно посмотрел на толстяка:

— Расскажи. Где столкновение было и когда — знаешь?

— Где-то около Нью-Йорка. Лет десять назад.

— У плавучего маяка Нантакет. Двадцать пятого июля пятьдесят шестого года.

— Швед с итальянцем столкнулись? Виноват, кажется, итальянец?

— Суд этого не установил — он был прерван. В чем дело, помнишь?

— Ну не томи!

— Ладно.

И Белов ровным голосом изложил драматическую историю столкновения, во время которого острый нос сверкавшего белой краской «Стокгольма» врезался в борт «Дорио», беспечного судна, команда которого плыла в тумане, не ведя прокладки за встречные суда, которые то и дело обнаруживала на экране радиолокатора.

— Хорошо нарисовать на доске пеленга, — сказал Белов. — Сразу будет видно, как все случилось. Бери лист бумаги... В центре — «Стокгольм». Около него пиши: момент первого обнаружения двадцать три часа. Курс девяносто градусов. Курсовой угол на «Андреа Дорио» два градуса левого борта. Дистанция десять миль... Второе определение...

Толстяк, пыхтя, послушно нарисовал и ушел.

Наконец настал день, когда нам принесли заказанные на рейсовый пароход билеты до Корсакова. Три билета, потому что Белов получил предписание идти на Шикотан производить расследование.

Была вторая половина дня. Аркадий не дозволился в инспекцию, и мы решили отнести Белову билет домой.

Там ничего не изменилось. Плакал один ребенок, жена кормила другого, маленький инспектор озабоченно тер на кухне морковь.

— «Бира», — прочитал он на билете название судна. — Пусть будет «Бира».

Дверь скрипнула, и из-под нее показалось что-то черное и изогнутое.

Я вздрогнул.

— Это кочерга, — сказал Белов. — Дети, марш от двери! Не мешайте взрослым.

Кочерга исчезла.

— Я хочу пить! — плаксиво сказал голос за дверью.

Белов налил кружку воды и подал ее.

За дверью слышались хихиканье и плеск.

— Миша! — сказала жена. — Они уже обливаются.

Белов бросился в коридор.

— Так о чем мы? — сказал он, вернувшись.

— Вы сказали: пусть будет «Бира».

— Михаил, зачем ты запер их в ванную? Она мне нужна.

— Может быть, вы хотите чаю? — печально спросил Белов.

— Нет, нет, — сказал Аркадий. Он посмотрел на меня. — Мы договорились ужинать в ресторане. Поговорим завтра на пароходе.

— Действительно так будет удобнее, — сказал я. — Скажите, как ваша жена управляется с такой оравой? Ведь вы часто уезжаете.

— О, она святая женщина, — ответил Белов и испуганно посмотрел на дверь. — Я благодарен ей.

Вы правы, давайте поговорим завтра. Пароход уходит в девять утра.

Мы встретились на палубе «Биры».

Владивосток отступал. Медленно повернулась плотно заставленная пароходами бухта. Задрожал и слился с голубыми дымками заводов туман над Восточной окраиной. Отошел Скрыплев — маяк на небольшом обрывистом острове. По правому борту потянулся бесконечный, с лысоватой горой и причудливыми бухточками, Русский остров.

Японское море гнало навстречу «Бире» пологую волну, раскачивало пароход, шевелило в каюте вещи.

Мы с Аркадием сидели у иллюминатора и следили, как движется черно-зеленый берег, как сгущается под ним синева и как закипает белой пеной перепаханное ветром море.

Белов спал. Как только мы вошли в каюту — четвертое место так никто и не занял, — он забрался на верхнюю койку и заснул. Он лежал на спине, вытянув руки по швам и беззвучно спал. Пухлый покрытый царапинами дорожный портфель лежал у него в ногах.

Прошли остров Аскольд. Пять неровных, похожих на зазубренные ножи, скал — кекуры Пять Пальцев — прорезали горизонт, проплыли мимо борта, тая и оседая, скрылись в туманной дали.

Ежась и дрожа, пряча руки в карманы, мы с Аркадием стояли около глухого, с холодными металлическими поручнями фальшборта и перебрасывались отрывочными фразами.

— Станный человек этот Белов, — сказал Аркадий, — тоже мне моряк — тихоня и семьянин.

— Нда, — согласился я. — Исполнителен, аккуратен — не более.

Прошли мыс Поворотный. В круглом отверстии иллюминатора сгустилась сиреневая мгла. Звонкая вода стучала о железо.

Ночью на пароход обрушился ветер. «Бира» валилась с борта на борт. Рюкзак Аркадия упал и, как черепаха, медленно странствовал по полу. Я лежал на койке, ощущая сладковатый вкус обильной слюны во рту и непривычную, лишенную боли, тяжесть в голове. Легкомысленность нашего путешествия представилась в этот момент мне особенно отчетливо.

В полночь «Бира» изменила курс. Иллюминатор оказался неплотно закрытым. В минуту стол залило струями соленой воды.

Я встал, плотно завертел барашки иллюминатора, потушил свет и, ощущая неодолимые позывы к икоте, повалился на койку.

Ветер стих так же неожиданно, как начался. Размахи «Биры» уменьшились и под утро совсем прекратились. Стук волн стал еле слышным.

Мы сидели за столом и по очереди играли в шахматы.

— Так что там за история на Шикотане? — спросил Аркадий. — Что вы будете расследовать?

Белов внимательно осмотрел положение фигур на доске.

— Столкновение, — нехотя произнес он.

— Сложный случай?

— И да и нет.

Вот что рассказал Белов. Он рассказал только внешнюю сторону событий, не касаясь спорных или неясных моментов и не пытаясь делать выводы.

Это случилось июньским днем, когда над островом повис туман. Рыболовный траулер «Заная» сдал улов, закончил разгрузку и, не дожидаясь улучшения видимости, отошел от причала. Со стороны Ку-

нашира к острову в это время подходил малый танкер «Тис». Они шли в тумане навстречу друг другу и наблюдали один другого на экранах локационных станций.

— Корабли расходятся левыми бортами, — сказал инспектор. Он повторил: — Они должны расходиться левыми бортами во всех случаях, когда идут прямо или почти прямо друг на друга.

Когда порыв ветра поднял туманную пелену, капитаны траулеров увидели то, что давно представлялось им ясным из дрожания зеленых пятен на экранах локаторов. Каждый увидел то, что хотел увидеть.

Капитан «Тиса» увидел судно, идущее прямо на него и для предупреждения столкновения приказал положить руль вправо. «Тис» покатился вправо, освобождая, как думалось капитану, дорогу встречному траулеру.

Капитан «Занаи» увидел нечто иное. Он увидел судно, идущее немного правее его курса, немного, но достаточно, как утверждал капитан, для того чтобы благополучно разойтись, не прибегая к маневрированию. Он не изменил курс траулера и тогда, когда «Тис» начал, резко поворачивая, пересекать его путь. Он не успел ничего изменить, и железный форштевень «Занаи» со скрипом врезался в хрупкий борт танкера.

Не было жертв, оба судна ушли своим ходом на ремонт, комиссия определила ущерб. Они не могли быть оба правы или оба неправы — два капитана: разумные в первом чтении, статьи Правил не оставляли места для двойственных толкований.

— Один из капитанов обязательно виноват? — спросил Аркадий.

— Обязательно, — ответил Белов, и в глазах его вспыхнул огонь веры. — Всегда, при всех столкновениях, есть нарушение Правил.

Он достал из портфеля тоненькую книжку в сером переплете и помахал ею в воздухе.

— Это «Правила предупреждения столкновения судов». Они родились вместе с кораблями. Нельзя столкнуться, не нарушая Правил.

Я важно кивнул. Я разделял веру Белова в непогрешимую истину Правил, над хитроумным усовершенствованием которых бились столетиями моряки...

— Когда это было? — спросил Аркадий.

— В начале мая.

— Но почему вы должны ехать из Владивостока расследовать случай, который наверняка сразу же был расследован другими, на месте, по горячим следам.

Белов кивнул.

— Столкнулись рыбак и строитель, а наша инспекция межведомственная. Расследование было. В районе лова был инспектор, который произвел следствие и сделал выводы. Он признал виновным капитана «Занай».

— Почему?

Белов помедлил. Фигуры Аркадия нависали над его шахматным бастием. Еще ход — и они обрушатся на черного короля.

— Есть правило, — сказал он. — Во время расследования проверяются судовые журналы за последние три месяца. Судовой журнал «Занай» велся с грубым нарушением правил. Значит, в истинность записей, относящихся к столкновению, верить тоже нельзя.

— Шах! — сказал Аркадий и снял конем пешку. Белов положил короля.

— Записи в судовых журналах «Тиса» и «Занай» противоречат друг другу, — сказал он. — Радиолокационные станции на судах были исправны, но пока-

зания станций явно записаны в журналы позднее, после столкновения.

— Что же вы думаете делать?

Белов промолчал.

Я отказался от партии и, лежа на койке, стал читать тоненькую брошюру, изданную во Владивостоке краеведческим музеем и посвященную наименованиям бухт и заливов Приморья.

История маленькой бухты, мимо которой предстояло пройти следующей ночью «Бире», поразила меня. Это была история бухты Грасевича, бухты, названной по имени рядового геодезиста, производившего в начале нынешнего века работы по уточнению карт Приморья.

Случай с ним принадлежит к числу тех странных проявлений человеческого духа, когда сознание невыполненного долга отнимает у человека все.

История бухты Грасевича

Приморье на рубеже века было все еще в значительной мере терра-инкогнито, земель, у которой положенной на карты оставалась лишь узкая прибрежная полоса, просматриваемая с моря. Съёмки производили маленькие группы геодезистов, месяцами работавшие в полном забвении со стороны начальства и неведении относительно своей дальнейшей судьбы.

Грасевич с группой товарищей работал на восточном склоне Сихоте-Алиня, севернее Тернея и Тетухе.

Однажды он вышел из лагеря и не вернулся. Он заблудился в горах. Все попытки товарищей отыскать Грасевича не дали результата. Группа вернулась во Владивосток, и о смерти геодезиста был представлен по команде рапорт.

Прошло несколько лет. Владивостока достигли слухи о белом человеке, который якобы живет на побережье среди местных жителей — орочей. Сначала на них не обратили внимания. Но слухи, видоизменяясь, приходили из тайги вновь и вновь. Возникла слабая надежда, что таинственный незнакомец и есть Грасевич. На поиски его был послан корабль. Отправляя его, губернатор приказал командиру заходить во все бухточки севернее Тернея. Корабль отправился в плавание. Командир его был педантом. Он обследовал побережье, не пропуская ни одной самой маленькой бухты. Далеко на север от того места, где исчез геодезист, в маленькой бухте на берегу Татарского пролива матросы, сошедшие с корабля, обнаружили стойбище орочей, а в нем обросшего и грязного, одетого в меха и кожи Грасевича. Зablудившийся в горах, умирающий от голода и одиночества, он был подобран орочами, приведен в стойбище и стал жить с ними, деля все превратности многотрудной и простой их жизни.

К удивлению офицеров, Грасевич возвратиться во Владивосток отказался.

Объяснения его по этому поводу показались командиру неубедительными. Что общего у цивилизованного человека с дикарями? Человека, находящегося на казенной службе, должно было забрать силой и доставить, как приказано, во Владивосток. Грасевича посадили в шлюпку и увезли.

Однако во Владивостоке дело приняло неожиданный оборот. Станный, одичавший, по мнению окружающих, человек каждую минуту думал о возвращении к орочам. Он считал, что, только живя с ними, уча и врачуя, он может хотя бы в малой степени отплатить им за спасение жизни. Уйдя со службы и получив немного денег, Грасевич нанял на свои

средства рыболовецкую шхуну и на ней ушел на север.

Томительными показались ему дни обратного плавания. Вот наконец и знакомый берег, крутой мыс, устье маленькой речушки... Серые конусы сложенных из ободранных жердей жилищ... Но почему над ними нет дымков?

Шхуна пристаёт к берегу. Грассевич спешит к стойбищу. Тишина. Ни один человек не вышел ему навстречу. Ни одна собака не пролаяла в ответ на его призывный голос. Не сразу понял бывший геодезист, что за страшная трагедия разыгралась на этом месте. Племя, а оно никогда ранее не соприкасалось с другими людьми, вымерло от болезни, занесенной матросами корабля, который приходил за Грассевичем.

Этого удара геодезист не выдержал. Он заболел тихим помешательством. Его увезли обратно во Владивосток и там поместили в лечебницу.

Здесь и провел остаток своих дней Грассевич...

Утром мы вошли в пролив Лаперуза. По правому берегу медленно проплыл Камень опасности. Над плоской невысокой его вершиной столбиком возвышался сигнальный огонь.

В Корсакове ошвартовались после полудня. Отсюда наш путь с Аркадием лежал на север в маленький порт в глубине залива Терпения — Поронайск, откуда, по сведениям Аркадия, ходил катер на Тюлений.

— А я послезавтра буду на Шикотане, — сказал Белов. — Видно, задержусь: придется вызывать свидетелей, а они на лове...

— Может, еще увидимся?

— Не знаю.

Потом он стоял на причале около трапа, опущенного с борта «Биры» на берег и, по-птичьи наклонив голову, смотрел нам вслед.

Мы уходили. Угольная пыль, толстым слоем покрывавшая землю, похрустывала у нас под ногами. Сгибаясь под тяжестью чемоданов и рюкзаков, мы брели по направлению к столбу с жестяной эмблемой такси.

Из дымного, запорошенного угольной пылью Корсакова машина умчала нас в Южно-Сахалинск. Оттуда в тот же день мы отправились железной дорогой на север.

В привокзальном ларьке Аркадий купил карту острова. В заливе Терпения, словно серьга под мочкой уха, висел островок Тюлений. В самом низу карты виднелись Курилы.

Поезд шел, мотая по узкой колее вагоны. Желтый палец Аркадия прыгал на карте. Стемнело. Редкие станционные огни проносились за окном.

Мы приехали в Поронайск, попутной машиной добрались до рыбокомбината, и там Аркадий узнал, что катер на Тюлений пойдет на следующий день утром.

Ночь мы провели в помещении клуба рыбаков, и еще затемно вышли на Тюлений.

Запахнув на груди брезентовые пахнущие рыбой плащи, мы сидели на корме катера на перевернутых ящиках и смотрели рассвет. Ветра не было. Черный хвост выхлопных газов тянулся за нами. Маленькое суденышко шло, по-утиному клюя носом. Тонкие морщинки волн, как усы, тянулись по бортам.

Берег тонул в серых дымчатых тенях. Светлая полоса восхода дрожала на горизонте. Край моря светлел, вода приобретала пепельный цвет.

Затем у горизонта поднялась желтая полоса и край неба наполнился зеленью. Сплющенное, раздутое в боках, солнце стремительно вышло из-за горизонта. Огненные мазки упали на воду, на перистые облака, неподвижно застывшие над нашими головами. Вода налилась синью, берег из лилового стал коричневым и зеленым...

После нескольких часов плавания из воды поднялся низкий вытянутый остров, похожий на отдышающего на воде кита. Различались заборы,

которыми наискосок перегорожен остров, и редкие сторожевые вышки, поставленные для наблюдения за котиками.

— Тюлений! — сказал я.

У маленького причала покачивалось несколько моторных лодок.

Высадив нас, катер ушел. Сотрудники заповедника встретили нас и повели в большой рубленый дом, приютившийся у подножия горбатой, обточенной ветрами и водою скалы.

Я поднялся на взгорок.

Низкий непрерывный рев двигался мне навстречу. Я подошел к забору и заглянул в пробитое в доске окошечко. Между скалами и водой, на нешироком лежбище, шевелилась тысячеголовая живая масса. Черные и серые тела волновались, двигались, устремлялись к волнам, неторопливо возвращались назад.

Постепенно мне открылся стройный порядок этого беспокойного царства. Это было не просто скопление зверей: дальше всего от воды располагались молодые котики, с ними лежали звери побольше — матери, самые большие — самцы-секачи теснились ближе к воде.

Многоголосое игрище бушевало у моих ног. Возились, схватываясь друг с другом, малыши — черненькие. Матери их разнимали, покусывая спины и лапы. Огромные тупорылые секачи медленно волочили между рядами зверей лоснящиеся тела.

Скоро я стал различать и голоса. Черненькие кричали тонко и жалобно, как ягнята, ласково похрюкивали матки, ревели самцы.

Я спустился со скалы и уселся около причала на камне, подстелив под себя плащ.

Из дома вышел в сопровождении сотрудника заповедника Аркадий. Мы сидели на пахнущих сыро-

стью камнях и старались перекричать рев и бление звериной орды.

— Все ясно: управляюсь дня в два, — кричал Аркадий. — Вернется катер и уйдем. Тут здорово!

Я кивнул.

— Живу третье лето и не могу привыкнуть! — сказал, напрягая голос, сотрудник. — Ведь тут кроме котиков чудес много...

И он рассказал об удивительной силе, которая раз в год объединяет пернатых жителей острова.

На Тюленьем две области обитания: внизу, у воды, живут котики; сверху, на невысоких скалах, — колония птиц. Здесь тоже гомон, резкий запах помета. Тут выхаживают вечно голодных и требовательных птенцов кайры. Один полет за другим совершают они в море, чтобы вернуться с серебристой рыбешкой в клюве. Но когда птенцы подрастут и встанут на ноги, наступает великий день. Оживление охватывает и без того шумный базар, тысячные толпы птиц совершают неосмысленные на первый взгляд перестроения. Они сбиваются в стаи, расходятся и сходятся снова. Постепенно вся эта черно-белая волнующаяся масса начинает сдвигаться в сторону моря. Наконец происходит что-то, какой-то сигнал, какое-то всеобщее по наитию решение, случайный шаг первой птицы, — вся движущаяся масса упорядочивается. Самцы выдвигаются вперед, к ним присоединяются матери. Взрослые птицы спускаются со скал и выстраиваются от скал до моря, образуя узкие коридоры. Они прокладывают их среди котиковых гаремов, в свободных от зверей местах. И происходит чудо: никогда не видевшие воды, но уже достаточно большие, с родителей, птенцы ручейками устремляются со скал к морю. Они идут по коридорам, под присмотром и защитой взрослых и, достигнув воды,

бросаются в нее, а котики — огромные секачи и торопливые самки, — удерживая щенков, позволяют птицам безопасно достичь моря...

— Мне несколько раз приходилось наблюдать эту картину. Переселение народов, нашествие лемингов, движение армий муравьев, — закончил сотрудник, — только их можно сравнить с ней...

Мы прожили на острове два дня, Аркадий обмерил и облазил все пляжи, зарисовал и сфотографировал их.

А через неделю мы стояли на палубе «Крильона» — небольшого грузо-пассажирского судна и смотрели, как расширяется между его бортом и бетонной стенкой причала маслянистая полоса воды. Мы пощались с Сахалином.

Синий берег плыл за кормой. Мы спрятались от холодного, пронизывающего ветра за корабельную шлюпку. По левому борту приближался мыс Анива. Охотское море гнало на пароход длинные злые волны. Белая пена, взметнувшись у борта, обрушилась на нас. Мы ушли с палубы и, лежа в деревянных корбчатых койках, стали размышлять, каждый о своем.

— Ты знаешь, — сказал Аркадий, — последнее время я все чаще думаю о «Минине». Мы найдем его. Представь себе остров, около него на морском дне лежит корабль. На его палубу опускаются водолазы. Они медленно плывут по коридорам и открывают двери кают. Одна... Вторая... Третья. И, наконец, в последней на полу — пенал. Вот увидишь — будет именно так!..

Томительное непрекращающееся движение койки вверх-вниз отвращало от беседы. Перевернувшись несколько раз с боку на бок, я уснул тяжелым, не расчлененным на эпизоды сном.

Вместо обещанных расписанием суток с четвертью мы шли два дня и две ночи. Встречный ветер и пятибалльная волна уменьшили скорость «Крильона» до трех узлов. Пароход шел настолько медленно, что шипящая вода, возникнув у его носа, успевала погаснуть, не пройдя расстояние до первой мачты.

«Крильон» был переоборудован из сухогруза. Аккуратно выкрашенные белой краской огромные каюты не могли скрыть свое прошлое. Признаки трюмов обступали нас со всех сторон. На потолке ряды заклепок выдавали места, где раньше крепились подъемные механизмы, коробчатые койки стояли, как стеллажи.

Нам досаждал буфет. Мы не купили ничего на берегу и были отданы волей случая на милость двух немолодых девушек, изредка открывавших дверь с обманчивой табличкой «обед и ужин».

Девушки укачались. Вместо вожделенных супов и котлет в буфете продавали сырые яйца.

Мы привыкли к ним только у берегов Итурупа. Мы пили сырые яйца, собирая соль, как подаяние,

у пассажиров, и бегали на палубу смотреть, как проплывают мимо берега.

Вдоль охотского, зеленого и туманного, берега мы вышли к проливу Екатерины. Ночью огромный вулкан надвинулся на теплоход. Он навис над палубой, как наваждение. Стекланные звезды обрамляли его вершину. Вершина была двуглавой. Даже в черной синеве ночи угадывалась первая, плоская как стол, над которой торчал еще один конус.

— Тятя! — назвал Аркадий вулкан, сверившись с книгой. — На рассвете придем в Южно-Курильск.

Кунашир встретил нас солнечной погодой. Над яркой, омытой дождем зеленью синело сверкающее небо. С бурых скал свисали белые ниточки водопадов. Одинокий клочок тумана дрожал, зацепившись за косматый склон сопки.

Южно-Курильск оказался маленьким городком на берегу неглубокой бухты.

Мы сошли на причал, расспросили дорогу и по шаткому, в три доски, тротуару добрались до главной улицы.

Она была посыпана мелким шлаком. Невысокие деревья, кусты за низенькими заборчиками, высоко поднятые деревянные тротуары, одноэтажные домики... Он был чистым и даже щеголеватым, этот маленький поселок, приютившийся у подножия плоской каменистой возвышенности, выступающей в море, и ограждающей с востока бухту.

Найти музей в таком городке было несложно.

По внешнему виду он ничем не отличался от окружающих домов — дощатое одноэтажное здание, судя по керамическим составным трубам, построенное еще при японцах. Аркадий поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открыла невысокая полная женщина.

— Василия Степановича нет, — сказала она. — Вышел.

— Скоро придет?

— Может, и скоро.

Она держала в руке тряпку. Решив, что перед нами уборщица, Аркадий сказал:

— Дорогая, мы приехали к нему. Подождем его в музее, а?

— Ждите.

— Простите, — сказал Аркадий. — Можно войти?

— Бумаги у вас есть?

— Бумаг у нас больше чем нужно.

— Я супруга Василия Степановича, — строго сказала женщина и приняла из рук Аркадия командировочное удостоверение.

Затем она провела нас в маленькую комнатку с письменным столом, плоским стеклянным шкафом и тонконогим креслом — кабинет директора, но одних не оставила, а принялась тут же протирать тряпкой окно, охотно отвечая на вопросы.

— Вы давно на острове? — спросил я ее.

— С сорок седьмого.

И мы услышали удивительную историю о том, как она попала на остров. Рассказ заслуживает того, чтобы быть переданным со всеми особенностями присутствующей женщине манеры говорить и мыслить.

*История супруги директора музея,
рассказанная самой женщиной*

Ехала я сюда с мужем, он — по вербовке. Морем мы шли. А брали, вишь, у кого все бумаги. А я их выправить не успела, вербовку-то. Никто и слышать обо мне не хотел. Ночью провел он меня на пароход, а утром дежурный заметил. Вывели меня,

весь день до вечера на причале просидела. Сижу, на пароход смотрю, дышать нечем — плачу: «Вот-вот, думаю, отойдет!» Ничегошеньки не ела. К вечеру пароход загрузили, сходни убрали, только сено для лошадей осталось. Грузят его: свалят в сетку, скомандуют и — пошла! Стрелой сетку поднимут — и в трюм. Вижу, идет мимо меня старичок, морской человек, в фуражке. «Ты чего, дура, — говорит, — ре-вешь?» — «Мил человек, — отвечаю, — скоро отойдет?». А старичок был вроде главного, все, кто грузил, его слушались.

«Сейчас, — говорит. — Вишь, сходни убрали. Никого на корабль, никого с корабля. Теперь, говорит, и хочешь на него, не попадешь».

Я в рев — опять вся в слезах сижу.

«Ты чего?» — опять спрашивает. Я ему — так и так, рассказала — жена, мол, хоть и невенчанная. Не берут!

И опять в слезы.

«Ну, ладно, — говорит старичок, — посиди, я сейчас придумаю. — Подошел к работягам, потолковал с ними, рукой машет, зовет. — Вещей много? — спрашивает. — Собирай скорее».

А какие вещи? Кошелки две да узел-постель. Повел он меня к сему. Как сетку опустили, сена пакеты положили. «Лезь, говорит, сверху. Лезь — не бойся».

Прикрикнул он на меня, я и полезла. Как поднимали, выше домов, под самое небо, как над водой несли — не помню. Открыла глаза, внизу люди на пароходе хохочут. Опустили меня на палубу, вынули из сетки, гляжу — рядом одни кошелки.

«Узел-то твой — тью-тью, — говорят, — в воду упал».

Стою, разинув рот, а прямо на меня Вася идет. Подбежал, за руки схватил и в трюм тащит. Спрятал

меня, считай, на самое дно. Говорят, меня долго искали: видел кто-то, как я из сетки вылезала. Да не нашли, а пароход через час в море вышел. Вывел меня Вася, а назад пароход не повернешь. Всю дорогу, пока шли, Васю ругали кому не лень. Начальников-то много. Но зато вместе приехали. Сначала судомойкой в столовой работала, потом в магазин пристроили: все по торговой части. Мой институт кончил, а все равно здесь остались. Так и живем...

Хлопнула входная дверь.

— Вот и он.

В кабинет вошел пожилой мужчина.

— Вот вы какой! — сказал он Аркадию. — А это ваш товарищ?

— Да.

— Ну что ж, выкладывайте новости — жду.

Я понял, что предприятие с «Мининым» директору по душе.

Аркадий рассказал о том, что удалось нам узнать за последние месяцы.

— Изменный? — удивленно протянул Василий Степанович. — Так это рядом! У меня там бригадир знакомый. И добираться несложно.

Обсудив, что и как, они решили, что, закончив работу в музее, Аркадий отправится со мной на Изменный. Если обломки «Минина» и «Аяна» там, Василий Степанович вызывает с Сахалина водолазов.

— А теперь я покажу вам музей, — сказал директор. — Народу раз-два и обчелся — я, два научных сотрудника и уборщица. Посетителей мало. Обещают ввести вторую туристскую линию Владивосток — Курилы. Вот тогда хлопот прибавится!

— Рановато музей открыли? — сказал Аркадий.

— Ничего. Место нужное. Пошли, что ли?

Музей размещался в двух комнатах. В одной висели на стенах карты, на полках стояли вырезанные из камня и кости фигурки, лежало айнское рукоделие, вещи, завезенные зверопромышленниками с Камчатки. Тут же в углах грудились сухие брикеты анфельции — водоросли, добываемой на юге Кунашира, лежали образцы пемзы. Директор показал доску из обшивки русского коча, найденную при строительстве. Рядом стояло ружье. Ствол его был покрыт зеленью.

— Подарок Краевого музея, из Хабаровска. Подлинное, восемнадцатый век.

Вторая комната была заставлена чучелами птиц, на полках лежали засушенные звезды, ежи и крабы. Несколько плохо сделанных муляжей изображали рыб — горбушу, сайру.

— И это всё? — удивился Аркадий.

— Не сразу, — спокойно ответил директор. — Дайте встать на ноги. Потом я покажу запасник, там у меня скелеты...

Отправив меня искать место в гостинице, Аркадий с директором остались составлять списки необходимых музею животных.

В маленькой гостинице мест не оказалось. Я вернулся. Решено было разместить нас в кабинете Василия Степановича.

*в которой с помощью вертолета мы
достигаем острова Изменного*

Аркадий закончил работу в музее, и Василий Степанович первым же рейсом отправил нас на Изменный.

Аэродром. Мы влезли по узенькому трапу в машину. Загремел мотор. Кабина наполнилась щелканьем и дребезжанием. Затем звук двигателя перешел в грохот, пол качнулся, за окном качнулась и начала валиться набок земля. Летное поле превратилось в узкую коричневую полосу. Вертолет несло в сторону синего искрящегося моря.

Мы с Аркадием сидели на лавке и, подавленные шумом, молчали.

Не успел отойти Кунашир, как на синей поверхности океана возник небольшой зеленый остров. Он был подобен опухольи — края приподняты, середина вдавлена. Туман испарений курился над ним.

Остров стремительно приблизился, остановился, и стало видно, что это вершина затонувшего вулкана. В кратере светилось голубое озеро. Ручей, синей лентой вытекавший из него, резал край горы и с отвесной стены падал дымной полосой в море. Белая пена водопада казалась неподвижной.

— Вот он какой — Изменный! — пробормотал Аркадий. Я понял его по движению губ.

Мотор невыносимо ревел. Пилот открыл дверь и, обращаясь к нам, крикнул:

— Собирайтесь!

Машина пошла вниз.

Земля стала медленно подниматься. Отчаянно, из последних оборотов, взревел двигатель. Ноги ощутили удар, мотор чихнул и остановился. Тишина, как обвал, придавила нас.

В кабину вошел пилот и открыл дверь.

К вертолету сбегались люди в ватных куртках. «Добрались!» — с удивлением подумал я.

Сопровождаемые кучкой рыбаков, мы вошли в поселок.

— Их надо к бригадиру! — сказал кто-то.

Нас провели в маленький барак.

В низкой и тесной комнатке сидел за столом худой чернобородый человек. Он сидел, согнувшись в три погибели над громадным, разграфленным на мелкие клеточки листом, и с ожесточением вписывал в них тупым карандашом неуклюжие большие цифры.

— Совсем задурили голову, — сказал чернобородый, поднимая от листа невидящие глаза. — Кому это, скажи пожалуйста, нужно? Вот сижу. Нет чтоб в море ходить.

Мы с Аркадием вежливо слушали.

— Без статистики нельзя, — сказал я, поняв наконец, о чем идет речь. — Это у вас данные по улову?

Чернобородый кивнул.

— Матевосян, — сказал он. — Моя фамилия Матевосян. Жить у нас будете? Туристы?

Мы объяснили, кто такие и что будем делать на острове.

— У нас свободно. Живи где хочешь, — сказал усталый Матевосян. — Раньше народу было много — комбинат хотели строить. Не стали — народ разъехался. Теперь от Кунашира работаем.

Аркадий вежливо наклонил голову.

— Вот наши документы, — сказал он.

Матевосян читать их не стал.

— По радио про вас сообщили. С пограничниками вы как?

— Вот разрешение.

— Со мной беседовать хотите?

— Да.

— Но терпит?

— Терпит.

— Если можно, день-два. Совсем пропадаю. Тьфу! — Он плюнул и сказал, обращаясь к рыбаку, который привел нас: — Григорьев, покажи им пустые дома. Пусть выберут. Если стекол нет — фанеркой забей. Дров пускай принесут...

Дом, к которому привел нас Григорьев, был собран из щитов, привезенных с материка.

— Вербованный один ставил. Семья не приехала, — объяснил наш провожатый. — Он за нею во Владивосток махнул, там и остался.

В доме были две комнатки и кухня. По углам зияли черные пятна плесени. В щелях гулял ветер.

— Считаю, два года пустой стоит, — задумчиво сказал рыбак. — Может, вас к себе пустить? У меня посуше. Одну комнату мы с женой освободим.

— К нам, наверное, еще народ приедет, — сказал Аркадий. — И вещей тогда будет много. Так что мы тут. Тепло ведь сейчас.

— Бывает тепло, — согласился рыбак.

Не говоря больше ни слова, он ушел. Мы остались одни в пустом доме с чемоданами и рюкзаком.

— Знаешь что, — сказал Аркадий, — не терпится посмотреть. Пошли?

— Айда!

Мы вышли из поселка и витой, неровной тропинкой стали подниматься в гору. В густом, насыщенном запахами прели и сырости лесу было тихо. Голубые кисточки — листья бамбука шелестели у наших колен. Тонкие лианы свисали с деревьев.

После утомительного подъема мы достигли наконец вершины горы.

Под нами, зеленый и покатый, поднимался из моря остров. Он поднимался, круто взметая вверх отвесные, коричневые скалы.

— Фу, какая красотища! — сказал, отдуваясь, Аркадий.

Срединная часть кратера поросла березой и елью. По берегам озера серебрился камыш.

То, что показалось нам сверху, из вертолета, ручейком, было на самом деле рекой. Прорыв в кольцевой горе ход, река неслась к океану.

Мы углубились в лес. Огромные растения, похожие на зонтики, соединились над нами в сплошную просвечивающую на солнце крышу. Мы неуверенно двинулись под ней вперед.

— Черт, — сказал Аркадий, — а ведь это всего-навсего трава. Лопух.

Носок его ботинка задел растение. Ствол толщиной с человеческую руку брызнул бледно-зеленой жидкостью, хрустнул и упал.

Мы шли наугад, сверяя свое движение с шумом моря, опускаясь с каждым шагом все ниже и ниже, до тех пор пока зеленая крыша над головой не раздвинулась и мы не вышли на узкую извилистую прогалину, посредине которой бежал тонкий ручей.

— Идем по нему, — сказал Аркадий.

Он тронул каблуком вязкий берег. Кусок земли оборвался и упал в воду. Оранжевое облачко мути, вытягиваясь и удлиняясь, потянулось вниз по течению.

Мы побрели следом, с трудом вытаскивая башмаки из вязкой глины и следя, как движутся мимо нас зеленые дебри.

Течение ручья ускорялось. Вода начала звучать, на камнях появились хохолки — склон становился все круче. Наконец лес раздался. Сквозь редкие стволы деревьев ударило синевой море. Мы выбежали на берег.

— Знаешь, как называется кратер потухшего вулкана? — спросил Аркадий. — Кальдера. Весь остров — кальдера. Мы были на вершине кальдеры.

Двигаясь по урезу воды, оставляя кальдеру слева, мы двинулись вперед.

От соприкосновения с грубым базальтом подошвы наших ботинок быстро покрылись рубцами. Мы шли, перепрыгивая с камня на камень, тщетно высматривая среди камней какой-нибудь предмет, который мог принадлежать потерпевшему аварию кораблю.

Изредка нам попадались пробковые и стеклянные буйки. В одном месте мы наткнулись на обломки бочки.

— Сергей, иди-ка сюда! — крикнул Аркадий.

Я подошел. В углублении между двумя базальтовыми глыбами лежали остатки шлюпки.

Мы наклонились над остатками суденышка, которому люди когда-то опрометчиво доверили жизни.

— Лодка!

— Давай перевернем ее.

Наши усилия оказались бесполезными. Море старательно вбило деревянные части лодки между камнями.

— Знаешь что, — сказал я, потирая покрасневшие руки и выкусывая из них занозы, — на каждом острове есть разбитые шлюпки. Надо привести сюда рыбаков — может, они знают, откуда эта. Ты лучше скажи, почему на ней следы смолы? Ведь корабельные шлюпки не смолят, а красят.

— Значит эта — рыбачья.

Мы вернулись в наш распахнутый всем ветрам домик. На полу лежала охапка дров и завернутая в газету керосиновая лампа.

Усталые и разбитые, мы стали устраиваться на ночлег.

Прежде чем заснуть, я вышел на улицу. Темнота сгустилась. Слабый свет играл на уставшем за день океане. В окнах домов слабо и неровно светились оранжевые огоньки...

Утром нас кто-то разбудил. По комнате ходил человек. Он гремел сапогами, переставлял вещи, дергал ставни и двери.

Это был бригадир.

— Проснулись? — спросил он. — У нас в ботинках нельзя. Могу дать резиновые сапоги.

Он уселся на чемодан.

— Так какие у вас дела? Расскажите еще раз. Только мне скоро в море!

Мы повторили историю «Минина».

Бригадира наш рассказ не удивил. Видно, беспокойное племя туристов и ученых уже до нас побывало на острове.

— Скажите, а про затонувший пароход вы сами ничего не слыхали? — стал допытываться Аркадий. — Может, в памяти людей что-нибудь осталось, а?

Матевосян высоко поднял плечи: вопрос не имел смысла.

— Ах да, ведь тут все приезжие, — сказал Аркадий. — Но может быть, вы ходили — обломки видели?

— Обломки есть, — сказал бригадир. — Чего-чего, а этого добра хватает. Бывает, тралом зацепишь, поднимешь — кусок железа. Потом назад в воду бросишь. Раньше мы с донным тралом ходили, гребешка искали, так тот часто цеплял.

— Морского гребешка искали?

— Да. Добычу хотели организовать. Нашли мало-мало. У нас план только по морским ежам и мидии. Трепангов еще берем. Кальмара ловим. Чуть-чуть рыбы. У нас профиль — чувствуете? — морепродукты. Нерыбные, как говорят... А вам на острове сидеть расчета нет. Идите в море, с рыбаками. Смотреть надо, водолазов спрашивать. Самим опуститься. Разрешение есть?

— У него. Хорошо бы начать с Двух Братьев.

— А пароход там?

— В лоции написано — где-то там.

— Ну и идите. Трепанг там есть. Завтра с Григорьевым. Я тоже пойду.

*где меня облачают в водолазный костюм
и я опускаюсь на дно*

На следующий день маленький водолазный бот, переделанный из японского кавасаки, деревянный, с высокой надстройкой на носу и рулевым колесом на корме, тарахтя и раскачиваясь, вынес нас из бухты.

Белая маслянистая вода гудела за кормой.

К полудню пришли к Двум Братьям, к двуглавой скале, которая одиноко возвышалась посреди океана. Здесь Григорьев поставил бот на якорь.

Покачивало. Мы стояли, прикрытые скалой от зыби.

Стали одевать Григорьева. Он натянул на себя толстое, в два пальца, вязаное белье, напялил сверху оранжевые резиновые штаны, надел стальное кольцо-пояс, резиновую рубашу с капюшоном и маской, накатал подол рубахи на кольцо, затянул пружиной.

Запустили помпу.

— Давай! — сказал Матевосян.

Григорьев, тяжело ступая медными башмаками, пошел к трапу. Ему подали веревочный мешок с петлей — питомзу и острый багорок с ручкой. Он отвалился от борта.

В том месте, где исчез водолаз, всплыло облако пузырей.

Я сидел, прижав к уху телефонную трубку, и слушал, как он хрипит, откашливается, как шумит, вырываясь из автомата дыхания, воздух.

Григорьев работал молча. Только один раз я услышал:

— Подтяни!

Я повторил. Матевосян подошел и подобрал свободные метры шланга. Теперь пузыри всплывали у самого борта.

— Дай питомцу! — слышалось в трубке.

Матевосян поднял с палубы второй мешок, зацепил его защелкой-карабином, опустил под воду. Когда веревка дернулась, стал неторопливо с усилием ее выбирать.

Из воды показался раздутый, полный черной слизистой массы, мешок. Вдвоем с матросом Матевосян перевалил его через борт. На палубу хлынул поток шевелящихся шишковатых червей. Их свалили в ящик. Трепанги были похожи на мокрые резиновые игрушки. Матрос взял нож, сел, опустил в ящик ноги, не торопясь начал вспаривать трепангам животы.

Очищенных червей бросали в бочку с водой.

Лов начался.

Дважды сменились водолазы. Подул было и стих ветер.

Когда все четыре бочки были заполнены до краев, Матевосян сказал мне, не глядя:

— Пойдете, что ли?

— Пойду.

На меня надели костюм, я взял в рот загубник и судорожно вдохнул сухой тепловатый воздух. Кто-то толкнул меня в плечо: «Можно идти!»

Я вспомнил свои последние погружения на флоте, замахал руками и открыл окошечко маски:

— Только осторожно, у меня неважные уши.

— Тут всего метров десять, — сказал Матевосян.

Отпустив борт, я повис в зеленоватой, наполненной солнечными пылинками воде и, задрав голову, стал рассматривать темный силуэт катера. Он покачивался, как дирижабль, поблескивал винт, подрагивала, свисая с борта, узкая металлическая лесенка.

Когда боль в ушах немного утихла, я попросил опустить меня ниже и очутился на дне. Передо мной лежала едва всхолмленным полем мелкая серая галька, туманилась сумеречная зеленоватая даль. Нигде ни куска железа...

С трудом отталкиваясь ногами, я сделал шаг, второй.

— Куда влево забрал? — раздался в наушниках жесткий дребезжащий голос.

Я повернул вправо. Из зеленоватой полутьмы выплыл светящийся, голубой от падающего на него света канат. Он спускался откуда-то сверху и бесильно падал на галечное дно. И тут я увидел оранжевый от легкой ржавчины якорь. Одна его лапа ушла в гальку, вторая торчит вверх... У меня дрогнуло сердце. Впрочем, что я? Ведь это якорь нашего катера!

Я обошел вокруг него.

— Ну вот, — сказал дребезжащий голос. — Теперь запутал шланг. Как тебя поднимать? Стой!

Я остановился.

— В обратную, в обратную иди. От якоря отлепись, — посоветовали мне.

Якорный канат и мой воздушный шланг шли вместе вверх и перекрещивались.

— Опять путаешь! — сказал телефон. — Стой уж... Или с якорем тебя вытянем?

— Не надо с якорем, — пробормотал я.

— Тогда жди!

Я стоял около якоря, дыша с натугой, — мне уже казалось, что канат и шланг перехлестнулись, что мне не хватает воздуха. Шумела, равномерно подавая воздух, помпа. Томительно тянулись минуты.

Наконец надо мной появилось темное пятно. Оно увеличивалось. Стали видны ноги, зеленая рубашка, блеснул шлем.

Водолаз сел на дно, как парашютист, повернулся, подошел ко мне и приблизил лицо. Через два стекла на меня смотрели глаза Матевосяна.

— Он передает, чтобы вы не шевелились! — произнес голос в наушниках.

Матевосян сделал рукой жест — все будет в порядке! — осторожно взял в руки мой шланг, затем медленно, толчками стал подниматься. Его подтаскивали, а он, перебирая руками, отделял шланг от каната.

Потом водолаз уменьшился, превратился в неясное пятно и исчез.

— Все в порядке. Поднимаем! — передали сверху.

Покачиваясь и болтая ногами, я начал отдаляться от грунта...

— Ну как? — спросил Аркадий, когда я откинул окошечко маски.

— Пока ничего. А ты хотел бы так наугад, сразу!

Катер дал ход и повернул к Изменному. Позади нас медленно отступала в океан двуглавая скала.

— Спрашивал я рыбаков. Говорят — точно, погиб пароход, — сказал Матевосян. — Только давно, никто

ничего не знает. Редко сюда ходим — дно плохое, мелко и камни.

— А что, если нам залезть на скалу и оттуда осмотреть океан?

— Верно, Сергей.

— Нужен бинокль.

Матевосян кивнул:

— Можно и так. Рыбаки вас забросят. Они уйдут на лов, а вы смотрите. Потом снимут. Так, что ли?

— Так.

Мне не очень понравилось, что катер, оставив нас на острове, уйдет.

*про то, как мы очутились в положении
робинзонов*

На рассвете следующего дня мы приближались к Двум Братьям. Катер покачивало. Мотор работал вполсилы.

— Буду подходить, — сказал Григорьев. — А вы сразу прыгайте. Ветер в корму, развернуть может.

Мы с Аркадием перебрались на нос. На груди Аркадия болтался бинокль.

Наскочив на камни, катер задрал нос и остановился.

Мы с Аркадием прыгнули. Моя нога соскользнула с валуна, холодная вода хлынула в сапог.

Сзади затарахтел мотор. Я обернулся. Катер уже сползал в воду. Натужно звенел винт. Белый бурун метался между камнями.

— Пошел!

Нос катера с плеском опустился в воду, мотор заработал увереннее и тише, катер задним ходом отошел от острова.

Мы выбрались на галечный берег.

Остров представлял собой двуглавую скалу с белой галечной осыпкой. Между мелкими серыми кам-

нями кое-где росли тонкие и жесткие ветки неизвестного мне кустарника.

Мы шли вокруг скалы, то утопая по щиколотку в гальке, то скользя подошвами по мокрым, покрытым тонкой зеленой пленкой камням.

Лиловатые скелетики морских ежей, пустые и круглые, как детские черепа, лежали на берегу. Обломки раковин трещали под каблуком.

— Мда, — сказал Аркадий, задрав голову и рассматривая отвесные бока скал. — Надо было взять веревку.

Придерживая одной рукой на груди бинокль, Аркадий полез на скалу. Лезть было неудобно. Он остановился метрах в пяти надо мной, распластавшись на камне, как ящерица.

— Ну что?

Аркадий прокричал что-то непонятное.

— Подожди, я сейчас!

Осторожно ставя ноги в выбоины, я дотянулся до Аркадия и тронул его за штанину.

Стараясь не отдаляться от скалы, Аркадий снял с шеи бинокль и опустил его мне. Закинув бинокль за спину, я сполз. Следом спустился Аркадий.

— Мешал, — сказал он про бинокль. — Вообще я не там полез. Идем выберем удобное место.

После долгих поисков мы нашли хороший подъем. Поднялись сначала на вершину меньшей скалы, оттуда перешли на большую.

Под нами белой восьмеркой лежал галечный пляж. Тонкая стена — перемычка, по которой мы шли, соединяла скалы.

— А теперь давай внимательно смотреть...

Я взял у Аркадия бинокль. По ровной поверхности моря ветер гнал редкие морщины волн. Синее пятно Изменного дрожало на горизонте. Среди темно-синих

движущихся полос кое-где вспыхивали буруны. Там были камни. Среди них могли скрываться обломки парохода.

— Ничего не вижу, — сказал Аркадий. — Одна вода!

— Нужно взять шлюпку и обойти все мели.

Аркадий вытащил из-за пазухи блокнот и шариковую ручку. Отметив на листке север и начертив в центре маленькую восьмерку, он стал рисовать приметные буруны.

— Если присмотреться, — сказал я, — то видны и камни. Они то обнажаются, то затапливаются. Надо просто внимательно наблюдать. Но их слишком много. Тут надо искать целый месяц.

— Пароход может быть только на окраине мели, — сказал Аркадий. — В середину его занести не могло.

— Какая у него была осадка?

— Метров пять, не меньше.

— Значит, он лежит с краю. Со стороны океана. Где-то вон там.

С южной стороны на опушке мелей буруны появлялись чаще всего.

Аркадий снова поднес к глазам бинокль:

— Ага, вижу. Камни... Еще камни...

— В лоции сказано: «В хорошую погоду видны остатки...» Значит, сейчас видеть пароход мешают волны...

Продрогнув до костей, мы спустились вниз, набрали сухих палок и разожгли под скалой костер.

— Долго они не идут, — сказал я. — Сколько прошло времени?

— Три часа. Еще рано.

Мы замолчали. Привалясь к скале и протянув к огню руки, я сидел, чуть покачиваясь, и думал об

удивительной судьбе, забросившей нас на край света, на островок, за которым водная пустыня простирается до самых тропиков.

— Пора бы им и прийти, — сказал Аркадий.

Он встал и посмотрел на море в бинокль:

— Не видно!

Пошел шестой час. Мы стояли на берегу под не приметной тенью скалы и старались не смотреть друг на друга. В той стороне, откуда должен был появиться сейнер, не было видно ни пятнышка. Измененный голубой полосой волновался на горизонте.

— А если они сегодня не придут? — спросил я.

Аркадий не ответил.

Над Хоккайдо полыхала гроза. Слабые вспышки озаряли край неба.

— Пройдет стороной, — сказал я про грозу.

Аркадий снова не ответил.

Мы стояли до тех пор, пока солнце не опустилось в лохматое кучевое облако, наполнив его изнутри багрянцем и чернью.

Настала ночь. Мы улеглись на каменистые лежа, сооруженные из гальки. Мы нагребли ее в нишу под скалой, собрали прелые водоросли и соорудили из них подобия тюфяков. Несколько больших камней защищали нас от ветра.

Стемнело. Море стало неразличимым. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, вскакивая при каждом стуке и всматриваясь в темень в надежде увидеть огни катера. Мы недоумевали и испытывали чувство душевного холода.

Мы не уснули и поднялись с первыми лучами неяркого солнца, навстречу пронзительному слабому ветру. Озябшие и окоченевшие, выбрались мы из-под скалы и принялись бегать по мокрой от росы гальке, размахивая руками.

Томительный рассвет поднимался над океаном. Он принес усиление ветра. Вдалеке над морем появилась полоска тумана. Она подкатилась к острову, прошла над ним, приподнялась и растаяла у вершины Братьев.

Мы бродили по берегу. Время от времени кто-нибудь из нас поднимался на вершину скалы и, сдерживая озноб, всматривался в серый неодушевленный горизонт.

Никаких признаков судна.

— Надо подойти к этому случаю разумно, — сказал Аркадий. — Давай перестанем метаться и начнем думать. Катер что-то задержало. Может быть, с ним что-то стряслось. Если он не успел дойти до Изменного — значит, за нами и не придут. Давай обсудим — каким способом можно выбраться отсюда? Переберем все возможные варианты.

— Первое — попытаться добраться до Изменного вплавь. Остров виден, — сказал я. — Но расстояние двенадцать миль. Столько я не проплыву.

— Я тем более. Температура воды пятнадцать градусов. Мы окоченеем.

— Остается плот. Плот — самое надежное дело. Давай осмотрим берег.

Мы обошли его. Трофеями нашими стали две сучковатых жерди, выброшенные волнами, — каждая в рост человека — и обломок доски, до белизны вымоченной в соленой воде.

— Какая тяжелая, — сказал Аркадий, поднимая доску. — Вся пропитана солью...

Жерди и доску мы приволокли к нашему убежищу.

— Жители острова Пасхи умели строить плоты из камыша, — сказал Аркадий. — Попробуем связать в пучки сухие водоросли.

— То был тростник. Особый сорт тростника, — сказал я. — А наши водоросли уже перегнили.

Мы обошли остров еще раз и, безжалостно вырвав все чахлые побеги кустарника, росшие между камнями, набрали охапку веток.

— Вот это уже получается нечто вроде фашины. Держась за такую связку по очереди, можно плыть, — сказал я.

— В крайнем случае. Ты опять забываешь про холодную воду.

— Значит, будем ждать, а поплывем в минуту отчаяния. Давай лучше еще раз подумаем: куда мог пропасть сейнер?

— Самое естественное: с ним произошла авария. Катер цел, но у него поврежден мотор и нет связи с берегом. Иначе бы пришла помощь.

— А утонуть он не мог?

— С чего бы? Погода тихая.

— Я голоден.

Новый обход островка дал нам добычу, когорую с трудом можно было назвать пищей. Мы набрали мидий и морских ежей, в камнях Аркадий поймал руками несколько креветок и рачков-отшельников.

Мы попробовали это съесть. Только креветки можно было глотать без отвращения. Кончилось тем, что меня стошнило.

— Мы недостаточно голодны, — сказал я, отмывая руки.

— Попробуем планктон?

Аркадий набрал в носовой платок воды и процедил ее. Тонкая прозрачная пленка, которая осталась на материи, тоже имела противный вкус.

— Сырость и йод, — печально сказал он.

Я от пробы отказался. Я чувствовал, как поток безраздельного раздражения поднимается во мне.

— Это все ты, — сказал я Аркадию. — По твоей прихоти мы сидим сейчас здесь и сосем мокрую тряпку. Дураков не сеют, не жнут. Жизнь ничему их не учит. Спрашивается, зачем ты потащил меня сюда? — Я говорил, глядя себе под ноги. — Не хватает, чтобы мы умерли здесь с голоду.

Аркадий сидел на корточках, закрыв глаза. Страдальческая гримаса исказила его лицо.

— Давай помолчим, — сказал он. — Помолчи, ради бога, прошу тебя. Это все пройдет. Ты взвинтил себя. Ты подавлен. Мы можем наговорить глупостей. Давай походим молча, врозь. Если нас сегодня не снимут, мы еще успеем сказать друг другу много обидного.

До полудня мы бродили в разных частях островка. Потом я устал. Вместе с голодом ко мне пришло чувство безразличия и смирения.

— Аркадий, — сказал я. — Я болван. Может, нам сидеть здесь несколько дней. Черт знает что, конечно, я сам ввязался в эту историю.

В который раз мы влезли на вершину скалы и сели там, тесно прижавшись спинами.

— В детстве, — медленно сказал я, — помнишь, мы жили под Харьковом, в Люботине, на даче? Отец ходил по вечерам ловить сеткой раков. Однажды мать принесла со станции красного вина и сварила суп с раковыми шейками и сметаной. Это французская кухня. Студенткой она была в Париже.

Я проглотил слюну.

— Мы не ели уже тридцать часов, — грустно сказал Аркадий.

Немного погодя он добавил:

— Нас могут обнаружить пограничники. Кроме того, должен начаться лов кальмаров. Придут ры-

баки с Сахалина. Они будут ловить кальмаров и сайру. Знаешь, сайру ловят на свет. Выстреливают за борт люстру и опускают кошельковый невод. Сайра собирается под люстрой, кошель снизу затягивают, и рыба в западне. Ее не ловят, а черпают. Или высасывают из кошеля рыбонасосом. Вроде этого и лов кальмаров. Говорят — очень красиво.

Черное пятнышко — соринка в глазу — мешало мне. Оно отделилось от Изменного, от голубой полосы острова, и еле заметно двигалось по моему зрачку.

— Аркадий, — сказал я, — если тебе не трудно, убери у меня из глаза соринку. Вот мой платок — он мокрый, но это ничего.

Аркадий встал и, прижимая к глазам кулак, посмотрел в него, как в подозрную трубу.

— Дурень, — сказал он. — Я вижу катер, это идут за нами!..

Через несколько часов мы сидели в тесном и дымном кубрике сейнера, пили, обжигаясь, нестерпимо горячий чай и смотрели, как волосатые руки Матевосяна режут хлеб и кладут на него огромные куски черной колбасы.

— Так получилось, — говорил Матевосян. — Одно к одному. У Григорьева мотор забарахлил. Он подошел к Гранитному, забрался в бухточку — чинить мотор. Разобрали его, а стали выходить на связь — Изменный не слышит. И никто не слышит. Как в яме. Забыли, что оттуда ни с чем не свяжешься. Хоть умри. Очень испугался Григорьев. Давайте, говорит, скорее — люди ведь там на острове. Давай шуровать, и как нарочно — одно за другим — полетела помпа. Всю ночь ковырялись. Собрали утром. Вот как получается: хочешь лучше сделать — хуже выходит. Чуть я вас не угробил... Ну, Григорьев вышел из

Гранитного — дал радиограмму. Я — готовить катер. Тут и Григорьев пришел.

— Ничего, — сказали мы, — мы ведь знали, что нас не бросят. Мы спокойно сидели. Вот только ночью холодно было...

Изменный встретил нас морозящим дождем. В тыл ушедшей за Хоккайдо грозе насосало низкой слоистой облачности. Вершина кальдеры задернулась облачной простыней.

Встречать нас высыпало все население поселка, Матевосян успел радировать, что идет с нами. Два катера с командой, прогрет моторы, готовые выйти в море на поиск, стояли у причала.

— Какой остров-то большой, — сказал я, оглядывая Изменный. — Не то что наша скала.

— А что? — сказал Аркадий. — Не зря сходили. Если остатки корабля есть, то они там на юге, где буруны. В следующий раз возьмем катер поменьше и пошарим.

У меня начиналась резь в животе от голода и от колбасы, которую щедро выложил на стол Матевосян. Я стоял, стиснув зубы и чувствуя, как рядом с желудком медленно поворачивается острый нож.

Остров Шикотан и некоторые обстоятельства еще одной аварии

К концу недели на остров неожиданно приехал Василий Степанович и привез нам письмо. Желтый конверт в руках Аркадия восторженно трещал.

— Написал! — удивленно и обрадованно говорил мой друг. — Узнал адрес и написал. Вот человек!

Письмо было от Белова.

Аккуратным почерком педанта владивостокский инспектор сообщал, что из-за обилия дел он задерживается на Шикотане, где расследование аварии идет очень медленно из-за крайней занятости свидетелей. Во второй половине письма он сообщал, что ему удалось узнать новые обстоятельства, связанные с судьбой «Минина» и «Аяна». Дело в том, что один из этих двух пароходов, находившихся с 1922 года на камнях Два Брата, был снят японцами в 1927 году и переведен на остров Шикотан. Остатки его, как утверждают рыбаки, могут быть осмотрены здесь прямо с берега при помощи небольшой шлюпки. Этим объясняется указание лоции на остатки всего одного парохода близ упомянутых выше камней Два Брата...

— Вот это номер! Все меняется. Надо срочно ехать к нему, — сказал Аркадий. — А вдруг это и есть «Минин»? Отсюда добраться до Шикотана несложно?

— С Кунашира — нет, — ответил Василий Степанович. — Легче всего. Там ходит рейсовый катер «Орлец».

— Тогда мы идем с вами.

— Катер ждет.

Изменный оседал в воду и терял обычную резкость красок до тех пор, пока над лиловой чертой воды не осталось одно голубое пятно. Мы шли на Кунашир, чтобы оттуда тотчас же двинуться на Шикотан...

Следующим утром нас уже принял на борт «Орлец».

Был штиль, неправдоподобный штиль со стеклянной водой и синими островами на горизонте. За кормой таял в белой дымке вулкан Менделеева. Двуглавый Тятя угадывался с левого борта. Справа розовые облака пятнали белесое небо.

Мы сидели на носу «Орлеца» и молчали. Боцман-кореец подошел и вылил под ноги Аркадию ведро соленой воды. Аркадий не обратил внимания. Боцман вытащил из-за рубки швабру и стал елозить ею по палубе. Серые мочалистые пряди извивались в голубых лужах, как змеи.

Шикотан возник, как слабый рисунок на стекле, плоский и длинный.

В Мало-Курильске на причале нас встретил Белов. Усевшись на ящик из-под сайры, маленький инспектор достал из портфеля лист чистой бумаги и начал рисовать остров. Он вытянул его наискосок с северо-востока на юго-запад и нанес с океанской стороны в верхнем углу аккуратную звездочку. Около

нее он написал «Мыс Край Света», пониже — там, где берег делал изгиб, поставил в воде крестиков и нарисовал упавшую мачту. У нее было несколько перекладинок.

— Так обозначают затонувшие суда, — объяснил я Аркадию. — Пароход лежит здесь.

Потом Белов вытащил из портфеля пачку погретых машинописных листков, и мы с Аркадием принялись их читать. Слабый ветер шевелил бумагу, слепые буквы прыгали перед глазами.

Вот что узнали мы из многословных, но вразумительных донесений тридцатилетней давности.

Обнаружив два парохода, затопленных во время эвакуации Приморья, японцы, у которых к тому времени широкое развитие получили легководолазные работы, решили обследовать их.

Один из пароходов оказался в хорошем состоянии. Он пробил себе днище в районе мидельшпангоута и лежал на боку. Доступ к пробоине был открыт. Японцы работали на нем около года. Они наложили на пробоину пластырь, а изнутри залили ее цементом. После этого из парохода стали откачивать воду. Работа была окончена осенью. Пароход всплыл, его потащили в Малокурильскую бухту.

Двум буксирам, которые вели судно, оставалось обогнуть мыс Край Света, как неожиданно погода испортилась. Подул резкий ветер. Буксиры пытались отвести пароход мористее, но это им не удалось. Прижимной ветер развернул пустую коробку и потащил ее на камни. Буксиры отдали якоря — якорцепи лопнули. Обрубив буксирные канаты, люди смотрели, как приближается к камням только что поднятый со дна моря корабль. Ему повезло, в последний момент течение втащило его между скалами. Там пароход заклинило. Дальнейшие обследования показали,

что попытки вторично спасти его не имеют смысла. «В отлив обломки парохода значительно выступают из воды» — так заканчивалось описание аварии.

— Ну что же, — сказал Аркадий. — Это прекрасно. Если это и верно «Минин» и он возвышается над водой, то лучшего нельзя и желать.

Белов забрал у нас смятые листки, аккуратно сложил их и, сколов скрепками, сунул обратно в портфель...

В день, который предшествовал нашей поездке на Край Света, я стал свидетелем того, как Белов ведет расследование.

Инспектор сидел в углу дощатого барака, на массивной табуретке перед таким же, рубленым из тяжелых корабельных досок, столом и терпеливо выслушивал здравенного верзилу в синей капитанской куртке, аккуратно записывая каждую его фразу.

— Восстановим еще раз последовательность ваших действий, — сказал инспектор. — Начните с момента отхода.

— Вышел я из бухты, — пробасил здоровяк. — Тут — он.

— Каким вы шли курсом?

Капитан вздохнул:

— Триста десять.

Белов взял со стола из стопки один журнал, полистав его, подтвердил:

— «Заная»... Триста десять... — и внес запись в опросный лист.

— Десятый раз спрашиваете, — сказал капитан.

— Триста десять... — протянул Белов. — Дальше?

— Тут — он.

— Кто он?

— «Тисс».

— Где вы находились в момент обнаружения?

- На мостике, где же.
- На мостике...
- Туман. Помощник доложил: «Судно!»
- Время?
- В журнале записано.

Белов опять листает журнал:

- Девять сорок три.

Капитан опять вздыхает:

- Значит, девять сорок три.

— Вот вам чистый лист. Будем восстанавливать прокладку.

Они выписывают из судового журнала доклады помощника и начинают прокладывать на бумаге пеленга и расстояния.

- Так! — соглашается наконец капитан.

- Хорошо. Теперь берем журнал «Тисса».

Они наносят на лист то, что записал второй капитан.

- Получается... — тянет Белов.

— Ерунда, — говорит капитан и багровеет. — Как же так: я его обнаружил справа, в стороне, а он меня — прямо по носу? А шли мордотык: я триста десять, он — сто тридцать два.

— Ерунда, — соглашается Белов. — Значит, или у одного из вас был неисправен радиолокатор, или — записи неверны.

- У него, у собаки, — говорит в сердцах капитан.

Белов берет со стола еще один журнал.

— Вот записи, которые вы вели с двенадцатого марта по двадцать седьмое августа. Это ваш журнал?

- Мой.

— Страница двадцать вторая. Три часа пятнадцать минут. Курс двадцать семь, скорость двенадцать узлов. Вот обсервованное место. Берите

карту... Следующий момент. Четыре часа пять минут. Еще одна обсервация. Какое расстояние между ними?

Капитан раздвигает ножки циркуля и снимает с карты пройденный путь.

— Восемнадцать миль.

— А сколько вы могли пройти за пятьдесят минут при скорости двенадцать узлов?

Капитан достает из кармана огрызок карандаша и начинает подсчитывать на уголке карты. Белов морщится и подвигает к капитанской руке остро отточенный карандаш.

— Без малого десять миль.

— Без какого малого?

— Ровно десять.

— Другое дело... Так как это могло быть?

Шея капитана из багровой становится черной.

— Сколько же вы прошли за пятьдесят минут — десять миль или восемнадцать?

Капитан молчит.

— Вот акт проверки радиолокационных станций. На обоих судах станции исправны. Вы говорите — неверны записи «Тисса». Почему я должен верить вашему журналу, а не его?.. Кстати, я проверил его журнал. Он велся правильно.

— Суд? — прямо спрашивает капитан.

Белов поднимает плечи:

— Вот этого я не знаю. Ущерб выплачен?

— Нет еще... Могу идти?

— Идите.

Капитан мнет в руках фуражку, кивает Белову и выходит, опрокинув по дороге стул.

Я выбираюсь из угла, откуда внимательно наблюдал процедуру расследования...

— Так что и верно — суд? — спросил я Белова,

после того как перед моими глазами дважды прошли капитаны. Они были очень похожи, водители «Тисса» и «Занай», но, вероятно, только внешне, так как безукоризненная точность документов, представленных «Тиссом», убеждала в аккуратности его капитана.

— Может быть, обойдется одним арбитражем.

— Но ведь дело это как будто ясное? Коли записям журнала «Занай» верить нельзя, остается принять истиной прокладку «Тисса». Тогда виновной оказывается «Заная».

— Выходит так. Да-а, если бы можно было восстановить прокладку!..

В голову мне пришла мысль.

— Михаил Никодимович, — сказал я, — в районе острова были в тот день еще суда?

— Скорее всего — да.

— На них, конечно, работали радиолокационные станции?

Белов кивнул. Я понимал, что предлагаю ему непосильный труд. Если собрать журналы всех судов, которые плавали тогда в районе столкновения, и выписать их радиолокационные наблюдения, то среди сотен безымянных отметок могут попасться и места «Занай» и «Тисса»...

А если нет? Тогда весь каторжный труд пойдет насмарку.

Больше мы ничего не сказали друг другу.

Позвонили из рыбного порта и сообщили, что машина, выделенная в распоряжение инспектора, уже вышла.

*о том, что мы увидели, попав
на Край Света*

У машины, которую нам дали, на потрепанных, облепленных сухой грязью шинах висели цепи. Кузов был высоко и настороженно поднят.

Мы погрузили надувную лодку. Взорвался мотор. Кузов угрожающе затрещал. Пыльная дорога понесла нас мимо однообразных деревянных барачков.

Мы проехали поселок, дорога кончилась. Перед нами начали прихотливо извиваться две разбитые коричневые колеи.

Впереди синел горный перевал.

— Я бы предпочел асфальт! — сказал Аркадий

Едва он успел это сказать, одно колесо взбрыкнуло на обочину, второе нырнуло вниз, — Аркадий свалился на меня.

Мы ехали по полю, усеянному камнями. Жалобно стонали рессоры, хрустел кузов.

Поле кончалось, и начиналась топь. Мотор ожесточенно завыл. Густая коричневая жижа поплыла вровень с осями. Шофер поминутно то включал, то выключал коробку скоростей, наконец круто заложил руль вправо и съехал в ручей.

У ручья было прочное каменистое дно. Мы шли теперь, как торпедный катер. Шумный водяной вал перед носом машины с ревом захлестывал берега. Когда ручью приходило в голову сделать слишком крутой поворот, мы летели к одной из стенок кузова.

— Простите, — сказал я, увидев, что моя нога прочно стоит на ботинке Белова.

Ручей сделал петлю и ушел далеко в сторону. Снова появилась колея. Она шла теперь круто вверх. Машина лезла по склону туда, где среди поросших мелким бамбуком полян стояли увешанные голубым мхом ели.

Я перегнулся через борт и стал срывать со встречных кустов листья.

— Осторожнее — тут есть и ипритка! — сказал Белов.

— Что?

— Сумах ядовитый. — Палец Белова указывал на куст с маслянистыми темно-зелеными листьями. — Может быть тяжелый ожог!

Я отдернул руку.

Синяя стена гор уже нависала над нами.

Держась обеими руками за крышу кабины, Аркадий стоял, как капитан на мостике корабля.

Начался перевал. На последнем подъеме стало сыро. Подул холодный ветер. Машина натужно взревела, преодолела крутой подъем, ударила кузовом и остановилась.

Впереди, тускло поблескивая в лучах неяркого солнца, лежал Тихий океан. Свежий ветер дул порывами в лицо. Рваная линия побережья змеилась у наших ног.

Начался спуск. Машина катилась легко и непринужденно. Расхлябанный кузов пел ритмичную

песню: крак-крак-крак... Купы голубоватых деревьев неслись нам навстречу. Сделав зигзаг, дорога вышла к берегу. Впереди на плоском коричневом мысу высветился белый столбик маяка.

— Вот он какой — Край Света! — прошептал Аркадий.

Мы проехали мимо маяка. Белая башня, с кольцевым балконом и стеклянным фонарем наверху, была окружена грудой пристроек. Бетонные казематы соединялись между собой глухими переходами. Маяк был похож на крепость, которой предстоит выдержать осаду долгих зимних штормов.

Машина резко затормозила и стала. Мы рухнули друг на друга.

— Вот ваш пароход, — сказал Белов.

Внизу под обрывом, в центре небольшой бухточки, причудливо громоздились скалы. Между двумя острыми, как лезвия ножей, кекурами виднелся изуродованный корпус судна. Черные бакланы, вертя змеиными шеями, рядками сидели на его палубе.

— Дальше не поедem, — сказал шофер.

Разделив поклажу — корпус шлюпки, весла, помпу, рюкзак, — осторожно ступая, гуськом мы начали спуск. Из-под ног вырывались и с грохотом уносились вниз камни.

Тропинка кончилась. Последние метры мы ползли ногами вперед, один за другим съехали на черный, пропитанный водою песок.

Отсюда было хорошо видно судно. Грудой железного лома оно лежало метрах в пятидесяти от берега. По сторонам высились, как надгробные памятники, кекуры.

Стали надувать шлюпку. Ручная, похожая на круглую гармошку, помпа хрипела и проталкивала в нее

с каждым вздохом все меньшую порцию воздуха. Мы провозились с лодкой целый час, пока наконец борта ее не округлились.

— Мало! — сказал Белов.

Накачали еще.

— Будет очень смешно, если мы утонем на этом матраце, — сказал Аркадий. — Вследствие личной халатности погиб инспектор по авариям. Правда, смешно?

Мы бросили лодку на воду, вставили в веревочные петли весла, уселись и, чувствуя себя в лодке, как неопытные канатоходцы на проволоке, стали грести.

Подойти к судну оказалось нелегко: острые края железных листов ножами торчали во все стороны. Они грозили распороть наше утлое суденышко. Мы кружили до тех пор, пока не приметили ровную стенку — остатки корабельной надстройки. Лодка ударилась о нее, Аркадий вцепился руками в иллюминатор. Белов с неожиданной легкостью вспрыгнул на судно.

Мы осмотрели пароход.

Острые раковины баянусов, как волчьи зубы, торчали на покрытых водою листах. Зеленые нитевидные водоросли пятнали стены. Мелкие крабы шурша убегали при нашем приближении. На дне залитых черной водой трюмов мерцали фиолетовые иглы ежей.

Годы и вода не сумели окончательно разрушить корпус судна. Его палуба сохранилась почти на всем протяжении; борт, правда, во многих местах разошелся, но надстройка в средней части судна была цела. Над ней торчали изогнутые остатки мачт.

Аркадий карабкался с одной балки на другую, лазал, обдирая в кровь ладони, по остаткам судовых трапов, заглядывал в каждый люк.

— Где тут шлюпочная палуба? — спросил он.

— Мы стоим на ней.

Белов сидел на корточках и скоблил угол между двумя балками. Балки соединялись треугольной кницей. Перочинным ножом Белов пластинку за пластинкой отделял гнилое железо.

Я молчал, так как уже понял тщету поисков. Вода вымыла из корабельных кают все. То, что избежало ее разрушительного действия и не было унесено волнами, скрывалось теперь под грудой обрушившегося в трюмы железа, а смытое с палубы могло лежать на дне бухты только под слоем песка. Для того чтобы извлечь здесь что-нибудь, нужно было иметь, самое малое, и кран, и рефулер.

— Что вы делаете? — спросил Белова Аркадий.

Маленький инспектор поднял лицо:

— Помогите.

Мы присели рядом с ним и стали расчищать углубление, сделанное Беловым. Из-под ржавчины, поблескивая, показалось железо.

— Нет, тут плохо видно, — сказал Белов, и мы покорно перешли вслед за ним к противоположному борту.

Мы кончили расчищать новый угол только через час, когда наши ладони были перепачканы коричневой пылью, а пальцы кровоточили.

— Что мы делаем? Вы можете сказать или нет? — не выдержал Аркадий.

Инспектор вытер тыльной стороной ладони лоб.

Угол был расчищен, заклепки, которыми соединялись кница и балки, обнажены.

— Это не «Минин», — сказал Белов. — Это «Аян». — Он осторожно усмехнулся.

Воцарилась тишина, великолепная тишина, которая всегда сопутствует неудаче. Слышны были только бормотание волн и тоскливые крики бакланов.

— Может быть, вы перестанете говорить загадками? — спросил Аркадий. — Из чего вы это поняли? На судне нет ни одной надписи.

— Вот. — Белов погладил ладонью очищенные от ржавчины заклепки.

— Что вы хотите сказать?

— В тысяча девятьсот девятом году фирма Ланц перешла на крепление палубного бимса со шпангоутом с помощью кницы и восьми заклепок, вместо шести, как это делалось ранее... «Минин» был построен в девятьсот шестом году, «Аян» заложен в девятьсот девятом... Здесь восемь заклепок.

Я взглянул на Аркадия. Тот слушал Белова, хмурясь и кивая в такт его словам.

— Значит, это «Аян», — сказал Аркадий и захохотал. — Значит, это «Аян»!

Со стороны берега уже раздавались автомобильные гудки.

Назад мы ехали той же дорогой. Машина, воя и бросаясь из стороны в сторону, мчалась по ломкой, стеклянной воде ручья. Обезумевшие форели выскакивали из-под колес. Аркадий держался рукой за мое колено и счастливо улыбался.

— Ты понимаешь, — кричал он мне в ухо, — я струхнул. Как только увидел этот пароход, струхнул: в нем бы нам ничего не найти. Не найти — слышишь? А так — еще есть шансы!..

Белов внимательно смотрел поверх наших голов.

У самого въезда в поселок нам попался навстречу вездеход, который стоял у обочины дороги. Обна-

женные колеса были увешаны комьями грязи. Одна из гусениц лежала на траве.

— Разулся? — крикнул наш шофер, сбавляя газ.

— Поди ты... — беззлобно ответил водитель вездехода.

Двое пассажиров поодаль обреченно смотрели на гусеницу.

Мы с шиком проехали мимо них, свернули на берег бухты и покатали по черной, усыпанной рыбьей шелухой дороге. Я сначала подумал, что это шелуха, но потом понял — это была соль.

*в которой мы с Аркадием снова
расчищаем зацепки*

Не застав на Кунашире Василия Степановича, — он уехал на Итуруп, — мы с Аркадием вернулись на Изменный и с первым же катером отправились к Двум Братьям. Мы везли с собой лодку, небольшую лодку, которую нам дал Матевосян для того, чтобы обследовать опушку мелей.

Океан тускло покачивался за черной грядой рифов. Белые гребешки вспыхивали в тех местах, где вода скатывалась с камней, образуя водовороты.

Сперва мы прошли в лодке вдоль внутренней стороны гряды. Черные блестящие камни неторопливо проплывали мимо борта. Пузырчатые тени шевелились у их оснований. Камни местами так близко стояли друг к другу, что мы могли отталкиваться от них веслами.

Греб я. Ломкие острые брызги летели за корму.

Аркадий лежал на носу лодки и держался за борт побелевшими от соленой воды пальцами. Брезентовая куртка сошлась на его спине угрюмыми складками.

— Что видно?

Он махнул рукой. Найти что-либо с внутренней стороны каменной гряды было маловероятно.

Мы пересекли отмель и вышли в океан. Едва заметная зыбь лениво двигала воду. Она была очень длинной, неторопливо поднимала нас, уползала прочь и, дойдя до камней, затапливала их один за другим.

Мы бродили между камней, то и дело уклоняясь от их острых, покрытых липкими водорослями краев.

— Вижу! — сказал вдруг Аркадий.

Он вытянул руку. Там, впереди, резко отличаясь от горбатых, облизанных волнами каменных лбов, виднелся правильный черный прямоугольник.

— Это не камень, — сказал Аркадий.

Я перестал грести.

— Похоже.

Мы прошли между извилистой каменной грядой и зарослью бурых ламинарий, проскользнули мимо высокого, островерхого рифа и очутились около ржавой, в черных подтеках, железной платформы. Камни, как губы тисков, держали обломки с двух сторон. Смятый, безжизненный металл грудю оранжевого лома уходил в глубину.

— Пароход, — глухо сказал я. — Неужели мы нашли его?

Аркадий не ответил.

Нос лодки ударился о платформу. Держась за ее края руками, мы по одному перебрались на обломки судна.

Прозрачные рачки при виде нас, как брызги, покатились по палубе.

Под платформой бормотала вода.

Я подошел к краю, перегнулся и посмотрел вниз. В зеленоватой глубине шевелились бесформенные тени. По стене из желтого металла, корчась и выгибаясь, ползла морская звезда.

— Теперь, — сказал Аркадий, обращаясь ко мне, — давай проверим.

Он присел на корточки и начал скоблить ножом источенные временем балки.

Я присел рядом. Лезвие с каждым движением все глубже погружалось в коричневую ломкую кору. На руки Аркадия оседала красная пыль. Мы расчистили угол и стали считать заклепки. Их было шесть.

— Это «Минин», — сказал Аркадий. — Это «Минин». Надо срочно сообщить Василию Степановичу. Пусть везет водолазов.

Мы медленно плыли назад. Вялая зыбь по-прежнему мешала грести. Она подкрадывалась, поднимала лодку и поворачивала ее носом к Изменному. Остров дрожал на горизонте. Впереди поднимали над водой черные головы Два Брата. Где-то за ними раскачивался на воде наш бот.

Мы добрались до него и рассказали Матевосяну и Григорьеву о находке.

— Теперь самое главное, какое там дно, — сказал Григорьев и объяснил, что если дно каменистое, то предметы, упавшие с «Минина», могут быть найдены невдалеке от судна. Если — ил, то в топком его разливе давно утонуло все, что могло быть сброшено ударами волн, и тогда наши шансы на успех близки к нулю.

— Я схожу промерю глубину, — сказал Аркадий. — Забыли смерить глубину; вот шляпы!

Он снова ушел на лодке, на этот раз с Матевосяном. Когда они вернулись, бригадир сказал:

— А ведь нашли! Э! Я думал, не найдете. Городские люди... Неглубоко там.

— Двадцать метров, — сказал Аркадий.

Мы вернулись на Изменный, и Аркадий тотчас же дал Степняку радиограмму.

— Таких длинных радиogramм не бывает, — сказал Матевосян, когда радист отказался передавать текст.

— Бывают. Это очень важная. О выполнении плана даете длинные радиogramмы? А это наш план. Слова о плане убедили бригадира.

В ответ Василий Степанович сообщил, что вылетает на Сахалин за водолазами, и обещал вернуться с ними к концу недели.

В ожидании его приезда мы бродили по острову. Тропы приводили нас на вершину кальдеры.

Был вечер. Расплющенное солнце неподвижно висело над входным мысом. В бухте тяжелым плоским стеклом лежала вода. Синее пламя заката тлело в прибрежных скалах. По склонам кальдеры ползли неверные тени.

Мы спускались с Аркадием по витой уклончивой тропинке вниз к берегу. Бухта медленно наливалась синью, цвет ее уплотнялся. Огненная полоса протянулась между входными мысами. На ее фоне возник черный силуэт. Он медленно двигался, едва возвышаясь над поверхностью воды.

— Что это? — прошептал я.

Силуэт на воде стал тонким, изогнулся и пропал в слепящем блике.

— Что это? — повторил я.

Аркадий хмыкнул:

— Тень, волна, плавающее дерево, — откуда я знаю?

Мы шли по тропинке. Фиолетовые тени змеились у наших ног. Подкравшийся с моря туман вошел в бухту. Серые клубы его приближались к причалу.

Аркадий повернулся ко мне.

— Сергей, — сказал он. — Я все время думаю: что может быть в пенале, увезенном Соболевским? Карты

открытых первыми мореплавателями земель? Разгадка Сахалина? Ведь до Невельского его считали полуостровом, частью таинственной земли Татарии. Неизвестные письма Германа или других путешественников?

— Карты, письма... Можно подумать, что ты не биолог, — сказал я. — Скажи лучше, кто это сейчас был. Косатка?

Аркадий не ответил.

Мы вернулись к себе в дом. Я лежал на койке, закинув руки за голову. Мысли мои были тревожны и нечетки.

Глубокая ночь входила в распахнутое окно.

Аркадий сказал:

— Сергей, ты не спишь? Прости меня. Я не прав. Это была косатка.

— Отстань.

Смутное воспоминание гнало меня из постели. Однажды в детстве мы с Аркадием бродили по берегу Люботинского озера. Что-то накатило и сжало грудь. Мучительно захотелось кричать. Я попробовал и захлебнулся. Нерожденный звук рвал на части горло. В тот вечер я написал первые неумелые стихи...

Я сбросил одеяло, распахнул дверь и вышел на воздух. Было сыро и прохладно. Туман уже оторвался от земли и поднялся над вершинами деревьев. Бледные звезды едва различались вверху. Они светили, окруженные радужными кольцами. Белый силуэт Аркадия появился в черном прямоугольнике открытой двери.

— Сергей, иди домой! — сказал Аркадий. — Каждый из нас не очень-то хорошо понимает самого себя. Что же требовать от других? Иди...

Пришли два письма. Их переслало Аркадию почтовое отделение из Ленинграда.

Аркадий вскрыл первый конверт и извлек из него пачку листов, исписанных мелким старушечьим почерком. Писал мужчина.

«Йошкар-Ола, 19 июля.

Уважаемый товарищ Лещенко!

На вопрос, переданный мне секретарем местного отделения Союза журналистов, сообщаю, что я являлся в 1922 году непродолжительное время сотрудником оппортунистической газеты «Дальневосточный моряк», издаваемой эсерами. Будучи человеком молодым и политически незрелым, я соблазнился возможностью хорошего заработка, иметь который в те смутные дни во Владивостоке представлялось мне счастьем. Окончив незадолго до того курс гимназии и имея очевидные склонности к литературе, я решил стать на многотрудную стезю журналиста и в ответ на обращение близкого знакомого нашей семьи (со стороны деда, бежавшего за год до этого в

Маньчжурию) Неустроева Вадима Савельевича принять участие в редактировании газеты для русских моряков, дал согласие, в чем в дальнейшем неоднократно и горько раскаивался. Владелец газеты Неустроев оказался человеком эсеровских взглядов и алчного, предприимчивого, без меры, темперамента. Газету, как помню, мы готовили сначала в подвале дома номер восемь на Суифунской улице, где ранее размещались склады готового платья. Печатали ее в частной типографии Лазебко. Потом место редакции было изменено, и до октября месяца мы работали на втором этаже того же дома.

Всего было выпущено пять или шесть номеров. Выходили они раз в неделю, по субботам. Затем, в связи с начавшейся эвакуацией из Владивостока японцев и созданием «плакатного» правительства Сазонова, газета прекратила свое существование, кажется, по причине отсутствия бумаги и бегства рабочих из типографии. Тут же я должен подчеркнуть свое отрицательное отношение как к японской интервенции, которая была явным и неприкрытым нарушением международного права и вызвала справедливый отпор молодого Советского государства и его вождя товарища Ленина, так и к самозванным правительствам, которые в те годы создавались в Приморье с единственной целью отторгнуть его от Родины.

Не могу также не дать оценки личности Неустроева, который в непродолжительном времени разоблачил себя как человек, обуреваемый жадной наживы, для чего, не дожидаясь ухода японцев, уехал на Камчатку и Колыму, где, под прикрытием бочкаревских банд еще творился разгул частной инициативы. Как мне известно, Неустроев организовал там новое акционерное товарищество по добыче морского зверя. Потерпев неудачу в этом предприятии, он,

после уничтожения под Гижигой в апреле 1923 года последнего отряда Бочкарева, бежал через Анадырь на зверобойной шхуне на Аляску, где след его теряется.

Что касается рассказа «Жертвы волн», то он был написан неким Левковским, печатавшим свои заметки под псевдонимом Н. Сорокин. По словам Левковского, писался он на основании свидетельств моряка, спасшегося при гибели парохода «Минин». Сразу же после опубликования рассказа в редакцию поступило письмо от семьи капитана «Минина» с опровержением обстоятельств гибели судна. К тому времени капитан уже умер, но семья была заинтересована в восстановлении истинной картины событий, так как в зависимости от того, как сложились отношения капитана с белоэмигрантами, находившимися на «Минине», семья могла или нет рассчитывать на получение различного вида помощи от Советского государства.

Для того чтобы вы могли представить себе стиль Левковского, скажу только, что однажды этот журналист позволил себе опубликовать очерк о посещении Гонконга, в котором не бывал ни разу.

Привлеченный нами к ответу, Левковский обещал дать письменное объяснение, но не успел это сделать и бежал на японском пароходе «Осака-мару» с подобными себе отщепенцами.

Моя дальнейшая судьба сложилась следующим легким образом...»

— Ну это вы прочтете сами, — сказал Аркадий, — там еще восемь страниц убористым почерком. Кстати, во время войны он был на 1-м Белорусском фронте. Я мог с ним встречаться. Он был солдатом. Нужно письмо.

— Приди оно раньше, все равно ничего не изменилось бы, — сказал я. — Но действительно, шпангоуты, отлетевшие в сторону! Надо же такое придумать!

Затем Аркадий вытащил письмо из второго пакета. На конверте стоял владивостокский штемпель.

«Уважаемый товарищ Лещенко!

На днях мне было передано письмо, из которого я узнал о вашей работе по выяснению обстоятельств гибели парохода «Минин».

Будучи членом партии с 1921 года и исполняя в продолжение жизни ряд ответственных постов и поручений, хочу живо откликнуться на вашу просьбу.

Мне ничего неизвестно о пароходе «Минин» и причине его гибели. Однако упоминавшийся в Вашем письме архиву пенал я видел, если это, конечно, тот, о котором идет речь.

Летом 1922 года, в ожидании наступления Народно-революционной армии, мы, подпольщики и активисты Владивостока, перешли к активным действиям с целью оказания помощи нашим братьям. Одной из задач, поставленных перед нами, была широкая разъяснительная работа и недопущение вывоза из города машин, оборудования и средств транспорта. С целью предотвращения паники также решено было широко распространить среди населения листовки с приказами командования НРА и обращения к населению.

В те месяцы я устроился на работу сторожем в частный музей, где директором был некто Соболевский Вениамин Павлович. Это было лучшей формой конспирации, потому что в частном музее не требовали документов, а, разъезжая по городу с поручениями, я имел возможность выполнять задания организации.

Пользуясь особым положением музея, я стал хранить в нем отпечатанные листовки, а иногда и оружие.

Перед самым вступлением в город Народно-революционной армии нам передали через линию фронта текст подготовленного приказа командарма Уборевича, который мы решили распространить для предупреждения паники и слухов о готовящихся в городе боях. В эти дни отступающие белогвардейцы и японцы усилили террор. В городе начались обыски.

Отпечатанный приказ и листовку-обращение я принес двумя пачками в музей и хранил отдельными пакетами в ящике мусора у себя в клетушке под лестницей.

Как-то, незадолго до ухода японцев, меня вызвал Соболевский. Он был взволнован и нетерпеливо смотрел в окно. Не вдаваясь в подробности, он попросил моей помощи в упаковке пенала с бумагами, как он сказал, важной исторической ценности. Считая необходимым иметь контроль за всеми его действиями, я остался, помог принести из подвала пенал, и мы стали укладывать в него приготовленные и зашитые в материю свертки.

Уложив их, Соболевский принес небольшую тетрадь в мягком переплете, долго не мог решиться, но положил в пенал и ее, сказав что-то об особой ее ценности для него лично.

В это время во дворе раздался шум, стали звать директора. Соболевский вышел, а я, приблизясь к окну, увидел, что во дворе уже находится взвод солдат и несколько человек, среди которых были штатские и два японца.

Считая, что искать будут как всегда в первую голову оружие и революционную литературу, я бросился к себе в каморку, достал из ящика пачки

с листовками и пистолет, который лежал там и, вернувшись в кабинет, спрятал их в пенал, на самое дно.

Однако события развернулись, по неизвестным мне причинам, в другом направлении. После долгого разговора с директором солдаты ушли, и я до прихода Соболевского изъяс из пенала нелегальщину и оружие.

Войдя, Соболевский приказал мне поскорее закатать пенал, лишив его доступа воздуха, что я и сделал. После чего, предвидя возможное возвращение солдат или японцев, я попросил разрешения отлучиться и, связав листовки в пакет, понес их на квартиру одного товарища, который должен был расклеивать их той же ночью.

Выйдя из музея, я был арестован и просидел в тюрьме без суда и следствия двое суток, после чего тюрьма была захвачена отрядом подпольщиков, а все арестованные выпущены.

Этой же ночью началась эвакуация.

Вернувшись через сутки в музей и интересуясь судьбой пенала, я не обнаружил там ни директора, ни указанных документов.

В кабинете Соболевского я нашел только следы на ковре от стоявшего там пенала, благодаря глубокому отпечатку, а также бурое пятно.

По сообщению жителей соседнего дома, ночью, перед эвакуацией, в музей проникла группа вооруженных, среди которых были офицеры. Вместе с ними музей покинул и Соболевский, однако по причине плохой освещенности вещи, которые были унесены, распознаны соседями не были.

Через час после их ухода в музей начался пожар, который жители соседних домов потушили собственными силами, при этом часть экспонатов могла

пропасть, что установлено актом инвентаризации, к составлению которого я привлекался.

Уехав из Владивостока после сдачи в государственные фонды оставшегося имущества музея, я в последующие годы исполнял неоднократно ответственные должности в системе органов культуры и здравоохранения. В родной город Владивосток вернулся недавно, по случаю выхода на пенсию.

Возвращаясь к факту исчезновения пенала и личности директора Соболевского, могу сказать, что общался с директором, за исключением упаковки пенала, мало и, кроме случая с кражей документов, других отрицательных сторон за ним не могу отметить. Искать же пенал, по моему убеждению, следует на бывшей территории музея и сада, окружавшего дом, несмотря на трудности, вызванные новой застройкой.

С приветом пенсионер республиканского значения *Прилепа*».

— Вот он каков — Прилепа! — сказал Аркадий. — Теперь мы знаем историю пенала.

— Главное, в нем есть какая-то тетрадь, — сказал я. — Тетрадь, о которой Соболевский имел все основания заботиться.

Аркадий кивнул. Он долго сидел у окна в тот день, держа на коленях конверты. Может быть, он вспоминал ленинградский вечер, когда сочинял письма, над обстоятельными ответами на которые долго потом бились бывший гимназист и бывший подпольщик.

Василий Степанович пришел через неделю. Траулер, на котором он добирался до нас, швартовался неловко. Он навалился на пирс, раздался хруст дерева и протяжный скрип стали.

Двое парней на палубе рядом с Василием Степановичем с любопытством разглядывали поселок.

— Водолазы? — крикнул Аркадий.

Парни закивали.

— Давай, ребята, выкидывайтесь, — сказал, подходя к ним, моряк в мятой капитанской фуражке. — Стоять не будем.

С палубы на пирс полетели рюкзаки, ватники. Открыли борт, стали выносить тюки и ящики.

— Три акваланга привезли, — сказал Василий Степанович, подходя к нам. — Заждались?

— Немного. Это компрессор?

— Да.

Последним вынесли тюк с палаткой. Траулер затархтел дизелем и стал отходить. Он вычертил сложную спираль посреди бухты и исчез за мысом.

— Будем знакомиться, — сказал Аркадий.

— Николай...

— Боб.

— Вообще-то его зовут Иваном, — объяснил Василий Степанович. — Но, сами понимаете, Боб на танцплощадке звучит лучше.

Водолаз помоложе кивнул.

— Какая там глубина? — спросил другой, постарше. Он говорил про «Минин».

— Двадцать метров.

— Когда мы уродовались на «Эмбе», — сказал Боб, — у нас палатка стояла на палубе. Я тогда работал в Гидромете. «Эмбу» торпедировали немцы в начале войны. Она лежит около Сухуми. Дыра в борту — грузовик въедет! Заплываешь в трюм, как в ворота...

— Ладно тебе, — сказал Николай. — Палатку помоги тащить.

— Можно оставить ее на пирсе, — сказал Василий Степанович. — Все равно скоро грузиться. Катер дадут — и пойдем.

— Как хотите.

Решили ночевать у пирса.

В сарае, где расположились водолазы, стоял густой запах смолы и прелой пеньки. В дощатом полу чернели неровные, с округлыми краями, щели. В углах шелестели крысы.

Мы сидели у электрической плитки, слушали, как пищит, закипая, медный чайник, и рассказывали прибывшим историю гибели судна и его поисков.

— Сходим посмотрим, — повторил Николай. — Катер прямо с утра? Вот и хорошо.

Утром мы ушли к Двум Братьям.

На «Минине» ничего не изменилось.

По наклонной изъеденной ржавчиной палубе катались морские блохи. Черные потеки водорослей стили

в углах. Через рваные края пробоин тускло светила зеленая непрозрачная вода.

— Так... так... — бормотал Николай. Он ходил по обломкам «Минина», как кошка. Он принюхивался к железу и торопил Боба.

Они надели акваланги, с плеском упали в воду, медленно шевеля ластами, и, поблескивая белыми баллонами, скрылись.

Овальные пузыри, вихляя и пульсируя, поднимались из глубины. Они выскакивали на поверхность, с легким урчанием распадались и вызывали сложную систему кругов.

Мы с Аркадием ждали.

Прошло полчаса, вода раздалась, и из нее показался Николай. Он подождал напарника, оба взобрались на платформу, разделись, закутались в одеяла и стали рассказывать.

— Кто его знает, — как-то неопределенно, шевеля щеточкой усов, начал Николай. — Пароход, конечно, тут. Вернее, то, что от него осталось. В общем — это лом. Там, под нами, машина или котлы. Много труб. Заросло все — не узнать, мидии — как горы. Вроде бы это средняя часть.

Аркадий слушал и мрачнел.

— Правильные водоросли, — добавил Боб. — Лес.

— Не в них дело, — продолжал Николай. — Эта часть судна почему уцелела? Сидит между камней. Здоровенные две скалы. Все, из-под воды если смотреть, получается как башня: скалы — на них кусок судна. А остальное разнесло — нет парохода, даже где у него был нос, где корма, не различишь.

Боб кивнул.

— Внизу машина. Это — верно.

— Делать нечего, — мрачно сказал я. — Возьмем шатун на память, подарим музею, и все.

Зарядил дождь. Мелкая капельная морось упала на остатки «Минина». Море слилось с небом, все стало неразличимо серым.

Я поежился.

— Чудаки, — сказал наконец Боб. — Куда они смотрели, когда шли? Вперлись, как в стену. Приложились — будь здоров!

Он говорил о команде «Минина».

— У побережья Северной Америки есть остров Сейбл, — сказал я. — Это даже не остров, а длинная, выступающая из океана коса. На ней уже погибло несколько сот судов. Ее называют кладбищем кораблей. Все об этом знают, и каждый год кто-нибудь оказывается на мели...

Снова возникло томительное молчание. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу. Николай и Боб согревались.

— Нет, это не Черное море, — сказал Боб и стал насвистывать песенку.

— Помнишь Диоскурию? — сказал Николай.

Боб засмеялся.

— Было дело, — сказал он, — один чужак, иностранец, нырнул около Сухуми с аквалангом и заявил: «Видел на дне остатки города. Статую юноши с поднятой рукой и все такое...» Ну, поднялась паника. Шум. Позвали нас. Мы работали у маяка. У нас судно было. Городские власти забежали — жуть! Шутка — там город был у древних греков, Диоскурия; сто лет его искали, а он — под боком. Разбили нас на тройки. Пять троек пустили. Каждая тройка на одном шнуре. Один в центре, двое растягивают шнур. Каждая связка тридцать метров. Пять связок — сто пятьдесят. Пошли мы веером. От берега в море, раз и второй, и третий. В одном месте ни шиша, во втором — ничего. Три дня искали...

— Нашли?

Они опять засмеялись.

— А что? — сказал наконец Николай. — Нашли. Керамику. Обломок сосуда.

— Точно — сосуд, — сказал Боб.

— Отдали обломок археологам. Сначала местным, потом в Москву возили. Ответ пришел — бытовой мусор, конец прошлого века.

— А турист? — спросил я.

— Что турист? Уехал. Туристы всегда уезжают... Так что все ясно: завтра ставим на Двух Братьях лагерь и начнем работать.

Мы вернулись на Изменный.

Матевосян стоял на берегу и с удивлением смотрел, во что превратила остров Два Брата фантазия Боба. Позади Матевосяна скрипел форштевнем о гальку водолазный бот.

Боб был теперь комендантом. Он сам назначил себя комендантом и начал с флага. На острове были поставлены две палатки. Рядом с ними мачта. На ней развевался флаг. На флаге были нарисованы баллон от акваланга и маска.

Боб объяснил назначение флага.

— Это выпел, — говорил он. — Знаете, как на военных кораблях? Обозначает начало работ. В день окончания — спустим.

— Флаг — это хорошо, — спокойно отвечал бригадир. — А хлеб откуда будете брать?

— Проживем на галетах.

— Деньги дай — привозить будем. Раз в три дня.

Боб провел его в первую палатку. В ней стояли четыре раскладушки, стол, лежали четыре рюкзака и наши с Аркадием чемоданы.

Во второй палатке стоял компрессор, лежали акваланги, укрытые пластиком мешки с крупами.

— А кухня где? — спросил Матевосян. — Кухня, а? Кухня располагалась под скалой, в нише.

— Основной вариант, — объяснил Боб, — костер, две рогулины, котел. Запасной, если отсыреют дрова, керосиновая плита. Это — разогреть, вскипятить...

— Дверь сделай! — сказал Матевосян. — Двери! — Кухня ему не понравилась. — Еще лучше — стенку, такую, чтобы двигать ее можно было. Откуда ветер дует — туда повернешь.

— Называется экран. — Боб согласился. — Правильно, я такие видел. Брезента надо кусок.

— Возьми на боте.

Подивившись нашему быту, Матевосян ушел.

Каждое утро мы собирались на завтрак. Отгремев кружками, надували шлюпку и уходили к «Минину».

Там водолазы обследовали дно.

— Чисто. Каменная осыпка, — объясняли они. — Хорошо видно, но ничего похожего на пенал нет.

— А если он в середине судна? Тут, под нами?

— Тогда надо взрывать...

От картины, созданной когда-то воображением Аркадия, в которую в конце концов поверил и я: громадный пароход на боку, в каютах которого плавают разноцветные пучеглазые рыбы, а в последней лежит, ожидая нас, пенал, — не осталось ничего. Длительный, но такой понятный поиск — каюта за каютой, — полный приключений и романтики, оказался химерой.

Настал день, когда Николай сказал мне:

— Сегодня пойдете и вы.

Мне помогал Боб. Мы бережно тянули, раскатывали тонкую резину. Я приседал, разводил ноги. Когда костюм был надет, мы соединили половинки его на животе широким поясом. Взвалив на спину

акваланг и сбив на лоб маску, я пошел к борту, гулко шлепая ластами, добрал до края платформы и боком свалился в воду.

Над головой сомкнулась вода. Зеленая густая полутьма, наполненная серебристыми пузырьками, закипела перед стеклом.

Раскинув руки, я неподвижно повис. Белые пузырьки ползли вверх, следом за ними поднимался, переворачивался, теряя равновесие, и я. Всплыв, я вынул изо рта загубник и попросил:

— Дайте груз!

Меня подтянули, придерживая руками, расстегнули пояс, надели на него два свинцовых кубика.

Рядом, с шумом, в треске лопающихся пузырей, свалился в воду Николай.

Я согнулся, опустил голову, выбросил ноги вверх и, работая ластами, пошел на глубину. В уши гвоздями вошла привычная боль. Когда глаза привыкли к полутьме, я увидел уходящую вниз желто-зеленую стену. Это был «Минин». Передо мной узким темным пятном двигался Николай. Преследуя его, я стал опускаться. Боль в ушах медленно отступала.

Я осмотрелся. Со дна поднималась черная каменная громада. Под ней белела пятнистая галечная россыпь... Звездчатыми пятнами на камнях сидели ежи. Я подплыл к одному. Он не шевельнулся. Я тронул пальцем иголку. Тоненькие нитевидные ножки высунулись между игл, протянулись к выступу в камне, ткнулись в него, приклеились. Сокращая ножки, еж начал уползать...

Я выпустил облако пузырей и поплыл вслед за Николаем. Мы медленно огибали скалу. Грудой искореженного металла над нами нависал борт «Минина». Светлые полосы бродили над нашими головами. Я уцепился за металлический лист и сунул голову

в пролом: черные и зеленые пятна, хаос металла, еле различимого под пластами водорослей и раковин...

Ничего тут не найти...

Мы оплыли корабль кругом. Скалы, как огромные корни гигантского зуба, прочно держали остатки парохода. В одном месте борт был пробит. Николай приблизился ко мне, тронул за плечо, показал рукой пробоину и жестом позвал за собой.

Мы подплыли. Показав: «Жди!» — мой товарищ медленно, перебирая руками изогнутые края листов, проник внутрь парохода и скрылся. Зеленоватые хлопья, поднятые движением человека, устремились навстречу мне из пробоины. Из облака показалась темная фигура. Николай выплыл, перевернулся, снова тронул меня рукой, приглашая: «Плыви!»

Медленно, прислушиваясь к шумному движению воздуха и частому стуку сердца, я последовал за ним. Кромешная тьма обступила нас. Кто-то тронул меня за руку. Я вздрогнул. Мое запястье обхватили пальцы Николая — он тащил меня за собой.

Впереди зеленело пятно. Оно было сначала расплывчатым, потом приняло правильную форму круга. Мыплыли к нему. Я понял, что это — иллюминатор, стекло и крышка которого вырваны в момент гибели судна. Цвет воды — скупой, серый и тусклый, когда я был снаружи, — теперь, изнутри, казался ярким и изумрудным. Я подплыл, уцепился за какой-то покрытый слизью предмет и высунул руку из иллюминатора. Легкие тени скользнули по ней. Подплыла стая вилохвостых рыбок. Я пошевелил пальцами. Удивленные и озадаченные, рыбы доверчиво стали тыкаться губами в подушечки пальцев.

Чувство радостного удивления захлестнуло меня. Я оттопырил вверх большой палец и, приблизив его к свету, показал Николаю

Хорошо, все очень хорошо! Мы, конечно, найдем здесь этот чертов пенал! Надо только искать... Надо искать.

Мы вернулись на остров, разожгли огонь и, согреваясь его горячим дыханием, слушали, как пузырится и щелкает в котелке бережно залитая водой картошка.

Настала холодная и сырая ночь. Я забился на дно спального мешка и, закрыв глаза, еще раз увидел зеленое пятно иллюминатора и рыб, доверчиво жующих мои пальцы.

Утром на остров пал туман. Белая непроницаемая стена отгородила скалу от моря. Она отгородила палатку от скалы, нас друг от друга. Белые капли осели на лица. Все сделалось липким и скользким. Стало трудно дышать.

Океан молчал. Тяжелое белое безмолвие колыбалось вокруг нас. Только звуки человеческих голосов, обычно заглушаемые ветром и волнами, доносились необычно отчетливо.

Так продолжалось целый день. Мы не ходили на «Минин», бродили по мокрому берегу, лежали в палатке, рассказывали друг другу истории о затонувших кораблях.

— Долго это будет, черт побери? — не выдержал наконец Аркадий.

Николай сказал:

— Это ведь Курильские острова! Туман здесь бывает по месяцу.

— Сейчас конец лета, — сказал я. — Он скоро пройдет.

Николай пожал плечами. Я достал книгу «Открытие Аляски», и мы начали читать вслух печальную историю русского поселения — форта Росс на берегах голубого залива Сан-Франциско, куда русские

пришли, следуя беспокойному примеру Дежнева и Беринга.

— Ты помнишь, Аркадий, харьковские ночи?..

На мокрую поверхность палатки падали, пощелкивая, капли. Мы сидели, поеживаясь...

Нам предстояло осмотреть «Минин», проверить каждый дюйм обшивки, проникнуть внутрь.

Мы даже не представляли себе: какая часть парохода осталась на камнях, где лежат — и сохранились ли они вообще — другие части?

— Между прочим, — сказал Николай, — хорошо бы знать, как сел «Минин». Ведь его несло ветром, могло повернуть и так, и этак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мы находим сейф и ствол от пожарного рукава

Теплым маревым днем — на остров после тумана наполз сухой воздух из центральных пустынь Азии — Николай с Бобом начали дальнюю разведку вокруг «Минина».

Обломок корпуса, который застрял между скалами, был невелик и симметричен. Нос и корму с одинаковым успехом можно было представить его продолжением в любую сторону.

В первый же день Николай нашел гребной вал. Короткий и толстый массивный цилиндр лежал неподалеку, вырванный из тела судна и отброшенный прочь силой удара. Винта около него не было.

Полуголые, сняв рубашки, мы с Аркадием сидели на железной платформе и следили, как пузырчатые дорожки опутывают «Минин». Николай и Боб плыли, расширяя круг поиска.

Наконец они вышли из воды.

Сидя на борту вытащенной на «Минин» шлюпки и растирая пальцами колено, Николай сказал:

— Судно переломилось в двух местах!

Боб кивнул.

— Метров двадцать отсюда, — Николай показал рукой, — лежит носовая часть килем вверх.

— Ободрало ее, как апельсин, — добавил Боб.

Николай стал рисовать острием ножа на ржавчине чертеж.

— Вот камни... Между ними «Минин»... Рядом, восточнее, оторванная носовая часть. Видите, ее могло свалить туда во всех случаях. Если шторм был от северо-запада и пароход сидел носом на север и если шторм шел с юго-запада, а сидел «Минин» носом на юг.

— Получается так, — сказал я. — Что же мы узнали?

— Ничего.

— А где корма?

Корму нашел Боб на следующий день. Ее разматало на куски. Тонкий слой гальки выдал местонахождение руля. Здесь галька лежала плоским невысоким холмом, повторяя очертания рулевого пера.

Эта находка тоже ничего не говорила о том, как сел на камни пароход.

— Во всяком случае, кое-что начинает проясняться. — Аркадий вынул тетрадь и повторил в ней чертеж Николая. — От «Минина» остались разрозненные части.

Мы приступили к поискам во внутренних помещениях.

Сперва осмотрели нос.

В носовой части «Минина» был трюм, а около самого форштевня сложная система узких, похожих на колодцы отсеков. Обшивка была почти вся снята, мы легко попадали внутрь. Навстречу нам из темных углов выплывали их потревоженные жители. Мраморные камбалы испуганно тарасили глаза. Красными пятнами бродили под ногами колющие крабы.

Заметив приближение человека, они откидывались назад и каждый, подняв вверх массивные клешни, начинал грозить.

Здесь мы не рассчитывали на удачу: с носа по-садка в шлюпки и на плоты не производилась.

Нашей добычей стал ящик с битым стеклом. На изогнутых осколках виднелись следы краски. В ящике боцман, вероятно, держал свой малярный скарб.

Закончив осмотр носовой части, мы вернулись на платформу. Через пролом в борту, который нашел во время нашего первого погружения Николай, мы проникли внутрь судна. Доступными оказались три помещения.

Первое, с единственным, так восхитившим меня иллюминатором было, очевидно, пассажирской каютой. Пиллерсы — столбы, между которыми размещались койки, — стояли нетронутыми, но сами койки провалились, их деревянные части сгнили. В каюте мы не нашли ничего.

Дверь из нее вела во второе помещение — коридор. Он был наглухо закрыт с обеих сторон стальными листами и рухнувшими галубными перекрытиями. Пространство, которое осталось нам для поисков, было небольшим. Мы осмотрели его за один раз.

Я попал туда с Николаем. У него был фонарь. Пятно дрожащего неверного света бродило по стенам. Оно выхватывало из темноты прихотливые ряды заклепок и коричневые облачка жидкости, которой стреляли в нас перепуганные, сидящие по углам осьминожки.

Короткий зыбкий столб света уперся в висевший на стене длинный предмет. Мы не сразу узнали его, пожарный ствол чистой меди избежал тлена. Николай протянул руку, сгнившие крючья рассыпались, ствол медленно опустился на пол.

Я унес его на поверхность. Коллекция поднятых со дна вещей — мы укладывали их на платформу — росла.

В коридоре была вторая дверь. Она вела в маленькую, глухую, без иллюминаторов, каюту. В таких каютах размещаются третьи и четвертые помощники капитанов, вторые механики, боцмана...

Каюту обследовал Боб.

По его словам, он проплыл внутрь судна, миновал пассажирскую каюту, осторожно проник в коридор и остановился перед дверью.

Она не была закрыта, но щель между дверью и стеной оказалась узка. Плыть через нее, имея за плечами акваланг, Боб не решился.

Тогда он принес с поверхности ломик. Пузыри воздуха бродили под потолком, поднимая облака желтой мути. Чем дольше работал водолаз, тем больше муть заполняла коридор. Свет ручного фонаря становился неразличим.

В каюту удалось войти только к концу дня.

Через распахнутую дверь Боб вошел в крохотное помещение. Он выкинул вперед руку с фонарем и стал торопливо светить по углам, стараясь все разглядеть, пока не поднялся потревоженный его вторжением ил.

Он успел различить остатки кровати, металлический стол, на стене — крепления от полки, в углу — открытый сейф.

Резкое движение, которое он сделал, подняло с пола новую тучу ила. Боб отпрянул назад, забурлил листьями — коридор и каюта исчезли в желтом тумане. Держась руками за стенки, водолаз выбрался из парохода и всплыл.

— Сейф? — переспросил я, когда Боб поведал нам историю посещения каюты. — Вот это здорово!

— Вот такой. — Боб показал руками его размеры. — Стоит на полу. Что же в нем может быть?

Хотя мы прекрасно понимали, что никакого отношения к пеналу эта находка иметь не может и что раскрытый сейф скорее всего пуст, мы начали волноваться. Следующего спуска мы ждали, как праздника.

Опускались Николай и Боб. Боб никому не хотел уступать. В конце концов сейф был действительно самой интересной находкой за все время поисков.

— Железно сработаем! — заверил он и бросился в воду.

Следом слез с платформы Николай.

Мы с Аркадием сидели на мокром холодном железе и смотрели на воду. У меня за плечами наготове был заряженный баллон.

Пузыри били родничком. Сперва они всплывали у наших ног. Потом исчезли — водолазы проникли внутрь судна. Спустя минут десять появились вновь. В зеленой воде извивались две тени. Они увеличивались и дробились. Белые купола пузырей, обгоняя их, приближались к поверхности. Наконец из воды показалась физиономия Боба. Он держал над головой кулак. Аркадий взял у него что-то из кулака и раскрыл ладонь. На ладони лежала покрытая зеленью медная зажигалка...

— Уфф-ф!

Боб сидел, вытянув ноги, и рассказывал. Николай стоял около него, держался за лямки акваланга и кивал.

Они опустились к пролomu и, стараясь опередить поднимающуюся из углов коридора муть, проникли в каюту. Боб сунул фонарик в сейф. На первый взгляд, ящик был пуст. Тогда он стал шарить руками. В сейфе закружились коричневые хлопья, пальцы почувствовали небольшой предмет.

— Я подумал: часы или кошелек, — рассказывал Боб. — Зажал в кулак, показал — дуем наверх! — и тягу. Оказывается, вот — зажигалка!

Он плюнул на железо.

— А по-моему, хорошо, — сказал Аркадий. — Хорошо, что вы нашли именно зажигалку. Что часы? Для нас они бы молчали. Их забыл, покидая каюту, хозяин. А зажигалка...

Я понял ход его мыслей.

— Зажигалка — это, может быть, драма. На аварийном судне, скорее всего, уже не было света. В темную каюту вошел человек. Можно только догадываться, был это владелец каюты или посторонний. На палубе шла посадка, а кто-то, чье лицо едва угадывалось в темноте, шарил, держа в пальцах горящую зажигалку, по сейфу. Здорово? Если это был владелец каюты — он хотел забрать принадлежащее ему, если это был чужой — он мародер. Человек в каюте мог задержаться, не попасть даже на последний плот и погибнуть. Сюжет для кино...

Маленькой каютой кончились наши поиски внутри судна: коридор и каюты не имели сообщения с остальными помещениями. Для того чтобы попасть в них, нужно было взрывать борт.

— Взрывчатки у нас мало, — сказал Николай. — Взрыва на два, может, на три. Рвать, так уж знать наверняка — где. Есть такое место?

Мы с Аркадием согласились, что такого места нет.

— Теперь будем искать вокруг, на дне. Может, что-нибудь лежит открыто, просто так, — сказал Николай.

Началось обследование дна. Мы плавали от «Мирина» по радиусам. Направления отмечали, устанавливая каждый день на платформе два шеста. Линия, проходящая через них, была ведущей. Водолаз,

всплывая, смотрел — не сошел ли он с нее. Каждое обследованное направление отмечали на платформе мелом.

Эти дни мало радовали нас. Изредка попадались обломки, отнесенные волнами в сторону в момент разрушения судна, и только один раз тревога заставила биться наши сердца — я нашел цилиндр. В тот день я плавал в паре с Бобом и, проходя над галечным дном, заметил странный предмет. Одна половина его была погребена под камнями, вторая выступала наружу. Я опустился, ощупал его и с радостным удивлением обнаружил, что предмет имеет цилиндрическую форму. Дальнейшие мои действия были порочными. Я оглянулся, увидел вдалеке силуэт Боба и поплыл к нему. Когда я нагнал водолаза и жестами позвал за собой, направление на цилиндр было потеряно. Ничего не найдя, мы вернулись на «Минин».

В воду опустился Николай. Направление, отмеченное в этот день шестами, было: северо-запад. Николай и Боб плавали долго. Наконец метрах в сорока из воды показалась голова в шлеме и рука, делавшая нам знаки.

— Нашли! — крикнул я.

Аркадий стоял на самом краю платформы. Лицо его побледнело.

Место обнаружения Николай и Боб отметили буйком. Мы все по очереди сплавали туда. По белому сверкающему шнуру я снова опустился на дно. Галька вокруг цилиндра была уже разрыта. Это был действительно цилиндр, но железный. В царапинах, которые сделали ножами наши товарищи, светился оранжевый тлен.

Конец цилиндра очистили от водорослей и раковин. На выпуклой крышке отчетливо проступили

головки заклепок. Это была часть вспомогательной паровой машины или насоса...

Мы собрались на палубе «Минина». Ощущение неудачи сделало нас необщительными. В тот вечер мы мало разговаривали между собой. Аркадий отказался от ужина.

Проснувшись поутру, мы заметили в море черную точку. К нам шел катер.

С Изменного подходил сейнер. Он ткнулся носом в гальку. С катера прыгнули и побрели к нам два человека. Впереди шел в торжественном голубом костюме Василий Степанович, позади него семенил маленький незаметный Белов.

*Мы находим часы, а Белов делает
из этой находки свои выводы*

Мы рассказали Белову, как идут дела. Николай взял карандаш и нарисовал на пустом почтовом конверте два камня и груды железного лома между ними.

— Вот, — сказал он, — средняя часть тут, а остального ничего нет.

— А важно бы найти, — отозвался Белов.

— И тут искали, и тут. Ничего! — Боб описал карандашом вокруг «Минина» замысловатую петлю.

— Осмотрите все дно.

— Смотрим.

Белов разложил на столе привезенную им карту, накрыл ее калькой. Тонко отточенным карандашом нарисовал в центре аккуратную восьмерку — Два Брата — и нанес черный прямоугольник — «Минин».

Он работал молча.

Описав вокруг прямоугольника радиусом сто метров круг, инспектор стал разбивать полученную фигуру на квадраты. Сторона каждого получилась у него двадцать пять метров. Его карандаш скользил

по кальке не останавливаясь. В центре каждого квадрата Белов ставил точку, писал номер и около него в скобках два числа.

— Что это? — спросил Аркадий.

— Направления. На «Минин» и на Два Брата, — объяснил я. — Пеленга.

— Нужна бочка, — сказал Белов.

— Зачем? — не понял Аркадий.

— Отмечать квадрат, в котором работаете.

Боб кивнул.

— Могу привезти. Запросто. Только отпустите к рыбакам.

— Давай...

Посещение «Минина» (мы вшестером отправились на него в тот же день) внушило Белову какую-то мысль.

Он долго ходил по платформе, заглядывал в проломы, измерял маленькой рулеткой надстройку — вернее, остатки ее стен.

— Хорошо бы найти якоря. Хотя бы один, — сказал он наконец Николаю.

— Поищем.

Пообещав вернуться в конце месяца, уехал Василий Степанович. С ним ушел на Изменный Боб.

На другой день он привез оттуда железную бочку. Ее поставили в центре первого квадрата.

Однако, когда мы на следующий день вышли в море, чтобы обследовать этот участок, бочки мы не нашли.

— А ведь была? Черт-те что! — бормотал обескураженный Боб.

Мы плавали взад-вперед.

Белов, который сидел в лодке, рядом со мной, морщился. Бесцельно бороздить море он считал вредным делом.

— Разве это бочка! — сказал он. — Темная, ржавая. Она и сейчас где-то рядом, да ее не увидишь.

Николай сплюнул...

Боб привез с Изменного три новые бочки и покрасил все три в ядовитый алый цвет.

— Вот теперь хорошо. Очень красивые бочки! — сказал Белов.

С этими дела пошли веселее. Утром приходил бот, мы грузили на него акваланги и отправлялись обследовать очередной квадрат.

Бочка находилась легко. Она красной точкой вспыхивала в темной воде, лучась подходила к борту. Бот становился около нее на якорь, и пара водолазов уходила под воду. Оставшиеся сидели на носу катера и смотрели, как всплывают из-под воды, рисуя отчетливые дорожки, пузыри. Дорожки накладывались друг на друга. Если Николай оставался наверху, он время от времени опускал под воду металлический стержень и ударял по нему молотком. Это он сообщал водолазам, что они работают в видимости катера и что все в порядке.

Если водолазы долго не слышали сигнала, они всплывали. Над водой показывался, как тюленья голова, капюшон гидрокостюма, вспыхивало стекло маски. Человек внимательно смотрел в сторону катера и снова скрывался под водой.

Несколько раз к нам наведались рыбаки, — их траулеры ловили у Изменного сайру. Они внимательно выслушивали Николая и придирчиво исследовали костюмы.

— Да ничего в них особенного нет, — раздраженно говорил Николай.

Старший из рыбаков неторопливо кивал и, продолжая вертеть в руках автомат дыхания, прикладывал ко рту загубник.

Проверив его, рыбак всегда смягчался и вступал в разговор, сообщая о «Минине» каждый раз что-нибудь новое и фантастическое.

Николай отходил, а место его занимал Аркадий. Он с удовольствием выслушивал очередную историю, доставал записную книжку и подробно заносил в нее новый рассказ.

— Что ты морочишь им головы? — спросил я его однажды, когда рыбаки ушли.

Аркадий обиделся.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал он. — Во-первых, это легенды. Страшно интересно, как одно и то же событие — гибель корабля — дает начало разным рассказам. Во-вторых, ты пропускаешь их мимо ушей, а я слушаю внимательно и вижу: есть общие моменты, подробности. Они переходят из рассказа в рассказ. Они не могут быть случайной выдумкой, они отголосок подлинных событий. Вот, например, драконы — я отвлекусь, — как ты думаешь, могли люди в разных частях земного шара без средств связи, книг, разобщенные языковыми барьерами, придумать всюду одно и то же — змееподобное существо с лапами и крыльями? Могли? Нет. То-то... Значит, на памяти людей, пусть на заре человечества, но когда уже существовала устная традиция, люди сталкивались с вымирающими ящерами. Я в этом убежден...

Шли однообразные и томительные дни поисков.

Наконец произошло событие, которое опять взволновало всех, — была сделана еще одна находка. И сделал ее самый спокойный и наблюдательный из нас.

Николай уже заканчивал осмотр своего квадрата, расположенного на этот раз точно на север от обломков, и возвращался, когда решил по пути еще раз

внимательно осмотреть дно, над которым мы проплывали неоднократно. Сидя на платформе, мы видели, как он ныряет, то и дело показываясь у поверхности воды и рассматривая поднятые со дна какие-то предметы.

Вдруг он резко повернул и поплыл прямо к нам. Остановившись около края платформы, протянул нам из воды кулак. Он разжал его, и у Аркадия вырвалось невольное восклицание.

На ладони водолаза лежало кольцо. Аркадий осторожно взял его и потер. Тускло блеснуло золото.

Над тем местом, где последний раз погружался Николай, плясал на воде маленький буюк — водолаз отметил им место находки.

Пока я разглядывал кольцо, Николай нырнул еще раз. Он пробыл под водой долго, а всплыв, положил мне в руку непонятные по назначению тонкие железные дужки и корпус часов из белого металла.

Надев акваланг, я присоединился к нему. Мы висели у самого дна вниз головами и копались в гальке. За полчаса мы нашли еще два кольца и корпус от карманных часов.

На этом находки кончились. Нас сменил Боб. Он начал искать чуть в стороне. Весь день мы, сменяя друг друга, шарили по дну. Ничего.

— Знаете, что это? — сказал Белов, когда мы вернулись вечером на остров. — Найденные вещи свалены в кучу? А место их обнаружения напоминает пятно?

— Да.

Догадка, как вспышка света, осветила для меня находку.

— Плот! — сказал я. — В этом месте перевернулся плот. Кольца и часы — это вещи, которые были на руках и в карманах у погибших.

— Конечно. Рассказ в газете правильно описывает его гибель. Очень ценная находка.

Инспектор на минуту задумался.

— Мне кажется, — сказал он, — что теперь есть смысл всерьез искать якоря. Искать вот здесь.

Он заштриховал карандашом несколько квадратов южнее «Минина».

— Мы не кончили северный сектор, — сказал Николай. — Осталось-то работы всего на день-два.

— Нет, нет. Попробуйте искать тут. — Карандаш настойчиво обвел заштрихованное пятно. — Мне кажется, оба якоря здесь.

Николай пожал плечами.

К моему великому удивлению, странное предвидение Белова оправдалось на следующий же день.

*в которой есть осьминог, еще одна находка
и отъезд Белова*

Он был такой же, как все, — день, полный утренней мороси, тумана и усталого бормотания волн.

После обеда мы с Николаем добрались шлюпкой до «Минина», надели костюмы, забросили за спину баллоны. Зеленая полутьма сомкнулась над головами, светлое дно поднялось навстречу. Николай плыл у самого дна, я — выше и сзади.

Нас торопила погода. По ночам красный столбик термометра опускался уже до пяти градусов. Ветер, который приходил с востока, становился с каждым днем все резче.

Смутные, едва различимые тени бродили под нами. Иногда Николай останавливался, повисал вниз головой и начинал что-то рассматривать. Когда, трогая дно, он поворачивал руки ладонями вверх, в воде вспыхивало слабое розовое сияние.

Мы плыли по компасу на юго-восток в квадрат номер девять, где утром Боб обнаружил на дне какой-то подозрительный предмет. Мы нашли буюк, поставленный им, и по тросику, на котором болтался белый пенопластовый поплавок, опустили на дно. Битая

галька, перемешанная с черным песком, местами поросла голубыми пушистыми водорослями. Даже ежей, обычных ежей с длинными фиолетовыми иглами не было здесь. Не было рыб. Один только свет, слабый и рассеянный, лился сверху на нас.

Около якоря, на котором стоял буюк, из гальки торчал, наклонно возвышаясь, металлический брус. Мы ощупали его. Ржавое железо поросло мелкими черными мидиями. Николай ухватился за брус и, отстегнув от пояса нож, начал ковырять дно. Я последовал его примеру.

Мы разрыхлили песок, прокопали в нем канавку и нашли лист железа, соединенный с брусом. Это не могло быть якорем. Это была часть обшивки.

Я поплыл в сторону. Ровное, скучное галечное поле по-прежнему расстилалось передо мной. Изредка попадались серые валуны, поросшие желтоватыми водорослями. Фиолетовые звезды неподвижно лежали на них.

И снова галечная осыпка, утомительно однообразная и лишенная жизни. Впереди сгущалась лиловатая дымка — дно опускалось, цвет воды становился мрачным.

Внизу замелькали робкие тени — стали попадаться рыбы. И вдруг прямо перед собой я увидел странную фигуру. Она была похожа на диковинный гриб. Вода увеличивала ее, делая зыбкой и неустойчивой.

Два внимательных глаза уставились на меня. Это был осьминог.

Животное стояло, опираясь ногами о дно, держась за камни, высоко задрав пульсирующий мягкий живот. Черные зрачки внимательно следили за мной.

Я застыл на месте, раскинув широко в стороны руки, с урчанием выпуская воздух из легочного автомата.

Моя неподвижность успокоила животное. Осьминог не бросился наутек, а стал отступать боком, не поворачиваясь и не спуская с меня взгляда широко раскрытых глаз.

Он уходил на цыпочках, каждый раз высоко поднимая щупальце и переноса его вперед. Прежде чем поставить ногу, он прикасался кончиком ее ко дну, находил устойчивый камень и только тогда присасывался. Затем наступала очередь следующей ноги.

Пританцовывая, животное удалялось от меня.

Я сделал несколько движений ластами. Колебания воды встревожили головоногого. Осьминог покраснел. На коже его появились бурые пятна. Он набрал внутрь себя воды, толкнулся ногами, выбросил струю и поплыл. Восемь щупальцев сложились в плеть. Размахивая ею, животное стало удаляться. Оно плыло, ритмично сокращая тело, набирая в себя воду и выталкивая ее. Оно раздувалось и сокращалось, как трепетное сильное сердце на зеленом экране рентгеновского аппарата.

Осьминог плыл по большой пологой дуге. Два черных, окруженных морщинками, глаза непрерывно следили за мной.

Я решил было следовать за ним, как вдруг кто-то ухватил меня за ногу. Холодный ужас свел судорогой мышцы. Я обернулся. Позади меня парил в воде Николай. Он парил, как большая черная птица, и устойчиво показывал вниз.

Повинуясь его жесту, я наклонил голову и увидел под собой полузанесенное песком веретено якоря. Сомнений быть не могло: изогнутый шток, бугристое, покрытое мидиями железо, полукруглая скоба.

Мы опустились, и наше внимание сразу же привлек небольшой бугор. Я ковырнул его ножом. Тупой,

сточенный временем носок якорной лапы показался из-под песка.

Николай снял с пояса пенопластовый поплавок и привязал его к веретену, затем взял мой манометр, болтавшийся на резиновой трубке, и поднес его к глазам. Белый сектор, заменявший стрелку, был сдвинут левее цифры десять. Воздуху оставалось едва-едва. Николай тревожно махнул рукой. Испуганный, я начал всплывать.

Мы двигались, то и дело сверяя направление с компасом, постепенно уменьшая глубину. Наконец мы всплыли.

Я осмотрелся. Серое ослепительное небо сияло над нашими головами. Вдали была видна расщепленная вершина Двух Братьев. Прямо перед нами чернел «Минин». Воздух из баллона уже шел с трудом — мне не хватало его. Я закашлялся, с хрипом попытался вдохнуть изо всех сил, спазма перехватила горло. Я потерял загубник, судорожно хватил губами свежий воздух — он хлынул в легкие пополам с водой.

Красные круги пошли перед глазами. Я стал биться. Сильная рука подхватила меня...

Когда я пришел в себя, Николай поддерживал меня за подбородок. Молча, одними глазами он спросил: «Ну, как?» Я кивнул. Мы медленно подплыли к «Минину» и вскарабкались на платформу.

— Что так долго? — спросил Аркадий.

— Мы нашли якорь.

— Да ну?!

Николай не торопясь снял акваланг. Я развязал пояс — с грохотом упал свинцовый груз — Николай поднял его.

— Мало их, — сказал он про грузики. — Беречь надо... Да, нашли.

Вечером, когда мы собрались в палатке, Николай развернул схему и в заштрихованном квадрате южнее «Минина» нарисовал маленький якорек.

— Итак, что это нам дает? — спросил Аркадий.

Белов не ответил. Он смотрел на схему, по-птичьим наклонив голову набок.

— Я съезжу на Шикотан, — сказал он. — Нужно посмотреть «Аян».

Боб с Николаем переглянулись.

— А нам что делать? Искать?

Еще не были обследованы семь квадратов.

— Искать, — сказал инспектор. — Впрочем, вот в этих теперь можно не смотреть. — Он зачеркнул легкими крестами все квадраты, не соприкасающиеся с «Мининым».

— Если не задует, — сказал Боб, — это нам на три дня.

— Я скоро вернусь, — сказал Белов. — Я поставлюсь через два дня вернуться.

— Зачем вы едете? — спросил Аркадий. — Вы о чем-то догадываетесь? У вас есть план?

Белов нехотя потер руку об руку.

— Н-не знаю, — сказал он. — Может быть.

На следующее утро мы с Аркадием стояли на берегу и смотрели, как ныряет, перебираясь с волны на волну, маленькая лодочка, увозившая Белова на сейнер.

— Черт его знает, — сказал Аркадий. — Зачем ему «Аян»? Я перестаю понимать. Он не морочит нам голову с этой поездкой?

— Не думаю. Но его отъезд ничего не меняет.

Мы вернулись к палатке. У подножия скалы горел костер. Низкий дым стлался над самой галькой. На огне стоял чугун. В нем klokотала вода. Боб варил картошку.

— Рыбы организовать надо, — сказал он. — Я с Григорьевым было поладил, да у него одни черви-трепанги.

Мы сели около костра и стали ждать завтрак.

— Давно не был в бане, — сказал Боб. — Банька! С паром. А потом пиво. Говорят, приходила «Якутия», так в Южно-Курильске всё «Сенатор» пили.

В эти два дня мы закончили осматривать дно около «Минина». Ничего заслуживающего внимания найдено не было. На половине пути от якоря к платформе Николай нашел торчащий из камней обрывок якорной цепи. Видно, когда пароход тащило на камни, стальные звенья не выдержали тяжести судна и цепь лопнула сразу в нескольких местах. Второй якорь исчез.

Закончив осмотр, мы стали ждать возвращения Белова.

Белов не вернулся.

Вместо него к исходу третьего дня пришла радиограмма. Ее привез Матевосян.

В каракули, которыми радист Изменного записал принятый от Шикотана текст, мы всматривались по очереди. То, что сообщал Белов, повергло всех в удивление:

«СРОЧНО ВЫЗВАН ВЛАДИВОСТОК. БУДЕТЕ ВЗРЫВАТЬ, ПРИКРЕПИТЕ ЗАРЯД ЛЕВОГО БОРТА ТРЕХ МЕТРАХ ПОВЕРХНОСТИ. ПРОВЕРЬТЕ ОТСЕК БЛИЖАЙШИЙ ВЗРЫВУ. БЕЛОВ».

— Какая-то чепуха! — сказал Аркадий.

Николай перечитал текст.

— Черт его знает! С чего он взял, что искать надо там?

Боб присвистнул.

— Чудак! Говорят, он был знаменитым штурманом. И плохим капитаном. А заметили, какие у него глаза? Вроде смотрит на тебя и не смотрит. Внутрь глаза. Во!

— Так что же делать?

Мы с Аркадием переглянулись.

— По-моему, надо рвать, — сказал я. — Заряды есть. Если Белов пишет, значит у него есть на то основания...

— Как прикажете, — сказал Николай.

— Шандарахнем?

Боб ликовал.

Решили взрывать.

Рвали на следующий день.

Николай и Боб прикрепили под водой к корпусу «Минина» толовые шашки, протянули провода наверх.

Катер стоял в стороне на якоре. Тонкие оранжевые проволоочки, избежав из-под воды на палубу, кончались у подрывной машинки. Около нее, держа в руках ключ, сидел Аркадий.

Я, одетый в гидрокостюм, с аквалангом за плечами, ждал в резиновой шлюпке.

Николай и Боб поднялись на палубу.

— На борту сиди, на воздухе, — посоветовал мне, перегибаясь через поручни катера, Боб. — А то схватишь по хребту.

Я пересел. И тотчас, как хлыстом по воде, ударил двойной взрыв.

Затем, глухо и резко, еще один.

— Теперь всё, — сказал Николай. — Кинулись!

Мы с Николаем опустились под воду.

Серебристые облачки пузырей клубились в коричневой груди железных полос и балок.

Николай подплыл к борту. В нем зияло отверстие... Кусок железа, который преграждал вход внутрь машинного отделения, отвалился, однако открывшаяся пробоина была завалена изнутри сплетением труб. Николай потрогал их, примерился, сунул внутрь парохода фонарик, осветил, попробовал осторожно пройти в пролом. Я держал руку на вентиле его бал-

лона, и, когда Николай просунул плечи внутрь, баллон прижал мою ладонь к балке. Николай, почувствовав сопротивление, подался назад.

Я показал ему — никак!

Он подумал, протянул мне фонарик и начал растегивать пояс.

Я смотрел, ничего не понимая. Он сделал глубокий вдох, вынул изо рта загубник и сбросил акваланг. Я подвинулся к нему. Взяв загубник в рот и держа акваланг перед собой в вытянутых руках, Николай осторожно приблизился к пролому. Бережно толкая баллон перед собой, он начал пролезать внутрь судна. Черная пробоина поглотила его. Я повис на железном листе, просунул внутрь пролома руку с фонариком и начал светить. Слабая шевелящаяся тень медленно двигалась впереди. Скоро она исчезла.

Я ждал. Время казалось мне убийцей.

Наконец в слабом укороченном луче фонаря зажелтело какое-то пятно. Оно приблизилось, выплыло из полутьмы и превратилось в белое округлое дно баллона. Затем показались пальцы руки. Я отплыл в сторону. Вслед за аквалангом из пробоины показался Николай. Не надевая баллон, он поплыл вверх. Мы всплыли одновременно. Я первый увидел шлюпку и потянул Николая за плечо, указывая к ней путь.

Около шлюпки мы остановились. Чьи-то руки приняли у Николая акваланг, он вылез из воды первым, я — вторым.

— Ну? — нетерпеливо спросил Аркадий. — Так что? Ну?

— Что-то есть, — тяжело дыша, сказал Николай. Воцарилось молчание.

— Ч-ч-что?

— Что-то есть. Какой-то цилиндр. Может, часть машины? Он сразу у пробоины и крепко зажат.

Происходящее начало казаться мне сном. После стольких недель поисков... Первый взрыв и сразу же... Как мог узнать Белов, где находится пенал? Хотя, может быть, это и верно — всего лишь цилиндр или кусок трубы?

— Где он лежит?

— Там выгородка такая. Тамбур, площадка трапа. Стенки перекорежены. А на полу лежит вот такое...

Николай мокрым пальцем нарисовал на резиновом борту шлюпки длинный предмет.

— В диаметре сантиметров двадцать, — сказал он. — Но я говорю: может, это труба. Виден только торец.

Мы вернулись на остров и обнаружили, что неисправен компрессор.

— Надо ехать на Изменный. Чинить. Только тогда... — Николай угрюмо посмотрел на нас.

— Я поеду, — сказал Боб. — Терпели полмесяца, потерпите еще.

Эти дни показались нам с Аркадием вечностью. Компрессор привезли, и мы снова начали работать. Мы работали теперь в три смены. Один водолаз смеял другого.

Ухудшалась погода. Нам не хватало дней.

С юга от берегов Хонсю шел шторм. Извещение о нем привез на остров Матевосян.

— Понимаешь, — сказал он, — в прошлом году тоже тайфун был. Так в бухте все перевернуло. Здесь, на острове, вас смоем. Ничего не оставит. Торопиться надо!

Мы стали торопиться. Матевосян прислал Григорьева с катером. Мы рискнули, провели катер между камней, поставили у «Минина» и все спуски стали делать с него. Вода становилась все холоднее. Человека, который поднялся на поверхность и снял

акваланг, растирали спиртом и заворачивали в два одеяла.

Под водой пилили железо. Несколько раз мы решились пустить в ход тол. Взрывали маленькие кубики — желтые, как яичное мыло. После каждого взрыва опускался Николай. Мы ждали его с замиранием сердца. Все обошлось благополучно.

— Лежит, — говорил он, подняв маску на лоб и стараясь удержать голову над водой. — Лежит, а не возьмешь.

Наконец однажды он вынырнул и сказал:

— Можно поднимать!

За борт опустили два тонких стальных троса с петлями и металлическими карабинами. Укрепляли их Николай и Боб. Возились долго. Отогреваясь на палубе катера, Николай рисовал нам систему креплений. Он опутывал загадочный цилиндр, как паук жертву. Он пеленал его со страстью и безумной мнительностью матери. Несколько раз он мастерил на катере из обрывков пеньковых веревок мягкие петли-удавки и уносил их с собой под воду.

— Еще вот так прихватил, — говорил он, добавляя к рисунку изогнутую линию. — И тут, для страховки...

Поднимали вечером. Погода хмурилась. На юге, над непроницаемым горизонтом, сгущалась синева. Серое ватное небо наливалось чернью. Заходило невидимое солнце.

Мы стояли у борта катера, наклонясь, ожидая, когда на поверхность выскочит белый буюк, который унес с собою под воду Николай. Это будет сигнал к подъему.

Буюк выскочил внезапно, заиграл, заплясал на маслянистой воде. Мы расхватили стальные концы, обвернули ладони тряпками, по команде Боба стали тащить.

Сначала тросы шли легко — выбиралась слабина, — потом остановились. Боб скомандовал: «Два — взяли!», и, упираясь, преодолевая сопротивление невидимого груза, мы начали подъем. Трос был не новый, саднило ладони. Розовая струйка показалась у меня на руке.

Мы тащили, кряхтя, переругиваясь и топчась на скользкой палубе. Мы вели себя, как стадо коров около узкой кормушки.

— Скоро там? — не выдержав, спросил я.

Боб озлобленно посмотрел на меня через плечо:

— Тяни!

— Вижу! — закричал Аркадий. — Идет!

Он ошибся. Всплывал аквалангист. Он выскочил на поверхность, замахал руками, сорвал с лица маску и крикнул:

— Стой!

Укрепив маску на лице, он снова скрылся под водой. На месте его исчезновения дружно всплыли белые грибовидные пузыри.

Мы держали эту проклятую тяжесть на весу с полчаса.

Наконец Николай снова всплыл, устало сказал:

— Давай! — и погрузился.

Мы работали с тупым упорством галерных гребцов. Мы перебирали жесткие петли троса и укладывали их на палубу.

— Вот он! — снова сказал Аркадий.

На этот раз никто не отозвался. Все видели: из глубины в дробном облаке пузырей медленно поднимается расплывчатое темное пятно. Оно шевелилось, разделялось на части и соединялось вновь. Заблестели белые пятна воздушных баллонов, замелькали голубые ласты. Поддерживая руками что-то длинное и бесформенное, всплыл человек.

Он терся у борта катера, поддерживая опутанный тросами груз, отводил его от борта, сам остерегаясь удара.

— Раз-два — взяли! — скомандовал Боб.

Груз вышел из воды, превратился в длинный, опутанный тросами и зелеными водорослями, поросший ракушками цилиндр, потяжелел и остановился. Как мы ни бились, он только покачивался, глухо ударялся о борт, но дальше вверх идти не хотел.

— Мы просто устали, надо отдохнуть, — сказал, отдуваясь, Аркадий. — Такой пенал не может быть чересчур тяжелым — его ведь носили с места на место.

Остановив тросы, перегнув и закрепив их, мы сели отдыхать.

— Долго вы там? — крикнул Николай из воды.

— Сейчас...

Мы снова разобрали тросы, ухватились поплотнее, уперлись, стали плечом к плечу, потянули. Груз, ударяясь о борт, легко пошел вверх, остановился у среза платформы, приподнялся над ним, перевалился, с грохотом обрушился на палубу и замер.

Мы молча расселись вокруг.

Николай вышел из воды.

Черная туча обняла полнеба. Флаг на мачте трещал и рвался. В вантах начинал тонко петь ветер.

— Надо уходить, — крикнул Григорьев с катера, — скоро начнется. Хорошо, если успеем дойти.

Мы успели. Не заходя на островок — там оставалась одна кухня, — мы направили катер к Изменному. Мы шли, тарахтя мотором, раскачиваясь и ловя звуки надвигающегося ненастья. К исходу второго часа черные мысы встали перед носом катера. Нас уже болтало. Белые вспышки пены мигали у подножия скал. Волны догоняли нас, поднимали корму, клали катер на один борт, на второй, уходя, обгоняли,

высоко задирали катерный нос. В вантах нетерпеливо, угрожающе непрерывно гудел ветер.

Наконец мы вошли в темную пасть бухты. Впереди вспыхнули дробные огоньки поселка. Они горели спокойно и уверенно. В корму ударило. Хлесткий сноп брызг, пролетев над палубой, окатил наши спины.

— Ушли, — сказал Григорьев. — Теперь-то что!

Показался причал. Одинокая черная фигура стояла на нем. Человек держал руки в карманах, воротник его пальто был поднят.

— Василий! Смотри — Василий! — сказал мне Аркадий. — Приехал-таки. Вот молодец!

Катер, работая мотором назад, гася инерцию, медленно подходил к причалу.

Над нашими головами исчезали звезды. Невидимая туча, наползая, закрывала их...

Шторм продолжался четыре дня. Желтые пенные валы один за другим входили в бухту. От непрерывных их ударов о скалы стоял гул. Дождь лил беспрестанно, то усиливаясь, то ослабевая. Ручьи вздулись и вышли из берегов. Шумя и вздрагивая, вода билась о стволы деревьев. Один из сараев, подмытый, рухнул, и вода, разобрав его по доске, унесла в бухту.

Ветер выл ровно и безнадежно; усиливаясь, он переходил в свист, и тогда все остальные звуки исчезали, уступая ему. Не было ничего — только этот бесконечно ликующий свист, не оставляющий надежд.

В полдень от пирса оторвало бот. Его долго носило по бухте, пока не выбросило на камни у входного мыса. Мы побежали туда с рыбаками и, стоя по пояс в воде под холодными брызгами, держась руками за холодные мокрые камни, передавали друг другу вещи, которые снимали с бота Матевосян с двумя водолазами.

Катер сидел прочно, с каждым ударом все глубже уходя в расселину между камнями. Волны то и дело накрывали его палубу.

Стоя на ней, сотрясаемые ударами воды, рыбаки сняли телефон, компасы, отличительные огни. Прежде чем катер развалился, они успели вытащить аккумуляторы и унести рацию.

Когда корпус стал трещать и распадаться, люди покинули судно. В поселок шагали молча. Каждый думал о своем. Мокрые струи текли по нашим плечам, лица были сырыми...

— Неприятность? — спросил Аркадий бригадира. Тот кивнул.

— Может, мне сказать в Южно-Курильске? Мол, был при этом, видел. Отметить героизм...

Матевосян насмешливо посмотрел на него.

Вечером того же дня мы открывали поднятый с «Минина» цилиндр. Когда лезвие ножа, которым Николай счищал налет водорослей и сбивал пласт раковин, уперлось в какую-то неровность, все затихли. Нож уверенно открывал место кольцевого стыка.

— Крышка! Во гад! — свистящим шепотом сказал Боб.

Николай осторожно надавил на рукоять. Лезвие финки, повинуясь руке, углубляясь в поверхность цилиндра, отделило лепесток металла. Тусклый свинцовый блеск возник на месте ущерб.

— Это пенал, — сказал Аркадий. — Друзья мои, это пенал!

В сарае, где мы сидели, наступило молчание. Свист и рев ветра исчезли. Немая тишина грохотала над нашими головами.

— Будем вскрывать, — сказал Василий Степанович.

Очистив цилиндр и уложив его на кусок брезента, мы внимательно рассмотрели находку. Это был действительно пенал — металлический пенал, местами

покрытый тонким слоем свинца. Он состоял из двух половин. Свинец в месте соединения был искусно раскатан и закрывал щель впотай. Остатки разорванных ушек, вероятно, предназначались для замка.

Николай стал осторожно резать свинец кончиком ножа. Узкая голубая полоска отходила, открывая щель в месте соединения крышки с пеналом. Пенал перевернули и поставили на попа. Стали тянуть крышку вверх. Она поддалась не сразу. Покачали — она нехотя поползла. Из открывшегося отверстия пахнуло прелью. Показался матерчатый истлевший чехол.

— Это сверток, — едва выдавил из себя Аркадий. — Осторожно, ради всего святого, осторожно!

Пенал снова положили на бок. Из него бережно вытащили сверток, зашитый в холст.

Василий Степанович вынул перочинный нож и аккуратно подпорол материю. Она с треском, источая желтую пыль, распалась. Показались края бумажных листов. Листы были скатаны в рулон.

— Стойте, — сказал Василий Степанович, — надо фотографировать. И сразу составлять акт. Я смотрел инструкцию.

Я поднял аппарат и стал снимать. Сухие, беззвучные выстрелы лампы-вспышки заставляли всех цепенеть. Из пенала один за другим извлекались карты, хрупкие листы документов с коричневыми неровными краями. Выпала тетрадь.

— Вот она! — сказал Аркадий и бережно поднял ее.

— «Версия господина Соболевского относительно русских поселений в Америке». Название почему-то зачеркнуто. Под ним — «Черновая запись для журнала „Русское историческое обозрение“», тоже зачеркнуто. — Он перелистал тетрадь. — Прочсть будет нелегко — это черновик.

Стали по одному снимать документы, раскладывая их на сером листе газеты.

— Какие карты! — сказал Аркадий. — Вот этой самое малое двести лет.

— Здесь написано «Нипон», — сказал Боб.

— Япония... А на этой карте карандашом — курсы. Чье-то плавание с Камчатки на Сахалин.

— Какой год? — спросил Василий Степанович.

— Тысяча восемьсот двадцать второй. Время Крузенштерна и Головнина. Не очень старая карта.

— Ничего. Соболевский цену ей знал.

— Вот предписание, — сказал я. — «Предлагаю отправиться...» А это вообще не прочитать.

— Дай-ка! — Аркадий взял у меня из рук ветхий листок. — Письмо семнадцатого века, челобитная царю Алексею Михайловичу.

— Аркадий, а что, если это «сказки»? — пробормотал я. — Помнишь Публичную библиотеку? Мы готовились тогда к поездке...

— Помню... Всё?

— Всё. Больше ничего нет.

Пенал перевернули. Еще два тронутых плесенью листка беззвучно упали на деревянный пол. Аркадий поднял их и подал Николаю. Тот поднес листки к свету, начал читать, морща лоб, шевеля губами.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Листовки девятьсот двадцать второго года. Вот посмотрите.

Поднесли свечу и при ее неверном колеблющемся свете прочли одну за другой испорченные временем бумаги.

«Товарищи командиры, комиссары и бойцы Народно-революционной армии. Сегодня в ночь вам придется отойти на несколько верст и с японцами в бой не вступать. Народно-революционная армия не хочет

войны с японским народом. Она борется во имя мирной жизни...»

Далее текст приказа был неразличим, сохранился только конец:

«Товарищи! Держите крепче винтовку в руках и ждите дальнейших приказаний.

*Главнокомандующий Народно-революционной
армии Уборевич И. П.».*

Во второй листовке было:

«Граждане города Владивостока!
Товарищи и братья!

Близок час освобождения. Народно-революционная армия стоит у ворот города. Еще несколько дней, и она победоносно вступит на его улицы. Презренные захватчики, интервенты, много месяцев топтавшие землю Приморья, и остатки разбитой белой армии бегут. Уходя, они стараются посеять панику, вывезти с собой как можно больше ценностей, машин, продовольствия, принадлежащих народу.

Не поддавайтесь панике! В городе не предполагаются бои. Не помогайте интервентам и белогвардейцам, не разрешайте им грузить на пароходы оборудование и продовольствие.

Сохраняйте революционный порядок.

Час освобождения настает...»

— Ничего не понимаю, — сказал Николай, — откуда эти листовки?

Я засмеялся.

— Прилепа! — сказал я. — Ну конечно, это листовки Прилепы. Он вытащил пачку, а две остались. Представляешь, Аркадий, какую панику могла наде-

лать такая находка среди историков? Листовки девятьсот двадцать второго года в документах восемнадцатого века. Мрак!

Василий Степанович тоже улыбнулся.

— Да-а... А знаете, — сказал он, — этот приказ я где-то читал. Подлинный приказ Уборевича.

— И все-таки меня поражает Белов, — сказал Аркадий. — Откуда он мог узнать, где лежит пенал? Я напишу ему из Ленинграда. Если не ответит — поеду во Владивосток.

— Может быть, он нашел на «Аяне» какой-нибудь документ? — осторожно спросил Василий Степанович.

— Верно. Не зря же он уехал смотреть «Аян». Он знал, что там есть ключ. Только какой?

Я развел руками.

Мы бережно сложили карты и бумаги обратно в чехол. Отдельно спрятали листовки. Пенал закрыли. Василий Степанович сел писать акт. Водолазы разошлись. Мы с Аркадием остались следить, как неторопливо выводит рука директора музея на тетрадном листе слова, означающие успех.

Шторм утих только на седьмой день. Небо прояснилось, но море между Изменным и Двумя Братями все еще было покрыто желтыми пятнами. Мелкие чешуйчатые волны двигались на восток. Мы упросили Григорьева и пошли с ним на остров.

Два Брата. Потоки дождя и волны не оставили здесь на месте ни одного камня. Там, где стояли наши палатки, лежал пласт мокрой гальки, от мачты не осталось даже основания. Нигде ни щепки, ни клочка бумаги...

Мы стали на якорь недалеко от «Минина», и два аквалангиста ушли под воду. Темная дорожка потревоженной воды — след всплывающих пузырей — протянулась к обломкам парохода.

Николай и Боб пробыли у «Минина» недолго. Светлые, всплывающие из глубины тарелочки воздуха появились у катера. Две головы одновременно показались на поверхности. Водолазы подплыли к трапу; роняя капли воды, поднялись на палубу, сняли маски.

— Нет, — сказал Николай. — Ничего там больше нет.

— Как ничего? — спросил Аркадий. — Ведь пароход остался?

— Того, что было, нет. Все рухнуло. Провалилось. Еще один такой шторм — и хана. Нам повезло — успели!

— Есть прогноз. Послезавтра опять задует, — сказал Григорьев. — Если за эти два дня не уйдете на Кунашир — можете остаться на полмесяца. Осень! Тут как заштормит...

Мы уходили с Изменного утром следующего дня. Ночью неожиданно ударили заморозки. Белые пятна инея таяли на склонах кальдеры. В зеленой листве у подножия горы пробивалась первая желтизна. Море изменило цвет. Суровая стальная вода лежала глыбой до горизонта. Солнце поднималось, и вода наливалась чернью. По небу ползли когтистые облачка. Обманчивая тишина уступала место предвестникам непогоды.

Катер уходил от поселка.

Держа в руках вязаные шапочки, на пирсе стояли Матевосян и Григорьев. Оба молчали. Когда катер развернулся посреди бухты, Матевосян вяло помахал нам рукой.

Мы вышли в океан и легли курсом на мыс Весло.

Синие вершины Кунашира медленно поднимались из воды. Нескончаемо длинный остров наступал на нас. Мы шли к его водопадам, к вулкану Тятя. Через несколько дней пассажирский самолет должен был поднять нас в воздух, возвращая городу на Неве.

На этот раз в Южно-Курильске нас поместили в гостиницу. Гостиница была маленькая, со скрипучими полами и русской печью в конце недлинного коридора.

Мы купили билеты и стали ждать самолет. Аркадий целыми днями не выходил из номера. Он взял у Василия Степановича тетрадь Соболевского, сидел на плоской койке, застеленной верблюжьим одеялом, и, шевеля губами, с натугой читал.

Был яркий осенний день. За окном стремительно двигались удлиненные, со скошенными краями облака.

По приглашению Аркадия мы собрались в номере: Василий Степанович, Николай, я и Боб.

— Я прочел тетрадь, — сказал, обращаясь к нам, Аркадий. — Это черновая тетрадь, и местами текст ее очень труден. Это наброски к большой статье, которую начал, а может быть, и закончил писать в каком-то другом месте Соболевский. Помимо его текста тетрадь содержит выписки из документов, которые автор привлек для доказательства своих мыслей. Надо признаться, что он был упорный человек и

недаром потратил столько лет. Не удивительно почти полное отсутствие у него печатных работ. Итак, я начинаю читать. Я буду читать все подряд, и только там, где текст станет бессвязным, постараюсь дать объяснения.

Он откашлялся, потер рукой воспаленные глаза и повернул листы тетради к свету.

— Первые страницы представляют собой изложение известного письма монаха Германа о слухах, которые дошли до него на Аляске и которые касались затерянной в юконских лесах русской колонии.

Далее следуют записи, касающиеся сообщения, доставленного в Россию сотником Иваном Кобелевым. Оно известно тоже.

Затем начинается текст, принадлежащий самому Соболевскому.

«Как известно, — пишет он, — двадцатого июня тысяча шестьсот сорок восьмого года из Нижне-Колымска вышли в море семь кочей и был начат беспрецедентный в истории полярного моря поход горстки казаков под водительством Семена Дежнева с Колымы на Анадырь.

Двадцатого сентября того же года кочи миновали каменный мыс, легендарный Табин древних, место, где Азия сходится с Америкой на наикратчайшее расстояние. Если плавание проходило в ясную погоду, то казаки не могли не увидеть белые, похожие по свидетельству всех очевидцев на зубы дракона, горы Аляски.

В тот же день налетевшим штормом был разбит коч, на котором шли люди Герасима Анкудинова, заклятого неприятеля Дежнева. Однако благородный казак, не бросив в беде соплеменников, приказал взять их на другие кочи, и шесть хрупких судов продолжили поход.

Счастье изменило отважным мореплавателям. Одна буря за другой обрушиваются на их суда, и вскоре Дежнев остается с двумя последними кочами. Но и они были выброшены на берег, и только двадцать пять человек закончили на Анадыре трудный поход.

Судьба остальных, без малого семидесяти казаков, осталась неизвестной...»

Один коч или, во всяком случае, его команда во главе с Федотом Алексеевым, — заметил Аркадий, — достигла Камчатки. Это установлено точно. Люди там со временем умерли, но свидетельства их пребывания найдены.

«...Первое предположение, которое приходит в голову всякому, кто знакомится с письмами Германа, состоит в том, что люди, основавшие первое поселение на Аляске, были счастливо спасшиеся казаки с кочей Дежнева. Убеждает в этом и число судов — семь, и маршрут — Колыма — Анадырь, и упоминание о церкви, построенной путешественниками в Анадыре. Действительно, именно Дежнев построил там первые острог и церковь.

Заманчивое это предположение покорило и меня, когда я впервые соприкоснулся с загадкой.

Однако долгие размышления над письмами и донесением сотника породили сомнения.

...Ко времени путешествия Кобелева (тысяча семьсот семьдесят девятый год) или Германа (тысяча семьсот девяносто четвертый год) существование поселения, в котором жили бы дети дежневцев, владеющие грамотой, читающие книги и прочее, становится невероятным.

Смены трех-четырех поколений в те времена было достаточно для полного забвения грамотности или пропажи к ней интереса.

Кроме того, предприимчивые казаки постарались бы и на новом месте построить или починить кочи и уйти назад на Чукотку с вестью о новом богатом крае, каким представляется лесная Аляска по сравнению с каменной чукотской тундрой. Спутники Дежнева были в душе своей не колонистами, а завоевателями-землепроходцами. «Читают книги, пишут, поклоняются иконам...» — это, конечно, не дежневцы. «Всего у них довольно, кроме одного железа» — так можно писать только о рачительных переселенцах. У потомков людей, выброшенных на берег сто лет назад, «всего вдоволь» быть не могло.

Отсюда напрашивается вывод, что люди, упоминаемые Германом и Кобелевым, — не дежневцы.

Однако, рассматривая письменные свидетельства о плаваниях на Аляску в прошлом веке, я обнаружил следующее удивительное явление. Начиная с похода Федорова и Гвоздева в тысяча семьсот тридцать втором году, на котором подробно я остановлюсь ниже, начинается магия имен. Историки начинают следить за именитыми мореплавателями, бережно сохраняя для нас высокие фамилии Чирикова, Беринга, Евреинова, Шпанберга... О тех же, кто на самодельных дощаниках или ботах уплывал в океан из Колымы, или Анадыря, или Камчатки, никто более не пишет и судьбы их не прослеживает.

А ведь на Алеутских островах первые русские зверо-бои были в пятидесятых годах. Около семьсот шестидесятого года их корабли уже плавали к побережью Аляски. На Большой земле Америки зимовали в семьсот шестьдесят первом — шестьдесят втором году промышленники иркутского купца Бичевнина. В том же шестьдесят втором году корабли русских промышленников под начальством мореходов Дружинина и Медведева были разбиты и сожжены алеутами

после случайных ссор и стычек. Судьба людей с них, за малым исключением, неизвестна. Не говоря уже о пропавшей шлюпке с корабля Чирикова «Святой Петр». Пятнадцать человек во главе с боцманматом Дементьевым, уйдя в июле семьсот сорок первого года в глубину залива, у которого остановился корабль, не вернулись...

Таковы были факты. Им не хватало стройности, чтобы прийти в систему и образовать одну непрерывную цепочку от горемычных спутников Дежнева до современников Германа. Я стал искать недостающие звенья, веря, что рано или поздно найду их. Наконец после многих лет поисков мне, кажется, это удалось.

Для разъяснения, однако, необходимо вернуться к славной и несчастной экспедиции тысяча семьсот тридцать второго года. Само по себе плавание подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михаила Гвоздева на боте «Святой Гавриил» — явление замечательное. Мореплаватели имели предписание «идти к Анадырскому устью и от Анадырского Носа к так называемой Большой земле, где провести, сколько островов, какие на них люди, и вновь приискивать и ясак брать, с коих сбору не бывало».

Экспедицией должен был командовать некто штурман Генс. Но он к моменту начала экспедиции ослеп. Федоров тоже лежал больной цингой, страдая от ран на ногах. По приказу Генса Федорова насильно перенесли на бот и двадцать третьего июля тысяча семьсот тридцать второго года «Гавриил» вышел из Большерецка. Обойдя мыс Лопатку, бот третьего августа пришел к Анадырскому Носу, от которого двинулся далее, и пятого августа был уже у Чукотского Носа (т. е. у мыса Дежнева).

И вот наконец двадцать первого августа, как пишет Гвоздев:

«...подняли якорь, паруса распустили, и пошли к Большой земле, и пришли к оной земле, и стали на якорь, и против того на земле жилищ никаких не значилось. И подштурман Иван Федоров приказал поднять якорь, и пошли подле земли к южному концу и от южного конца к западной стороне видели юрты жилые».

Так совершилось открытие северо-западной оконечности Америки.

«Гавриил» шел подле земли, потом возвратился назад на север. Как сообщал потом один из участников экспедиции, берег слагался из желтого песка, а за ним были видны лес лиственничный, ельник и тополь...

Это был, скорее всего, мыс принца Уэльского.

Совершив свое удивительное плавание, «Гавриил» вернулся на Камчатку. Но вскоре после этого слабый здоровьем Федоров в феврале тысяча семьсот тридцать третьего умер. Михайло Гвоздев отослал свой «Морской диурнал или лагбук» в Охотское правление. Карт к журналу он почему-то не приложил и до сорока первого года скромно молчал о своих путешествиях, и только участники экспедиции Беринга, разыскав его, получили документы плавания, в том числе список лагбука Федорова. Свои объяснения Гвоздев писал дважды в виде «рапортов», которые требовались: в тысяча семьсот сорок первом году Берингу, в сорок третьем году — Шпанбергу, то есть начальникам Сибирско-тихоокеанской экспедиции.

Документы, переданные им Шпанбергу, считались утраченными. Но, разбирая в частном собрании личные записи одного из участников экспедиции, я обнаружил листки «Экстракта, выбранного из лагбука руки подштурмана флота Ивана Федорова капитану Мартыну Шпанбергу для собственной его памяти»,

а среди них запись, сделанную иным почерком и на отличной по цвету бумаге. Запись эта не могла не привлечь моего внимания. Вот она:

«...августа 22 числа вдругорядь приезжал в кухте иноземный чукча и оной же чукча сказывал через толмача, что на Большой острову не раз русские люди за морским зверем ходили, а родники его чукчины ушли с теми людьми из Нова города на реку Хеуверен, где жительство русские люди имеют издавна от Ерасима».

Толмач — это переводчик, кухта — байдара, река Хеуверен — Юкон.

Что это за листок? Как он попал в «Экстракт»? Может ли считаться его частью? Этим вопросам посвятил я несколько лет, о чем расскажу ниже. Соединяя его со свидетельствами Германа и рассказом Кобелева, могу, однако, утверждать, что первыми поселенцами на Юконе были действительно потерпевшие бедствие спутники Дежнева, а именно та часть казаков, которая составляла отряд Герасима Анкудинова. К ним, спустя некоторое время, присоединились другие русские, вольно или невольно оказавшиеся на том берегу пролива. Но самой крупной и дееспособной группой, давшей жизнь поселению, оказались выходцы из Новгорода. Такая преемственность хорошо объясняет и сохранение грамотности и известную крепость хозяйства...»

— Дальше текст обрывается, — сказал, передавая тетрадь Василию Степановичу, Аркадий. — Есть варианты окончания, но они все густо замазаны чернилами. Однако и без этого ясно, в чем состояло открытие Соболевского.

— Так вот почему он так стремился вернуть утраченный пенал, — сказал я. — В тетради был труд всей его жизни.

— И все-таки я не нахожу ему оправдания, — сухо сказал Василий Степанович.

— Точно, — сказал Боб.

Я взял из рук Аркадия тетрадь. Небольшие листы ее, в голубую линейку, были густо исписаны. Кое-где автор начинал и бросал рисовать чертежи. В одном из них я узнал Берингово море. Около мыса Дежнева стоял крестик, второй был поставлен ниже устья Анадыря. Это Соболевский отметил предполагаемые места гибели кочей...

— Упорный был старик, — сказал Василий Степанович. Он забыл, что Соболевский в момент написания статьи был одного возраста с ним. — Ну что ж, давайте тетрадь. Мне — ее хранить.

Слухи о результатах нашей экспедиции каким-то образом распространились по Кунаширу.

Мы сидели в номере гостиницы и обсуждали с Василием Степановичем его дальнейшие планы, когда дверь распахнулась и в комнату вошел Николай с каким-то человеком в сверкающей кожаной куртке.

— Вот, — сказал Николай. — Привел к вам. Корреспондент центральной газеты. Интересуется.

— Краевой, — поправил его вошедший. — Рогач. — Он улыбнулся и по очереди потряс нам руки. — Езжу по островам, пишу. Не встречали корреспонденций — А. Рогулин? Это я.

— Псевдоним? — спросил я.

— Конечно. — Вошедший засмеялся. — Так если вы разрешите...

Он сел на табурет, вытащил толстый блокнот, авторучку и стал быстро задавать вопросы.

Когда страниц десять было исписано, он сказал:

— А знаете что, получается неудобно: отбиваю хлеб. Ведь вы — ученый? — Аркадий кивнул. —

Сделаем так. Я дам корреспонденцию за тремя подписями: своей, вашей и кого-нибудь из товарищей.

Он показал на меня и на Николая.

— Я тут ни при чем, — сказал Николай.

— Как хотите. А три — не много? — удивился Аркадий.

— Это уж мое дело. В редакции я все объясню... Итак, как я понял, в поднятом вами penale были: листовка революционного подполья, приказ Уборевича, материалы первых плаваний на Тихом океане... Документы штурмового двадцать второго года, перемешанные со старыми картами. Блеск!

— Бумаги укладывали второпях, — сказал Аркадий, но не стал объяснять, как попали листовки в пенал. — Все, что связано с «Мининым», интересно. Вам нужна краткая информация?

Рогач улыбнулся.

— Как знать.

Мы замолчали.

— Так я пошел, — сказал Рогач. — Сегодня же сообщу по телеграфу. В редакции за тему ухватятся. Вот увидите — на той неделе пойдет в печать.

Он помахал рукой и быстро вышел.

— Между прочим, — сказал Василий Степанович, — мы забыли про сарай с костями. Помните, я обещал их вам показать? Надо сходить.

— Тогда сейчас, — сказал Аркадий. — Немедленно. Много их там?

— Хватит.

Василий Степанович провел нас в сухой темный сарай за музеем, где среди мётел и пустых ящиков лежали сваленные в две кучи кости — части каких-то скелетов.

— Это кашалот, — сказал он. — Я его у китобоев взял, когда завод на Шикотане закрывали... А там,

в углу, вроде бы косатка. Нашли в этом же сарае. Японцы с острова уезжали, хотели ее увезти. Я до выяснения придержал. Кое-что они даже запаковали!

— Кашалот, — сказал Аркадий и тронул носком башмака огромный, похожий на пень позвонок. — Где, говорите, косатка?

Василий Степанович не успел ответить.

— Товарищ Лещенко! Товарищ Лещенко! — слышался голос жены директора. — Вас вызывают на почту!

— Что такое?

Аркадий ушел, попросив меня сфотографировать кости.

Я открыл пошире дверь, Василий Степанович выбил фанеру, которой было закрыто окно, и мы стали фотографировать. Самые причудливые части мы подтаскивали к свету, и я, присев на корточки, щелкал, снимая одну кость за другой.

— Между прочим, этот скелет, — сказал Василий Степанович про косатку, — один раз уже собирали. Туристы-любители. Все сложили, и еще лишние косточки остались.

Я снял и эти — лишние.

Аркадия я встретил уже на обратном пути. Пришла срочная телеграмма. Ленинград настаивал на выезде.

Самолет уходил в полдень. Мы долго ждали на аэродроме. Когда наконец из низенького черного щитового домика — аэровокзала вышла девушка и объявила, что самолет летит, серебристая птица уже огибала поле.

Мы попрощались с Василием Степановичем, забрались в пустой гулкий фюзеляж и, опасливо косясь на сложенные в углу оражевые спасательные жилеты,

расселись на откидных металлических лавках, прикрепленных к бортам самолета.

Взлетели. Зеленый горбатый Кунашир мохнатым чудовищем вытянулся под нами.

В самолете было холодно, продувало. Зябко ежась, я сидел, смотрел себе под ноги и с удивлением думал, что за эти два месяца написал в Ленинград только одно письмо.

Женщина напротив меня распаковала рюкзак и стала есть, расставив ноги, доставая ножом из консервной банки испачканные алой томатной жижей куски рыбы.

Дверь, ведущая в кабину летчиков, открылась, человек в форме просунул в салон голову и сказал:

— Тятя!

Аркадий толкнул меня в бок.

Я прижался к желтоватому стеклу, скосил глаза и захлебнулся восторгом. Прямо на самолет надвигался огромный кратер. Лиловые и оранжевые потеки покрывали его края. Посредине, поднимаясь со дна, высилась вторая вершина. У нее было свое жерло. Черное отверстие, похожее на огромную опаленную огнем газовую горелку, вело вниз, в преисподнюю.

На дне кольцевого кратера блестело безжизненное черное озеро. В мертвой воде отражался внутренний конус.

Вулкан уже проплывал под нами.

Поднятые криком Аркадия, пассажиры облепили окна.

Впереди серебрилось Охотское море. Машина шла дальше на северо-восток к Итурупу. Белая облачная пелена дрожала над далеким островом.

*в которой есть письмо из Алма-Аты и разговор
о судьбе морского млекопитающего*

Мы прилетели в Ленинград солнечным холодным днем. Желто-красные гатчинские аллеи пронеслись под крылом самолета. Жухлая болотная трава стремительно поднялась и превратилась в одноцветный дрожащий ковер. Движение ковра замедлилось, ноющий звук моторов оборвался и перешел в добродушный гул. Самолет запрыгал по бетонным плитам. Мы спустились с трапа и направились искать такси.

Дома у Аркадия на столике перед дверью лежало письмо.

Аркадий открыл ключом дверь — жалобно пропели петли, — мы вошли в комнату.

Смахнув со стола толстый слой пыли, Аркадий вскрыл конверт. Он был опущен в Алма-Ате.

«Уважаемый товарищ Лещенко!

Вам пишет дочь Соболевской Нины Михайловны — Вера Вениаминовна. С глубоким прискорбием должна сообщить, что моя мать умерла год тому назад от воспаления легких, болезни в наших краях редкой и потому вдвойне жестокой.

Из Вашего письма я поняла, что вопросы, которые Вы хотели бы ей задать, касаются моего отца Соболевского Вениамина Павловича. Именно он исполнял обязанности хранителя частного музея в городе Владивостоке в годы революции. У него был брат Константин Павлович, офицер белой армии, исчезнувший без вести, — вероятно, уехавший при эвакуации японцев.

Я не знала отца — родилась в 1922 году в январе месяце, в Петрограде, куда мать уехала к родственникам, незадолго перед событиями на Дальнем Востоке.

Отец погиб в поселке Вторая речка под Владивостоком в том же 1922 году вследствие острого кишечного заболевания, ослабленный потерей крови от раны, полученной при неизвестных нам обстоятельствах. На могиле его я была в 1939 году.

Выполняя Вашу просьбу, я перебрала письма отца, оставшиеся после смерти матери, и нашла среди них одно, которое, может быть, заинтересует Вас. Никаких других вещей или документов отца у нас не сохранилось. К сожалению, это все, чем могу помочь.

С искренним уважением

Соболевская В.».

В конверт было вложено еще одно письмо. Пожелтевшие страницы, выцветшие чернила.

Аркадий бережно развернул его.

«Дорогой друг!

Пишу тебе, вероятно, в самое тревожное время нашей жизни. В этом году рано кончились туманы, но для меня прояснение остается по-прежнему далеким и желанным. У вас в Петрограде уже все спокойно, а наш многострадальный Восток до сих пор терзаем

распрями и междоусобицами. На рейде, против моего окна, стоят борт о борт японский и американский крейсера, и никто не может поручиться, когда и в кого начнут стрелять их пушки. Ходят слухи о близкой эвакуации, но кто их знает, этих наших так называемых союзников. Нет более ранимой науки, согласись, чем наша с тобой — история, и нет ценностей, более легко разрушаемых и похищаемых, чем ценности исторические. Вот почему предстоящие перемены, а они, конечно, наступят, беспокоят меня. Уже была попытка конфисковать и отправить морем в Нагасаки бесценные коллекции минералов. Я так и не понял, что за люди приходили тогда. Двое из них были в форме японских офицеров, двое в штатском — говорили по-французски. Однако японский комендант, к которому я обратился на другой день, сам был очень удивлен и выразил предположение, что это действовали частные лица.

У нас участились случаи ограбления на улицах. Поэтому, когда я задерживаюсь, приводя в порядок ценности, порученные моей защите, то не рискую идти нашей полутемной Шанхайской, а ложусь тут же на кожаном диване, визави стола, за которым когда-то любила сидеть ты, наблюдая за моей работой.

Вот почему, друг мой, я решил нынче же собрать все наиболее ценные рукописи, относящиеся к первым историческим плаваниям наших соотечественников в восточных водах и первым поселениям на Аляске, рукописи, которым нет цены и которые могут принадлежать только нашему народу. Я решил спрятать их. Для этого милейший С. (он часто вздыхает, вспоминая нашу дружную поездку семьями шесть лет назад из Петербурга сюда) принесет мне из штаба свинцовый пенал, в котором бросают за борт в случае гибели корабля карты минных полей и шифровальные

коды. Я решил поместить внутрь его наиболее ценное и закопать пенал во дворе нашего дома. В случае, если судьба окажется жестокой ко мне, передай письмо лицам, заинтересованным и облеченным государственным доверием, с тем чтобы они могли вернуть стране принадлежащее ей по праву.

Многие суда уже ушли, и Золотой Рог кажется в эти дни мрачным и опустевшим. Я смотрю на темную поверхность его, скудную зелень сопков и на белый лоскут тумана, который один по-прежнему лежит в самом углу залива. Мне кажется, что жизнь покидает организм нашего города и, кто знает, когда она вернется в него снова.

Береги нашу дочь. Подумать только, преступный отец, я еще не видел ее, — тысячи верст и десять фронтов отделили нас.

Уповаю на высшее милосердие, остаюсь любящий вас и целую

В.

Р. S. Мне не нравится последнее время Константин. Он твердо решил покинуть Россию и усиленно собирается сейчас с японцами. Но главное, что пугает меня, — это его разговоры относительно ценностей, которые поручены моей заботе. Вчера я был вынужден говорить с ним в очень резком тоне. Ну, да что тебе — у тебя и своих забот сейчас полно.

Еще раз целую В.».

Мы сидели молча. Проникновение в сокровенное судеб людей всегда ошеломляет.

Аркадий нехотя вложил письма обратно в конверт.

— Так вот оно что! — сказал он. — Значит, Соболевский сам был арестован и уведен солдатами. И, вероятно, ранен. И здание музея поджог, конечно,

не он. Иначе ему нечего было оставаться. Он не успел спрятать пенал, его нашли и увезли. То, о чем пишет Прилепа, было нападением на музей и похищением пенала. Кто знает, может быть, все это — его брат?

Я кивнул.

— Это было трагическое время, — сказал я. — Большие приобретения и большие потери — они всегда рядом.

Аркадий встал и прошелся по комнате.

— Ну, ты куда? — спросил он.

— Как куда? Домой.

— А я в институт. Хочу сегодня же отвезти твою фотопленку.

Дома я застал жену.

— А-а, это ты? — удивилась она. — А у меня вечером симпозиум «Барокко Васильевского острова». Будет Айрапетянц из Москвы.

И она ушла.

Мы не виделись с Аркадием больше недели. Я уехал во вторую командировку в Заонежье. На мой звонок с вокзала соседи ответили, что Аркадия нет дома.

В день возвращения мне позвонили на работу. Говорили по поручению Аркадия.

— Вас срочно просят приехать в институт. К заведующему отделом. Второй этаж, комната тридцать четыре.

В кабинете заведующего отделом плавали голубые папиросные дымы. Из приоткрытой форточки тянуло ветерком. У стен в беспорядке грудились стулья.

Друг против друга в креслах сидели Аркадий и полный мужчина в сером блестящем костюме.

— Ты опоздал, — сказал мне Аркадий. — Совещание по твоим фотографиям закончилось. Такое было!

— При чем тут я?

Серый костюм качнулся. Завотделом протянул мне руку.

— Поздравляю. Очень приятно познакомиться. Вы действительно ничего не знаете о снимках?

Я покачал головой.

Завотделом взял пачку фотографий, лежавших на столе, и разложил их.

— Не буду вас томить, — сказал он. — Дело в том, что это не косатка. Скорее всего, перед вами были кости морской коровы Стеллера. Вот характерные для сиреневых, или, как их раньше называли, травоядных, китов, череп, зубы, малоподвижные позвонки, а главное вот эти косточки — рудиментарные, отделенные от позвоночника задние конечности...

— Я сфотографировал их в последнюю очередь, — сказал я. — Мне сказали, что они лишние.

— Может быть, и лишние. Это надо будет вам, товарищ Лещенко, установить на месте. Я уже говорил в своем выступлении — для дюгоню, живущего в южной части океана, кости чересчур крупны.

Аркадий кивнул.

— Итак, это, скорее всего, действительно корова Стеллера. Правда, возникают варианты. Вопрос о находке членится и превращается в три возможных случая. Первый: кости могли быть найдены на Командорских островах и оттуда перевезены на Кунашир. Там их передали в музей. Тогда в вашей находке нет ничего сенсационного. В музеях мира уже находится несколько скелетов. Другое дело, если кости найдены были на Курилах лет сто — двести тому назад. Это значит, что в свое время ареал коровы Стеллера не ограничивался Командорами, а простирался далеко на юг. Подобного рода предположения уже делались, подтвердить их — существенно. Это уже открытие. И, наконец, если кости были найдены на Кунашире

недавно, — это сенсация. Тогда правы те, кто утверждает, что морские коровы не были окончательно выбиты в прошлом столетии, а дожили до наших дней и искать их надо в северной части Тихого океана у берегов необитаемых островов из числа Курильских, Командорских и Алеутских.

Он остановился и, вздохнув, закончил:

— Неожданное и стремительное исчезновение морских коров внушало некоторые надежды. Вдруг они не были истреблены окончательно, а просто покинули Командорские острова и где-то продолжают сохраняться в небольшом количестве? А? Их розыску я сам с удовольствием посвятил бы несколько лет... Еще раз спасибо!

Мы вышли на набережную. Ветер с залива гнал по лиловой поверхности реки желтые барашки. Шпили Адмиралтейства и Петропавловки царапали остриями облака.

— На днях приезжает Белов, — сказал Аркадий. — Я писал ему дважды и получил вчера ответ. У него в Ленинграде недельные сборы. Что-то по безопасности кораблевождения. Он остановится у меня. На этот раз, я думаю, он расскажет все.

Мы сидели втроем в узкой комнате Аркадия. Сидели, зажатые отвесными стенами книг. На столе перед Беловым грудой лежали глянцевые снимки костей стеллеровой коровы. Мы терпеливо ждали, когда он посмотрит их и приступит к рассказу.

И он рассказал. Из косноязычных его объяснений и односложных ответов я постарался извлечь нить, которой придерживался наш друг, размышляя о деле «Минина». Эта версия принадлежит мне, потому что молчаливая манера Белова жить исключает возможность полностью постичь ход его мыслей.

Вот что понял он, шаг за шагом знакомясь с делом.

Из статьи в «Дальневосточном моряке» он выделил для себя два момента. Первое — посадка в шлюпки и на плоты происходила со средней части судна, в непосредственной близости от шлюпбалок. Второе — люди спускались с левого борта.

Далее. Помощник Мостового, давая показания комиссии в 1925 году, сообщил, что, прежде чем сесть на камни, «Минин» отдал оба якоря.

Третье — совершенно неясна метеообстановка в момент катастрофы.

Приехав к нам и осмотрев обломки «Минина», Белов обратил внимание на сильный наклон платформы. Покат шел с востока на запад, борт судна, обращенный в момент аварии на восток, оказался поднят, противоположный — опущен. Далее в голову инспектору пришла очень простая мысль. Пенал был брошен там, где происходила посадка в шлюпки и на плот, то есть на левом борту судна. Если теперь этот борт опущен, то, скорее всего, пенал свалился, и искать его надо на дне под слоем камней и гальки.

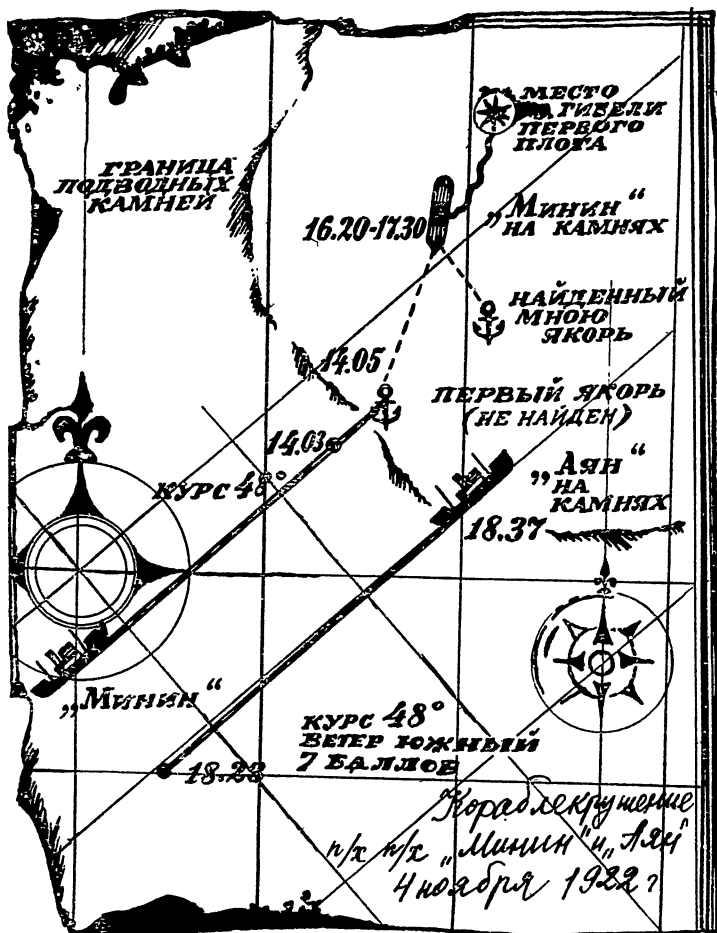
Если же поднят левый борт, то упасть с него пеналу было трудно. Скорее всего, он скатился тогда к надстройке и, перемещаясь вдоль нее во время разрушения судна, попал куда-то внутрь парохода.

Итак, все сводилось к решению вопроса: как стояло в момент аварии судно? Какой борт его был обращен в момент посадки к востоку — левый или правый?

На помощь могло прийти показание помощника капитана и свидетельства других членов экипажа «Минина» о том, что судном были отданы оба якоря. Раз так, то с того момента, когда они начали удерживать пароход, судно, как это происходит обычно, должно было развернуться и стать носом на ветер.

Нужно было узнать направление ветра в момент аварии. И тогда Белов попросил найти ему якоря. В случае обнаружения хотя бы одного картина становилась ясной: линия, проведенная от якоря к пароходу, сразу же давала направление ветра.

Случаю было угодно, чтобы сначала мы наткнулись на место гибели плота. Поскольку плот относилось от «Минина», находка говорила: ветер был южным.

Чтобы не оставалось сомнений — не относятся ли найденные часы и кольца к другому эпизоду, не связанному с плотом, Белов подождал результатов поиска якоря в предсказанных им секторах. Мы с Николаем нашли якорь, и это решило все: в момент аварии пароход смотрел носом на юг, поднят левый борт, пенал можно искать внутри судна.

Для того чтобы изучить расположение помещений внутри парохода, Белов едет на Шикотан. Поездка на Край Света и осмотр надстройки показали: прямо против шлюпбалок у судов этого типа есть дверь с низким порогом, которая ведет в изолированный коридор. Именно в нем и мог оказаться пенал.

— Таким образом, появилась вероятность. Не более, — сказал в заключение Белов. — Я ведь так и написал: «Если будете взрывать...»

Аркадий внимательно посмотрел на него.

— Поразительно! — сказал он. — И так просто. Знаете, тогда, во Владивостоке, я ошибся в вас. Вы мне показались... Как бы это сказать... Кстати, как здоровье ваших детей?

Белов смутился:

— Спасибо. Сейчас им делают прививки. Костю укусила собака.

— А жена?

— Здорова.

Чтобы не расхохотаться, я впился себе ногтями в ладонь. Маленький инспектор смотрел на нас с благодарностью.

— Моей семейной жизнью мало кто интересуется, — сказал он. — Между прочим, я привез кое-что и для вас.

Он расстегнул свой ужасный портфель и извлек из него сначала клетчатые носки, потом тезисы докладов и, наконец, рогатку.

— Простите. Это опять Костя.

Он спрятал рогатку и извлек из бокового отделения журнал в желтой глянцевой обложке. Это был известный географический ежемесячник на английском языке.

— Искал описание Кенайского полуострова. Мне придется скоро вести там дело,— объяснил он.— И вот нашел.

Он открыл журнал и протянул его Аркадию. Мой друг начал читать про себя текст, отмеченный бумажной закладкой.

— Вы знаете английский язык?

— Кое-как...

— Вот перевод.

Белов достал из портфеля лист с машинописным текстом. Его прочитал я:

— «В отчете губернатора Аляски за 1937 год сказано, что в 1937 году при производстве межевания на Аляске в зоне Кенайского полуострова найдены остатки древнего русского поселения. Служащие министерства иностранных дел нашли и частью раскопали 31 дом размером каждый примерно 5×7 метров и высотой около 5 метров. Стены его толщиной 10 сантиметров были сделаны из морской гальки, кирпичей, бревен и дерна. Поселок был 300-летней давности. Это определение было сделано по остаткам древесной растительности и на основании анализа снятого геологического покрова.

Галька шла, вероятно, для укрепления фундамента, дерн — на утепление стен, кирпичи — на стулья (кирпичные столбы, на которые ставится потом сруб).

Высота дома в 5 метров (с крышей, по коньку) характерна для рубленых домов европейского типа.

Всякие сомнения в том, что поселок принадлежал русским, отпадают».

— Вот оно, последнее свидетельство, — сказал Аркадий. — Дата основания. Значит, поселок на Юконе был не один. Этот тоже построен людьми с пропавшего коча. А потом на Аляску еще пришли беженцы из Новгородчины... Кстати, чем закончилось дело о столкновении «Занаи» и «Тисса»?

Белов пожевал губами.

— Капитана «Занаи» оправдали, — неторопливо сказал он. — Мне удалось восстановить прокладку. «Тисс» действительно шел в стороне. Если бы он не произвел поворот, суда бы спокойно разошлись.

— Как вам это удалось доказать? — спросил я.

— Вы сами предложили способ. В районе столкновения действительно было еще несколько судов. Я собрал их журналы.

— Аркадий, посмотри на этого человека! Сколько времени вы работали?

— Три месяца.

— И могли ничего не найти. Вы сумасшедший!

— Это моя работа, — сухо сказал Белов, — я нашел все, что искал.

— А что же аккуратный журнал «Тисса»?

— Он был заполнен после аварии. Капитан признал это на суде...

Мы помолчали.

— Кстати, кто такой Рогач? — неожиданно спросил Белов.

— Рогач, или Рагулин, — журналист, который недавно написал статью о «Минине».

Белов поднял бесцветные брови.

— Я думал — это историк, с которым вы теперь работаете. Он собирается писать книгу. Что-то о русских поселениях на Аляске. В плане дальневосточного издательства есть его фамилия и название книги.

Я вскочил.

— Аркадий! — сказал я. — Что же ты молчишь? Ведь это твоя книга. Я помню, как ты писал. У тебя блестящий стиль. Ты не должен это так оставить. Бери еще один отпуск, поезжай на Кунашир. Садись и пиши. Это ты нашел тетрадь, ты раскопал всю историю с «Мининым». Это твоя находка, Аркадий!

— Если этот Рогач придет на Кунашир, музей не сможет отказать ему в материалах, — сказал Белов. — Действительно, вам надо ехать.

— Я вас не понимаю, — сказал Аркадий. — Почему вы оба так шумите? Разве я говорил, что собираюсь писать книгу?

— Говорил. Здесь, в Ленинграде.

Аркадий усмехнулся.

— Вы опоздали, — мягко сказал он. — Пусть этим занимаются историки. А я буду искать корову Стеллера. Так решило совещание. Разве найти ее — не стоит нескольких лет жизни? Документы собрал, прочел и объяснил Соболевский. Мы вернули ему доброе имя. А слава? Он не искал ее... Я принял решение, не уговаривайте.

— Ненормальный, преступный по отношению к самому себе человек! — сказал я. — Ну как объяснить тебе это? Может, ты передумаешь завтра?

— Завтра у меня на семинаре, — сказал Белов, — маневр последнего момента. К нему прибегают, когда все меры предосторожности для предотвращения аварии приняты.

— Душно! — сказал я. Мне некогда было разгадывать его дурацкие шутки. — Я не могу больше. Идемте, проводите меня.

Мы вышли из дома. Не разговаривая друг с другом, достигли бульвара, что напротив Адмиралтейства. Желтые стены здания, подсвеченные фонарями, пылали. Тусклое небо светило вниз облаками. Облака

плыли, качаясь. Они кренились с борта на борт, как дежневские кочи.

По пустынной улице ветер гнал ржавые листья. Листья мчались по асфальту, гремя и подпрыгивая.

Мы миновали начало Невского и вышли на Дворцовую площадь. Коричневая колонна парила в воздухе. Мы подошли к ней.

— Так что же будем делать, друзья? — спросил я. Аркадий и Белов не ответили.

И в этот момент я понял: книгу должен написать я сам.

Чемоданы стихов были преддверием. Заонежье разбередило старую память, остров в океане сделал невозможным прежнюю жизнь.

— Прости меня, Аркадий, — сказал я. — Ты прав, прости. Ты, конечно, должен искать это вымершее животное. Ведь это прекрасно: найти существо, память о котором уже начала стираться. И вы, Белов, простите за упорство, с которым я сегодня допрашивал вас.

Белов пожал плечами.

В этот осенний ленинградский вечер, полный решительного ветра, я стал летописцем Аркадия и его удивительного друга, маленького инспектора, расследующего морские аварии.

*Ленинград — остров Кунашир.
1968—1972 гг.*

РАССКАЗЫ

Белов предпринял попытку перевезти во Владивосток из Тюбкендерли, что на восточном берегу Каспия, родителей своей жены.

Не зная, как распорядиться отпуском, и привлеченный возможностью рыбалки, я, оставив на месяц контору и газовые свои плиты, сопровождал его.

Двухмоторный самолет, подрагивая и завывая моторами, нес нас над голубой синевой моря. Белесое небо неподвижно стояло за мутным стеклом иллюминатора.

Тряхнуло. Самолет накренился, тупо обрезанная плоскость его крыла приблизилась к стеклу. Под ней оранжево вспыхнули мели. Белые ниточки волн лениво ползли вниз. Впереди расстилалась серая, лишенная примет земля.

В протоке между двумя песчаными косами черпело остроносое пятнышко.

— Катер? — крикнул я Белову.

Тот кивнул.

— Похоже — сидит на мели.

Мой товарищ приподнялся в кресле и стал всматриваться в картину, прихотливо вырезанную оконным стеклом.

Гул моторов усилился. Летчик подтягивал машину к аэродрому.

Серая с коричневыми разводами земля стремительно приблизилась. Мы перешли на бреющий полет. Машину тряхнуло, сухая белая трава промчалась мимо стекла. Моторы в последний раз взвыли и смолкли.

Отстегнув ремни и вытащив из багажного отделения чемоданы, мы с Беловым направились к двери, по трапу сошли на пыльную, покрытую редким крупным песком взлетную полосу.

Сухой горячий воздух ударил в лицо.

В самолет шумно, с облегчением забирались новые пассажиры.

Мы сошли с полосы и, увязая по щиколотку в песке, направились к домам, крыши которых виднелись за ближайшими барханами.

Там оказался поселок, маленький, в одну улочку, без единого деревца или кустика — горстка домов, прижавшихся к морю, да выброшенные на берег почерневшие остовы рыбацких сейнеров.

Мы шли по поселку, и из раскрытых настежь окон на нас смотрели лица стариков.

— Когда жена была девочкой, тут был большой рыбоколхоз, — сказал Белов. — Потом Каспий начал мелеть, фарватер стал несудоходным. Умирает Тюбкендерли!

— Ваш дом далеко?

— Последний...

Мы сидели под навесом около покосившегося домика, пили густой горячий чай и беседовали с беловскими родственниками.

Прожив здесь более полувека и удачно, как они считали, пристроив дочь, старики не собирались менять место. Они охотно слушали наши рассказы

о Дальнем Востоке, но упорно замолкали, как только Белов заводил разговор о переезде.

Первые же сутки в этом раскаленном на солнце поселке повергли нас с Беловым в состояние отчаянной скуки.

Самолет прилетал раз в неделю, и даже решение уехать ничего не могло изменить. Мы слонялись около домика, стараясь не выйти за серый прямоугольник его тени, пытались что-то читать, молчали и с тоской слушали, как стучит ножом на кухне старуха.

Под вечер, когда жара спадала, мы отправлялись бродить.

Сразу же за поселком берег начинал петлять. Море выплескивало в степь узкие полные теплой стоячей воды заливы. Посредине их тянулись низкие поросшие голубой травой островки.

Над степью плыли зеленые облака.

Несколько раз мы с Беловым брали лодку и выходили рыбачить. Бросив якорь, мы ложились рядом на жестком лодочном борту и, опустив головы вниз, смотрели, как, подрагивая, уходят на дно белые шнуры. Под лодкой медленно бродили, роя прозрачными мордами песок, рыбы. Желтые дымки курились на дне, отмечая их путь.

Мы возвращались домой.

Старик включал потасканный приемник с круглой шкалой, ловил Иран, и мы вчетвером слушали тихую непонятную музыку.

Однажды я упомянул о катере, который мы видели, подлетая к поселку.

— Месяц как лежит, — сказал старик. — Сам на мель взошел.

— Как это?

— А так. Никто его не звал. Не ждали его. Сам пришел, сам себе гибель причинил.

— В тумане?

— Какой у нас туман!

— Значит, мотор испортился.

— Тарахтел. Все слышали.

— Он мог иметь пробоину, — сказал Белов. — А может быть, у него вышло горячее?

— Срок капитану дадут, вот что! — сказал старик.

— На катере не капитан, а старшина.

— Старшине и дадут. Очень упорно он шел.

И старик сбивчиво рассказал, что видели редкие свидетели аварии, те, что оказались в тот день в степи за поселком.

Катер заметили утром. Сухой горячий ветер принес откуда-то дым. Синяя полоса, пахнувшая травой и пожаром, вытянулась над морем.

Катер длинным рыжим пятнышком катился вдоль берега. Он то показывался в разрывах дыма, то пропадал. Затем пятнышко остановилось и стало увеличиваться — катер повернул к берегу.

После того как фарватер обмелел, суда несколько лет не подходили к поселку. Приближение катера не могло не вызвать интереса. Однако, когда пенные усы его забелели у самых мелей, любопытство сменилось тревогой. Люди на берегу стали махать руками. Катер шел, не обращая внимания на опасность. У кого-то оказалось с собой ружье. Грохнул выстрел. Но было уже поздно: попав между двумя песчаными мельями катер застопорил ход, пошел было кормой назад, остановился и накренился.

— Готов. На мели! — сказал человек, стрелявший из ружья, и побежал на аэродром дать радиограмму о случившемся.

В тот месяц погода стояла хорошая. Сутки спустя пришел пароход, стал далеко от берега, с парохода спустили шлюпку, и она забрала команду катера...

— Странная авария! — сказал я. Что вы думаете, Михаил Никодимович?

Белов пожал плечами.

— А расследовать аварию никто не приезжал? — спросил я.

— Кто его знает, может и приезжал. То нам неизвестно. Не докладывают.

Как-то мы зашли с Беловым на аэродром узнать: не будет ли задержки с самолетом?

Парень в летной форме, исполнявший обязанности и начальника, и радиста, заверил нас, что самолет летом ходит точно по расписанию, и, охотно вступив в разговор, подтвердил рассказ старика.

— Я сам давал радиограмму. И доктора тоже я отправлял, — сказал он.

— Какого доктора?

— С катера. Доктор у них был. Везли его куда-то. Как на мель вылетели, матрос его на шлюпочке привез. В тот день самолет был. Очень доктор торопился. Поговорить не удалось: только они ко мне — тут машина. Я его без билета посадил — и всё.

Сообщение о докторе очень заинтересовало Белова:

— Значит, доктор улетел? А матрос?

— А матрос на шлюпочке ушел. Назад на катер. Пока я связь с воздухом держал, выхожу — его нет.

— Скажите, а больше по этому делу никто в поселке не появлялся?

— Как же! Целая комиссия. Прилетали спецрейсом. Тоже недолго были. Старшину под суд отдают. Шутка ли — катер погиб. Очень недовольна была комиссия. Говорят, у них этот год аварийный.

Мы ушли с аэродрома, перебрались через песчаную грядку, отделявшую его от моря, и побрели по твердому сырому песку вдоль воды.

— Интересно, зачем на катере был доктор? — спросил я.

Белов шел впереди. Отпечатки его башмаков вспыхивали на песке, темнели и наливались водой.

— Может быть, доктор был пассажиром и весь рейс был затеян ради него?

— Может быть, — согласился Белов.

— Тогда они старались посадить врача на берег. Он был нужен именно здесь!

— И поэтому тотчас улетел.

Я никогда не любил глупой манеры Белова шутить. Он не улыбался сам и не ждал смеха в ответ.

Мы вернулись к дому стариков.

Душная ночь, полная пылающих звезд, взошла над поселком. Небо поворачивалось, и догорающие звезды сыпались за горизонт. Я с трудом уснул и проснулся оттого, что кто-то трогал меня за плечо.

За окном едва заметно серело. Надо мной стоял одетый Белов.

Он поманил меня пальцем. Мы вышли на улицу.

— Не спится, — сказал Белов, поеживаясь. — Что, если мы сходим посмотрим катер? А? У старика есть резиновая лодка.

— Давайте.

Захватив с собой лодку, в мешке флягу воды, хлеб и банку рыбных консервов, мы отправились в путь.

На пустынном, выутюженном ветрами берегу не было ни души. Я шел вслед за Беловым, ступая в легкие отпечатки его ног. За спиной в мешке колотились друг о друга фляга и банка.

Пройдя аэродром, мы свернули в степь.

Оранжевое сдавленное с боков солнце медленно вставало над землей. Разливалась жара. На тропинке

нам попалась черепаха. Серая, горбатая, неподвижная, как камень. Она даже не втянула при нашем приближении голову под панцирь. Белов носком башмака откатил ее в сторону, и мы, не оглядываясь, пошли дальше.

Дорога оказалась длиннее, чем я думал. Около полудня мы снова вышли к морю, присев у воды, вспороли ножом консервную банку, а потом по очереди сосали из нее кислотатую жижу, жевали хлеб, запивая его теплой жидкостью из фляги. Потом путь нам перегородил залив. Узким стоячим озером он уходил в степь, к горизонту. На поверхности воды рыжими островками плавали водоросли.

— Он должен быть мелким, — сказал Белов и стал стаскивать ботинки.

Мы разделись и побрели к тому берегу. Ноги по щиколотку уходили в вязкое дно. Скользкие водоросли путались между пальцами.

Когда вода подошла к горлу, Белов взял в сторону. Кружа и выбирая путь по одному ему ведомым приметам, он добрался до середины залива. Здесь дно стало тверже, пальцы ощутили песок. Начался подъем.

Мы вышли на берег и вскарабкались на высокий, закрывающий горизонт бугор.

Перед нами лежал новый залив...

К тому месту, где потерпел аварию катер, мы добрались только к вечеру.

На покато́м склоне холма стояла новенькая буровая. Решетчатая вышка, незапятнанная нефтью, узкая и стремительная, возвышалась над степью. Белов подошел к ее основанию, потрогал маслянистые, плотно сообщенные между собой балки, заглянул в запертую на блестящий замок сторожку и побрел к морю.

Он шел, переступая через свежие автомобильные колеи, только что пробитые в траве.

Дымное приплюснутое с боков солнце опустилось за горизонт.

Мы нашли плоский покрытый густою, спутанной травой бугор, легли бок о бок. Я закинул за голову руки, удивленно подумал: «Для чего это все?» — и уснул.

Утром, надув лодку, мы отправились к катеру.

Я греб, неторопливо раздвигая веслом воду, и следил, как впереди раскачивается спина Белова.

Неподвижное море лежало до самого горизонта.

Вода раскололась, и из нее высунулась усатая морда. Тюлень повел коричневым глазом, фыркнул и без всплеска ушел под воду. Лодка мягко ударилась о песчаное дно. Плечи Белова перестали раскачиваться. Я сполз за борт. Преодолевая течение, мы побрели вперед. Черный борт катера с белой надписью «РК-12» и малиновой полосой у ватерлинии двигался навстречу.

Толкая перед собой лодку, мы добрались до него, привязали к корме лодку, взобрались на палубу.

На катере было тихо. Бормотала вода. Мы принялись осматривать помещения.

В ходовой рубке все приборы были сняты. Их срывали наспех. По стенкам змеились оборванные провода. Белов подошел к нактоузу — компас вынут. В том месте, где на столе стояла радиостанция, чернели резиновые амортизаторы.

Мы спустились в машинное отделение. Посредине его возвышался похожий на свернувшегося медведя дизель. Приборная доска смотрела вниз пустыми дырами-глазницами.

Матросский кубрик. Здесь на полу валялись стоптанные башмаки, газеты — все изданные в Нефтегор-

ске, — две книги с оторванными переплетами. Недоумевающие тараканы бродили среди газетных страниц.

Из маленькой, не более двух квадратных метров, каюты старшины катера было унесено все. Только на переборке остались фотографии: пожилая женщина в темном платке, молодой матрос с выпуклым чистым лбом и кто-то третий, чья карточка была торопливо оторвана. На уцелевшем уголке глянцевого картона тонкие девичьи пальцы сжимали ручку недорогой сумки.

Мы вернулись на палубу и сели на рундук, в котором матросы хранят швабры и тряпки.

— Катер шел из Нефтегорска, — сказал Белов. — Во всяком случае, он был там приписан.

— Газеты?

— Да.

— Куда они везли врача? — спросил я. — Мильсто пятьдесят вокруг ни одного поселка. Я смотрел карту. Может быть, они шли сюда, потому что здесь аэродром?

— Из Нефтегорска лететь проще... Старшина катера молод и неопытен, — сказал Белов. — И еще — у него неважные отношения с командой.

— Почему?

— Во-первых, он молод. Помните фотографии в каюте? Пожилая женщина — его мать. Фотографию девушки он оторвал и взял с собой.

— Неопытен. Только из-за молодости?

— Об этом свидетельствует вся авария.

— А отношения с командой?

— Корабельные работы. Они выполнялись кое-как. Катер недавно покрасили, но подготовили к покраске небрежно: из-под краски уже пробивается ржавчина.

Шелестела вода. Сильные струи течения огибали корму и, вытягиваясь, исчезали. Сквозь зеленоватую воду смутно желтело дно.

Белов сидел вполоборота и внимательно рассматривал берег. Два плоских холма и новая буровая вышка нарушали монотонность степи.

— Они шли прямо на берег, — сказал Белов. — Старшина держал на распадок между холмами. Значит, вышка оставалась чуть-чуть левее. Потом он дал стоп, и катер сразу подхватило течением...

Мы забрались снова в резиновую лодку и пустились в обратный путь.

В полночь мы были дома.

Прошло несколько дней.

— А что, если нам уйти отсюда морем? — неожиданно предложил Белов. День отлета был уже назначен. — Скоро подойдет теплоход, привезет груз для магазина.

Я мечтал улететь. Мне мучительно не хотелось оставаться в поселке. И я не отверг мысль товарища, только потому что почувствовал скрытую связь между ней и нашим походом к катеру.

Мы стали ждать.

Время остановилось. Дважды прилетал самолет. С завистью провожал я глазами черную стрекозу, уносившуюся над степью. Слова «день отъезда» не употреблялись в наших разговорах.

И тем не менее этот день настал. Неправдоподобно ярким утром мы увидели в море за песчаными косами белый теплоход. Он стоял неподвижно, а между ним и берегом сновали лодки.

Последней ходкой, как сказал рыбак, нас с Беловым отправили на судно.

Мы простились со стариками. Лодка, размашисто качаясь и тарахтя подвесным мотором, прошмыгнула

между косами, разбивая носом стеклянную воду, направились к судну.

По узкому опущенному с подветренного борта трапу мы взобрались на палубу.

Раздался гудок. Застучал дизель. Якорь глухо ударился о борт. Маленькое судно повернуло и пошло на юг.

Мы с Беловым остались на палубе. Однообразный серый и желтый берег плыл мимо нас. Ветер разбивал о теплоходный нос короткие злые волны. Ломкие брызги летели на палубу.

Белов, вытирая лицо платком и прикрывая ладонью записную книжку, рисовал берега.

Я оставил его на палубе, в тесной переполненной вещами каюте нашел незанятую койку, улегся на нее и под мерный стук машины задремал.

Прошло не меньше часа. В каюте слышались вкрадчивые шаги. Маленький инспектор пробирался между койками. Около меня он остановился.

— Мне кажется, я знаю, куда шел катер, — сказал он шепотом. — В бухту Бековича. Мы только что прошли ее. Это в десяти милях от поселка.

На нас зашикали. Белов бесшумно юркнул в постель.

На другой день мы снова стояли на палубе и следили, как мимо один за другим медленно проплывают конические буи, обозначающие повороты фарватера.

Теплоход приближался к Нефтегорску.

Порт встретил нас шумом и грохотом стройки. Вдоль причалов, волоча за собой белые хвосты пыли, двигались бесконечной чередой самосвалы. Ожидая погрузки, стояли, вытянув журавлиные шеи, автокраны. Среди пыли и камня желтым сияющим чудом высились смолистые штабели бревен.

Прямо с причала Белов повел меня в управление порта, там, оставив в просторной комнате диспетчера, куда-то исчез.

Диспетчерская была перегорожена стеклянной стеной. За нею, в окружении телефонов и таблиц, сидел моряк в расстегнутой у ворота рубашке с погончиками. Он держал в каждой руке по телефонной трубке и что-то выговаривал своему помощнику, суетившемуся около разложенной на столе карты.

Белов вернулся нескоро.

— Катер действительно шел в бухту Бековича, — сказал он, подходя ко мне и вытирая тыльной стороной ладони потный лоб... — Там работает геологическая партия. Заболел человек. Катер вез доктора.

На карте, висевшей на стене диспетчерской, мы нашли бухту Бековича. Она была действительно всего в десяти милях южнее Тюбкендерли.

— Как вы догадались, что он шел туда?

Белов сунул руку в карман, вытащил записную книжку и протянул ее мне.

Легкий карандашный рисунок повторял знакомые очертания берега: два пологих холма, распадок, буровая вышка на левом склоне.

— Тюбкендерли? — сказал я.

Белов покачал головой.

— Бухта Бековича. Как только я увидел ее вчера, сразу понял.

— Поразительное сходство!

Белов подошел к стеклянной перегородке, о чем-то попросил помощника диспетчера и вернулся, держа в руках красный томик лощи.

— «Бухта Бековича, — прочитал он, раскрыв книгу, — неглубоко вдающаяся в берег бухта с глубинами до семи метров. Подход к берегу возможен для судов с осадкой не более полутора метров.

Вход в бухту со стороны моря затруднен благодаря наличию нескольких песчаных кос — остатков бара реки, пересыхающей в летнее время.

При подходе следует соблюдать осторожность: берег имеет сходство с берегом в районе Тюбкендерли, но может быть легко отличен по приметному знаку — буровой вышке, установленной на склоне одного из холмов, распадок между которыми отмечает вход в бухту».

— Вот оно что! — сказал я. — И тут буровая вышка.

— Вышку у Тюбкендерли поставили несколько недель назад. Старшина катера мог о ней и не знать. Достаточно проверить — есть или нет его роспись на извещении мореплавателям.

— А извещение издали?

— Да.

— Врач не опоздал?

— Его доставили самолетом. Посадочной площадки там нет — летчик сажал машину на береговой песок. У больного был острый приступ аппендицита.

— Старшина утверждает, что ошибся в определении берега?

— Конечно. Но ему не верят. Он не раз бывал в бухте Бековича и хорошо знает подходы. Сейчас он придет сюда сам. Через час нас примут начальник порта и аварийный инспектор. — добавил Белов. — Я думаю, старшина говорит правду.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул из-за перегородки диспетчер.

Дверь приоткрылась, и в комнату протиснулся широкоплечий парень в синей форменной куртке с желтыми пуговицами. Он сгреб с головы фуражку

и, задевая стулья, направился к окошку в стеклянной перегородке. В парне нетрудно было узнать матроса с фотографии — старшину катера.

— Вы вызывали меня? — спросил парень.

Диспетчер кивнул в сторону Белова и закрыл стеклянное окошечко.

— Нам нужно кое о чем с вами поговорить, — произнес Белов и привстал. — К сожалению, здесь только два стула.

— Ничего, я постою, — сказал парень и приготовился слушать.

Он стоял чуть согнувшись, большие руки теребили фуражку. На куртке двигались и поблескивали латунные, старательно начищенные пуговицы.

— Я постою, — повторил старшина, морща упрямый круглый юношеский лоб.

Осенью Белов был послан для проведения расследования обстоятельств аварии «Марии Чупровой» — моторной шхуны, принадлежавшей Красновскому рыбкомбинату.

Вернувшись, он представил отчет и материалы опроса команды, но в тот же день был снова вызван начальником отдела.

На столе перед начальником лежали бумаги, представленные Беловым.

— Слушаю, — сказал Белов. Он стоял у полуприкрытой двери, слегка щурясь, наклонив набок голову, и смотрел на молодого краснолицего начальника.

Тот пошуршал страницами, вздохнул и, оттянув пальцем тугой крахмальный воротничок, спросил:

— Писали в инспекции?

— Здесь, Алексей Алексеевич.

Начальник помедлил.

— Вы ошиблись в описании повреждения, — недовольно сказал он и медленно повел подбородком.

Из-под воротничка выползла красная, натертая жестким ребром воротничка полоска.

Белов вежливо слушал.

— Полагаетесь на память? — сказал начальник. — Подойдите сюда. Что вы тут понаписали?

Маленький инспектор заглянул через стол в лист, по которому мерно постукивал короткий начальственный палец.

— «Пробоина располагается в борту против мачты между двенадцатым и тринадцатым шпангоутами».

— А это что?

Начальник подвинул к краю стола желтый потрепанный лист миллиметровой бумаги.

Белов долго рассматривал лист.

— В судовых документах такого чертежа я не нашел. Был только эскиз, выполненный от руки, — сказал он наконец.

— Вы не нашли, а я нашел. В заводском архиве, — довольно сказал начальник и снова нахмурился.

— Против мачты между двенадцатым и тринадцатым... — повторил он и повел пальцем по чертежу. — А мачта стоит на...

Теперь сдвинул брови Белов.

— Здесь — на десятом.

— Вот именно!

Больше начальник ничего не добавил. Он смотрел на маленького Белова с нескрываемым удовольствием, прикидывая, что с ним сделать: отругать или помучить вопросами.

— Но я помню, — сказал Белов, — пробоина — против мачты. Между шпангоутами номер двенадцать и номер тринадцать.

— По-вашему, ошибка в чертеже?

— Да.

Начальник протянул руку к телефону, набрал номер заводского коммутатора и попросил найти чер-

теж какой-нибудь однотипной с «Марией Чупровой» шхуны.

— Мачта на десятом шпангоуте, — равнодушно сказал он, когда завархивом навел справки. — Начи-
наем ошибаться?

— Ошибиться я не мог.

— Много берете на себя, — сказал начальник. —
Придется еще раз идти в Красново.

— Слушаюсь, — сказал Белов и вышел из кабинета.

Весь вечер он просидел на кухне, слушая, как за стеной напевает над детской кроватью жена, рассеянно отвечая на ее вопросы и кропотливо, шаг за шагом, восстанавливая в памяти обстоятельства поездки на комбинат.

...Было октябрьское утро, холодное и солнечное. Рейсовый катер, которым прибыл Белов, выгрузил на причал комбината людей и почту и ушел, оставив в бухте голубое кольцо выхлопных газов.

Вместе с толпой инспектор сошел с дощатого причала на глинистую, разбитую автомашинами дорогу и направился в правление.

Вызванный туда капитан шхуны рассказал обстоятельства аварии.

В те дни над Приморьем проходил тайфун. Гигантский воздушный вихрь, зародившийся в районе Филиппин, ворвался в Японское море, причинил жестокие разрушения поселкам архипелага Римского-Корсакова и ушел, задев изогнутым своим крылом Красново. Однако и здесь ветер, скорость которого достигала двадцати метров в секунду, причинил немало бед.

«Мария Чупрова» стояла на якоре у западного берега. Ветер, вначале дувший с умеренной силой, медленно менял направление по часовой стрелке и

зашел к северо-западу. Сильный порыв его сорвал шхуну с якоря, и она начала дрейфовать по направлению к выходу из бухты.

Перед началом тайфуна команда находилась на берегу. Видя усиление ветра, капитан послал на шхуну вахтенного матроса. Когда положение стало угрожающим, он предпринял попытку добраться до шхуны вместе с мотористом и боцманом. Как только их ялик отошел от причала, волны стали его захлестывать. Два человека непрерывно вычерпывали воду, но ялик тонул. Ветер отнес маленькую лодку назад. Мокрые, выбившиеся из сил рыбаки выбрались на берег.

— Шхуну сорвало! — крикнул в этот момент кто-то из толпы.

Шхуна потеряла якорь.

У бухты Красново узкий вход. Бухта защищена сопками. Только в одном месте зеленые невысокие горы, окружающие ее, расходятся и образуют распадок, по которому северо-западный, в общем-то редкий в этих местах, ветер может прорваться к поселку.

Когда ветер принял это направление, якорь-цепь не выдержала. Второй якорь, который отдал с кормы вахтенный матрос, не зацепился за каменистый грунт. «Мария Чупрова», увлекаемая порывами ветра, стала продвигаться к выходу.

Два моторных сейнера отошли от причала, чтобы взять ее на буксир.

Они опоздали. Попад в течение, образовавшееся в бухте от сильного ветра, шхуна изменила направление, подошла к мелководью и коснулась днищем камней раньше, чем к ней успели пришвартоваться спасатели.

Из-под винтов сейнеров поднимались клубы ила и песка.

Один из сейнеров коснулся носом дна. Дав задний ход, он ушел, благополучно избежав опасности. Второй последовал за ним. Работая моторами, сейнеры удерживались на месте. Шхуна, пробив днище и набрав внутрь корпуса воды, вздрагивая под ударами ветра, плотно сидела на камнях.

Когда ветер стих, капитан и команда перешли на шхуну и, осмотрев затопленный трюм, убедились, что всякая попытка тащить судно с мели окончится его гибелью.

Выслушав рассказ капитана, Белов отправился вместе с ним на шхуну.

Там инспектор приступил к осмотру. Пробоина, наполовину выступающая из-под воды. Наклоненная палуба. Открытая дверь в носовой кубрик. Трюм со снятым с него люком... Белов опустил в форпик, прошел узким коридорчиком в полузатопленный кубрик.

Капитан вынес из рубки и положил перед инспектором эскиз — шхуна в разрезе.

— Неужели у вас нет настоящего чертежа? — спросил Белов.

— Нет.

Капитан плавал на шхуне третий год и больше чем на бумаге полагался на свой опыт коренного красновского рыбака...

Этот эскиз и сейчас, закрывая глаза, отчетливо видел Белов. Переборка, которой кончается носовой кубрик, за нею — трюм. Переборку надвое режет небрежно нарисованная мачта. Тут же, на переборке, номер шпангоута — двенадцать.

Пробоина чуть дальше к корме...

Утром, придя в инспекцию, Белов направился в библиотеку и попросил достать ему опись дел — аварии и происшествия — за последние десять лет.

Название «Мария Чупрова» встречалось в описи дважды.

Одно дело не представляло особого интереса. Оно было заведено по случаю нарушения режима плавания в заливе Харьковчанка...

В заливе была организована опытная ферма по искусственному разведению анфельции. Водолазы высаживали эту водоросль, прикрепляя бурые пучки ее к уложенной на дне металлической сети. Во избежание повреждений сети становиться на якорь в Харьковчанке было запрещено. Капитан «Марии Чупровой», укрываясь от шторма, зашел в Харьковчанку и оставался здесь двое суток. Когда он выбрал якорь, вместе с якорем со дна было поднято двадцать метров сети, утыканной мочалообразной анфельцией.

Второе дело могло озадачить даже выдавшего виды человека. В пухлой зеленой папке были подшиты хорошие две сотни страниц.

Дело свидетельствовало, что августовским утром 194... года рейсовый пароход «Бира», совершая очередное плавание между Владивостоком и Корсаковым, обнаружил в двадцати милях мористее мыса Поворотного стоящее без движения судно.

«Бира» сделал около него круг. На борту прочли надпись «Мария Чупрова». На трехкратно повторенный гудок сирены никто не отозвался. Палуба шхуны оставалась пустынной.

Спустили шлюпку, и помощник капитана с матросами осмотрели шхуну.

Ни одного человека на борту. Капитан «Биры» вызвал по радио пограничный катер, дождался его прихода и, передав ему шхуну, продолжил рейс.

Донесение командира пограничного катера было написано от руки, размашистым почерком, на десяти

листах. В нем сообщалось, что, когда катер пришвартовался к шхуне, командир произвел тщательный ее осмотр. Судно оказалось покинутым. Двигатель шхуны был холодный, попытка завести его успеха не принесла. В топливной цистерне нашлось полтонны горючего — почти полный запас.

Осмотрели ходовую рубку. В ней на столе лежала карта, карандаш со сломанным грифелем и закрытая лочия. Курс шхуны на карте проложен не был.

Постель капитана была тщательно заправлена, в его каюте все расставлено по местам, маленький стол чист и прибран.

Трюм шхуны оказался пуст, крышка люка сдвинута с места и небрежно прикрыта брезентом.

Осмотрев палубу и форпик, командир катера спустился в носовой кубрик. Три койки из четырех были смяты и производили такое впечатление, будто на них недавно сидели. На столе лежали хлебные крошки и была просыпана соль. В рундучке, где команда хранила продукты, нашли шесть буханок хлеба, двенадцать банок свиной тушенки, три пачки соли, вязки сушеной рыбы и начатую банку брусники.

В выгородке между форпиком и кубриком, под лестницей, находился камбуз. На плите, оборудованной походным примусом, стоял едва теплый чайник. Однако катер пришел спустя два часа после обнаружения шхуны «Бирой» и пограничник, писавший донесение, счел необходимым дважды подчеркнуть фразу о теплом чайнике.

Куда исчезла команда шхуны?

Запросили по радио Владивосток.

«Мария Чупрова» принадлежала в те годы Управлению охотничьего хозяйства и доставляла заповедникам, расположенным на побережье Приморья, грузы и почту.

Из полученного краткого ответа командиру пограничного катера стало известно, что за два дня до происшествия шхуна без капитана, положенного в госпиталь, находилась на стоянке в реке Терновке в заповеднике пантовых оленей и внезапным паводком была вынесена в море. Из четырех матросов один находился на берегу, трое пропали вместе со шхуной. Поиски, организованные дирекцией заповедника — в море выходили три сейнера, — ничего не дали.

Получив это сообщение, командир катера решил отбуксировать шхуну в Находку — порт, расположенный недалеко от места обнаружения судна.

Получив разрешение, он взял шхуну на буксир и малым ходом направился к берегу. На шхуне был оставлен вооруженный матрос.

По словам командира, буксировка сначала шла хорошо, слабый ветер от северо-запада не превышал трех баллов. Матрос, оставленный на шхуне, находился в рубке у штурвала и управлял судном. Катер приблизился к Поворотному, передал через сигнальный пост сообщение о своем движении в Находку и, когда наступила темнота, уже был у входа в залив.

Далее пограничник писал:

«В 22.40 катер вздрогнул и увеличил ход. Я сразу же посмотрел за корму и увидел, что огонь фонаря, который мы установили на рубке шхуны, быстро удаляется. Скомандовав поворот, я стал разыскивать шхуну — на море был легкий туман. В это время на мостик ко мне поднялся боцман и попросил пройти на корму для чрезвычайно важного сообщения. Я прошел туда, и боцман показал мне поднятый из воды конец буксирного троса. Он был гладко обрезан ножом.

Увеличив ход и сыграв боевую тревогу, мы начали искать шхуну и через двадцать минут нашли ее, стоящую без движения. Наведя на шхуну пулемет, я подошел самым малым ходом, укрыв весь личный состав за надстройкой и опасаясь возможных выстрелов.. На палубе виднелся силуэт человека. Это был оставленный нами часовой.

Ошвартовавшись у шхуны, арестовав часового и осмотрев немедленно ту часть троса, которая оставалась на шхуне, мы обнаружили гладкий, произведенный ножом срез. Осмотрев вторично шхуну и убедившись, что на ней никого нет, я приказал обыскать часового. При обыске у него был найден карманный нож с остро заточенным лезвием.

Вину свою матрос отрицал, мотивы преступления назвать отказался.

Оставив на шхуне троих матросов и заведя снова буксир, я дал ход и в 5.13 вошел в бухту Находка, где ошвартовался в рыбном ковше у причала.

После того как шхуна была сдана органам безопасности, вышел в море для выполнения задания по охране госграницы».

На этом донесение командира катера заканчивалось, однако цепь событий, связанных со шхуной, на этом не прервалась.

Как следовало из дальнейших документов, в первую же ночь пребывания «Марии Чупровой» в рыбном ковше имело место еще одно происшествие.

Около половины второго часовой, стоявший на посту у шхуны, услышал в темноте плеск, включил прожектор и при неярком свете его (как показало следствие, прожектор был снабжен лампой пониженной мощности и плохо отфокусирован) увидел в воде человека, плывущего с другого берега по направлению к шхуне.

После оклика часового и предупреждения «Стой, стрелять буду!» человек повернул и, пользуясь плохой видимостью, скрылся. На выстрел часового спустя пять минут явился разводящий караула, а затем начальник. Принятые меры к поиску и задержанию нарушителя успеха не имели.

Что касается часового, при котором был перерезан при буксировке канат, то, как явствовало из материалов дела, он признался, что вахту на руле нес халатно: заперев дверь рубки и установив руль в среднее положение, спал, однако вину свою продолжал категорически отрицать, и дело его было выделено отдельным производством...

Закончив чтение бумаг, Белов откинулся на спинку стула и задумался. Он сидел, глядя перед собой широко открытыми глазами. Губы маленького инспектора шевелились. Станные события имевшие место более десяти лет назад, никак не хотели обнаруживать связь с непонятной путаницей в нумерации корабельных шпангоутов.

Тогда Белов встал, вышел на Приморскую улицу и, следуя прихотливым ее изгибам, направился в Управление заповедниками.

Списки личного состава плавучих средств, принадлежавших в свое время Управлению, найти удалось не сразу.

— Их, скорее всего, уничтожили, — сказала Белову молодая женщина с безразличной складкой в углу рта. — Допустить вас к архивным делам я тоже не могу.

Однако сделать это ей пришлось.

Заручившись разрешением, Белов засел в полутемной комнате, плотно заставленной стеллажами, и начал осторожно полку за полкой разбирать приказы по личному составу.

Через сутки он вынес из комнаты дело группы плавсредств. На странице сто двадцать шестой слепыми буквами на плохой машинке был напечатан приказ с объявлением списочного состава посыльного судна «Мария Чупрова»: капитан — Личутин Ф. С., боцман — Дмитриев Ю. Г., моторист — Сенюшкин С. С., старший матрос — Лешуков Г. Т., матрос — Павлов М. М.

Белов аккуратно переписал эти фамилии.

Затем несколько дней подряд маленького инспектора видели входящим по утрам в здания, на которых висели доски с названиями управления милиции, адресного стола и городского архива.

Вечерами Белов доставал из потасканного черного портфеля список команды и внимательно перечитывал его. Первой появилась пометка против фамилии капитана. Личутин Ф. С., положенный в госпиталь в те беспокойные дни, на шхуну не вернулся. После продолжительной и тяжелой болезни он был выписан, комиссован и вскоре умер под Владивостоком в селе Малая Шмаковка.

Второй появилась запись против фамилии, стоявшей на третьей строчке списка. Моторист Сенюшкин оказался тем самым матросом, который в штормовую ночь остался на берегу. Он был назначен на шхуну всего за неделю до описанных событий. В личном деле, хранившемся в отделе кадров, нашлось и написанное им объяснение на трех листах. Из него можно было сделать вывод, что моторист не успел по-настоящему войти в команду, людей не знал и был на шхуне человеком случайным.

Оставались боцман и два матроса.

— Странно! — сказал Белов, рассматривая даты приема их на работу.

Между числом, когда был принят боцман, и днем появления на судне обоих матросов не прошло и недели.

Вечерами, сидя в маленькой комнатке, катая взад-вперед поставленную около обеденного стола кровать дочери, слушая слова жены, попеременно доносящиеся то из кухни, то из ванной, Белов размышлял.

В голову ему лезли истории о брошенных в море судах. Корабли, совершающие рейсы через океаны, случалось, находили безмолвно дрейфующие, покинутые командами парусники и пароходы.

История любит повторять себя. Парусники чаще всего бросали после того, как они получали повреждения корпуса. В судно поступала вода, команда, если она была плохой или неопытной, спешила уйти на шлюпках... Одинокий, с опущенными или оборванными парусами, корабль оставался плыть, медленно влекомый течением.

Пароходы покидали из-за пожара. Считая, что они не в силах справиться с огнем, неопытные матросы уходили прочь от объятых пламенем гиганта, а тот, стальной, разделенный на водонепроницаемые отсеки, выдерживал борьбу. Огонь, испепелив содержимое кают и трюмов, успокаивался, а выгоревший наполовину исполин оставался на плаву и тоже отправлялся в призрачный пугающий рейс...

То, что произошло с «Марией Чупровой», ни на один из этих случаев не походило. В фактах, подробно описанных на страницах дела, не находилось ничего, что можно было бы считать первым звеном в цепочке доказательств и объяснений.

В голову Белову снова и снова приходила странная, совершенная им описка: «Пробоина расположена...»

Память, которой он доверял всю жизнь, говорила — ошибку содержит чертеж.

На другой день Белов написал и отправил в Москву запрос о судьбе трех человек, чьи фамилии еще оставались в списке команды шхуны.

Под диктовку инспектора аккуратная машинистка выбила на конверте адрес: «Управлению пограничных войск».

Через месяц Белов, начальник инспекции, капитан шхуны и человек в форме пограничника осматривали еще раз «Марию Чупрову».

Полузатопленная шхуна лежала на боку.

Забрались в трюм.

Осветив переборку, отделяющую его от кубрика, стали по одной выстукивать доски. Начальник инспекции вытащил из кармана складной нож и погрузил его лезвие в щель. Оно провалилось. На стук ответила пустота. Принесли топор.

Кряхтя и неловко размахиваясь, чтобы не задеть спутников, капитан начал рубить переборку. Надсадно хрястнув, отвалилась доска. Обнажился прямоугольник потайной двери. В пространстве между десятым и двенадцатым шпангоутами в луче фонаря высветилось глухое, без иллюминаторов, помещение.

— Они прятались тут, — сказал Белов.

В тайнике нашли три ватника, окурки, разбитые ручные часы, топор.

Выбрались на палубу. Человек в форме пограничника сдвинул на живот планшетку и осторожно вытащил из нее конверт.

— Ответ из Управления войсками, — сказал он.

Начальник инспекции прочел письмо вслух. В нем сообщалось, что указанные в запросе лица — Дмитриев Ю. Г., Лешуков Г. Т. и Павлов А. М. были

убиты при попытке перейти государственную границу в районе города А. Материалами расследования установлено, что все трое во время войны оставались на оккупированной территории в городе Минеральные Воды, сотрудничали с фашистской администрацией и подлежали суду за совершенные во время войны преступления...

— Шхуна — их первая попытка уйти за рубеж! — сказал начальник инспекции.

И он, искоса поглядывая на Белова, рассказал эпопею «Марии Чупровой».

Во время ремонта, который выполнялся силами команды, Дмитриев и его приятели, воспользовавшись болезнью капитана и отсутствием в то время моториста, оборудовали в трюме между двенадцатым и четырнадцатым шпангоутами тайник. Ими тогда же были сделаны необходимые для побега запасы горючего и продовольствия.

Во время паводка на реке Терновке они симулировали бедствие, а когда шхуна оказалась в море, завели мотор и стали удаляться от берега. Но мотор скоро вышел из строя. Не имея достаточного опыта обращения с ним, преступники не сумели починить его и днем были обнаружены «Бирой».

Видя, что к ним подходит судно, все трое укрылись в тайнике, а ночью во время буксировки шхуны, воспользовавшись тем, что часовой уснул, перерезали канат. Однако катер быстро нашел шхуну, и, вероятно, только это спасло жизнь часового.

Видя, что попытка побега провалилась, боцман и его приятели дождались, когда «Чупрова» будет приведена в порт. И там, незаметно выйдя из трюма на палубу, покинули ее вплавь. При этом одного из плывущих заметил часовой, но ошибся, решив что человек плывет не от шхуны, а к шхуне.

Затем все трое покинули пределы Дальнего Востока. Их след обнаружился только год спустя, когда они предприняли новую попытку перехода границы...

Белов слушал начальника, кивая и разглядывая радужные пятна на воде, — у топливного пирса заправлялись соляром два сейнера.

Стали составлять акт. Его писал Белов. Он писал, присев на перевернутый ящик, держа лист на коленях, аккуратно выводя слова и нумеруя каждую страницу.

ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ

(Повесть)

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой происходит моя встреча с <i>Аркадием</i>	9
ГЛАВА ВТОРАЯ, где появляются имена монаха Германа <i>и сотника Кобелева</i>	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, которая продолжает предыдущую . .	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Она начинается знакомством с <i>адмиралом и заканчивается ветром надежды . . .</i>	32
ГЛАВА ПЯТАЯ, где мы узнаем, что такое Тридцать <i>первый остров, и перелетаем во Владивосток . . .</i>	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой появляется маленький <i>инспектор безопасности кораблевождения</i>	48
ГЛАВА СЕДЬМАЯ содержит историю острова Измен- <i>ного и демонстрирует необыкновенные способности</i> <i>Белова</i>	53
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, излагающая содержание папки с де- <i>лом об аварии пароходов</i>	60
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой мы покидаем Владивосток	78
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Сахалин и остров Тюлений.	88
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Остров Кунашир	93
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой с помощью верто- <i>лета мы достигаем острова Изменного</i>	99

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, где меня облачают в водолаз- ный костюм и я опускаюсь на дно	107
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, про то, как мы очутились в положении робинзонов	112
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Остров Шикотан и некото- рые обстоятельства еще одной аварии	121
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, о том, что мы увидели, по- пав на Край Света	128
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой мы с Аркадием снова расчищаем заклепки	136
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, включающая в себя содер- жание двух писем	141
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой появляются во- долазы.	148
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, про остров водолазов	154
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Мы находим сейф и ствол от пожарного рукава	160
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Мы находим часы, а Бе- лов делает из этой находки свои выводы	169
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой есть осьминог, еще одна находка и отъезд Белова	175
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, самая важная в книге	181
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, не уступающая по важ- ности предыдущей	191
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, еще более важная	197
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой есть письмо из Алма-Аты и разговор о судьбе морского млеко- питающего.	208
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, и последняя	215

РАССКАЗЫ

ВЫБРОШЕННЫЙ НА МЕЛЬ КАТЕР „РК-12“	225
ДЕЛО О ШХУНЕ „МАРИЯ ЧУПРОВА“	239

Святослав Владимирович Сахарнов

ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ

Повесть, Рассказы

Для детей среднего школьного возраста

*Редактор И. И. Трофимкин
Художник С. А. Остров
Художественный редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Т. П. Гладышева
Корректор И. Е. Блиндер*

Сдано в набор 7/VIII 1972 г. Подписано к печати 23/XI 1972 г.
М-51145. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 11,2.
Уч.-изд. л. 9,79. Тираж 100 000 экз. Заказ № 807. Цена 30 коп.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

30 коп.

